

2019-II
16+

Journal of Frontier Studies

ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN: 2500-0225

16+

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№2 (14)

2019

ISSN: 2500-0225

16+

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№2 (14)

2019

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Мы стремимся к тому, чтобы наш журнал выполнил бы важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Учитывая тот факт, что изначально фронтальная теория родилась в США, мы посчитали необходимым предоставить нашу площадку для ученых из разных стран, поэтому вторым равноправным языком нашего журнала стал английский. А в редколлегии нашего журнала принимают активное участие не только отечественные, но и зарубежные ученые, так или иначе связанные с изучением данной проблемы.

Хотя предпочтение и отдается гуманитарной направленности данной проблемы, однако редакция журнала будет приветствовать и статьи научно-естественного характера, в той или иной степени имеющие отношение к научному фронту, так как, с нашей точки зрения, фронт является не только особым историческим локусом, но это еще и особая культурная парадигма, проявляющаяся в различных областях нашей жизни, определенная идея, находящая отклик в разных областях науки и человеческого бытия.

Наш журнал является рецензируемым научным изданием, и все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

Но это не означает, что статья, получившая критические замечания однозначно не будет опубликована в нашем журнале. В ряде случаев

мы можем опубликовать ее с определенными оговорками или редакционными замечаниями. Мы будем стараться предоставлять платформу для самых различных мнений и идей. И мы полагаем, что каждый ученый имеет право на высказывание и собственную точку зрения, даже если у членов редакции имеется отличное от авторского мнение.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем журнале. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет

Журнал индексируется в / The journal is indexed in:

- Erih Plus
- РИНЦ: Договор №348-06/2016 от 9/6/2016
- Киберленинка
- Index Copernicus
- PKP Index
- Root Indexing | Root Society for Indexing and Impact Factor Service
- World Catalogue of Scientific Journals
- Researchbib
- Journal Factor

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / EDITOR-IN-CHIEF:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / ASSISTANT OF EDITOR-IN-CHIEF:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

РЕДАКТОРЫ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ / EDITOR OF THE ENGLISH VERSION OF THE JOURNAL:

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философии и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Isabeau Vollhardt, English language editor, USA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Саракаева Элина Алиевна, к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Канатьева Наталья Сергеевна, к. биол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Философия и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago

Isabeau Vollhardt, English language editor, USA

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL COUNCIL:

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ)

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati

Hopson Nathan, Ph.D. in History, Graduate School of Humanities, Nagoya University

Piotr Gorecki, Ph.D., professor of Department of History, University of California, Riverside

КОНТАКТЫ / CONTACTS:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”

Address: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Главный редактор:
Якушенков Сергей Николаевич
Email: editorialboard.jsf@gmail.com

Дирекция журнала:
Алиев Растям Туктарович
Email: editorialboard.jsf@jfs.today

Все статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Кирчанов М. В.
«Темные тени прошлого навсегда останутся с нами»: отцы и сыновья, фронтиры и лакуны, континуитет и дискретность в советской и постсоветской литературе

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Болтаевский А. А.
Мультирасовое общество Суринама: некоторые социально-экономические и политические аспекты

Кулаков В. И.
Архаические формы обрядности в погребальных традициях эстиев

Маурья А.
О тюльпанах и нарциссах: Кашмирский джаннат назир как политический ландшафт империи Великих Моголов

Горецкий П.
Двойственность фронта: анализ двух кейсов из Средневековой Силезии

Горецкий П.
Примечание: в память о Ричарде Хелли

CONTENT

THEORETICAL QUESTIONS

M. V. Kyrchanoff
«Dark shadows of the past will forever remain with us», or Fathers and Sons: Boundaries and Frontiers, Walls and Bridges in Soviet and Post-Soviet Literature

FOREIGN FRONTIER

A. A. Boltaevsky
Multi-racial society of Suriname: some socio-economic and political aspects

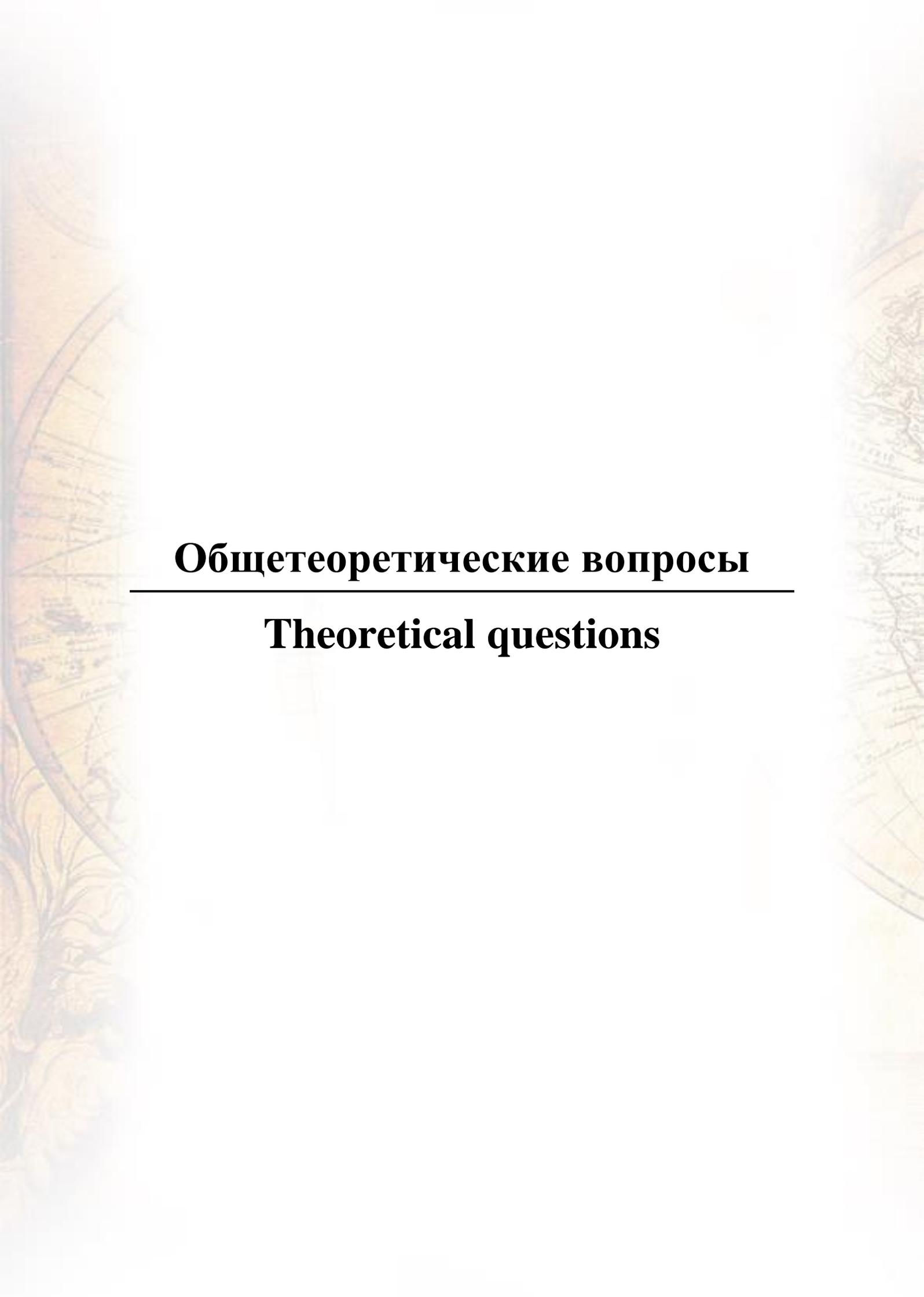
V. I. Kulakov
Archaic forms of ritual in the funeral traditions of the Aestii

A. Maurya
Of Tulips and Daffodils: Kashmir Jannat Nazir as a Political Landscape in the Mughal Empire

P. Górecki
Ambiguities of the Frontier: two Case Studies from Medieval Silesia

P. Górecki
A Note: In Memory of Richard Hellie

В память о Ричарде Хелли. От редакции	121 / 122	In Memory of Richard Hellie. From the Editors
ФРОНТИР В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	126	FRONTIERS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE
Буркова В. Н., Феденок Ю. Н. Традиционная и современная организация жилого пространства дома: Россия и Танзания	127 / 149	V.N. Burkova, Y.N. Fedenok Traditional and Modern organization of living space of house: Russia and Tanzania
РАЗНОЕ	152	MISCELLANEA
Монахова Й. С., Мещеряков А. Ю. Фотограф между историей и искусством	153 / 169	Y. S. Monakhova, A. Yu. Mescheryakov A Photographer in-between History and Art

Общетеоретические вопросы

Theoretical questions

«DARK SHADOWS OF THE PAST WILL FOREVER REMAIN WITH US», OR FATHERS AND SONS: BOUNDARIES AND FRONTIERS, WALLS AND BRIDGES IN SOVIET AND POST-SOVIET LITERATURE

Maksim Valerievich Kyrchanoff (a)

(a) Voronezh State University, 16 Pushkinskaia str., Voronezh, Russia, 394000
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

My goal is to provide an analysis of problems created by social, cultural and intellectual boundaries found revealed within differing literary historical periods. Writers, poets and intellectuals such as David Shroyer-Petrov and Maxim Shroyer (1936-1967); Antanas Venclova (1906–1971); Tomas Venclova and Konstantine Gamsakhurdia (1891–1975); and Zviad Gamsakhurdia (1939–1993) are all examples of Soviet, post-Soviet and anti-Soviet literatures. This article focuses upon problems documented in the development and expression of social and ethnic identities found within the texts of intellectuals who belonged to different generations by elucidating the contradictions between fathers and children; and by exploring how different generations in literary history described either their attitudes supporting nationalism or revealed themselves as members of the myriad forced or voluntary adherents to Soviet Communist ideology. In this context, Soviet and post-Soviet literature can be approached as an historical record that describes geographical, experiential, social and intellectual boundaries between people, cultures, and governments – meaning that they are not only poems, essays, or works of fiction, but evidence of the changes in our socio-political structure and therefore a touchstone to changes in our modern history. Representatives of the first and second generations from this literary history either use different languages or write in two languages simultaneously, a in part due to the fact that emigration became an important factor that forced some intellectuals to abandon Russian language in favour of writing in English. Emigration may also have become a stimulus for the emergence and development of transculturalism within the community of intellectuals.

Keywords

Soviet literature, post-Soviet literature, Soviet literary history, Russian literary history, intellectuals, writers, prose, poetry, nationalism, identity, Sovietization, communism, anti-communism

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

1. ASSESSMENT OF LITERATURE AS A SOCIO-POLITICAL SIGNPOST OF BOUNDARIES

Modern cultural and intellectual situations can be determined or imagined as evidence of social, political or ideological frontiers. They can be considered to be signposts of cultural boundaries because no modern identity can be defined as an exceptionally pure, belonging to only one national discourse that refuses consideration of any other. Modern national discourses, despite their formally national character, are heterogeneous in the extreme. As a result, it is practically impossible to map boundaries between nations or nation-states, much less to divide identities of intellectuals who belong to nations as ideological communities. It's known that intellectuals create ideologies as proposed traditions for their fellow citizens. The boundaries dividing modern cultural and social situations create an intellectual tradition and construct that, as an invention, may reveal a frontier along boundaries that could be crossed or even changed.

World history provides numerous examples of cultural, political, and intellectual conventions reframed by writers and other artists who, while belonging to the same family or social group nonetheless portrayed different realities in their texts, giving birth to myriad political projects of imagined communities and their traditions. One result was the proposal that any boundary separating one group or tradition from another is actually a permeable frontier worth exploring. Analyzing boundaries between cultures and identities is consequently one of the most promising topics in contemporary interdisciplinary Humanities. The number of possible themes in Frontier Studies is vast precisely because any perceived boundary is actually a frontier; it's a realm of study that ranges from the analysis of the frontier cases of identities of imagined communities to the examination of marginalization. Such a study reveals philosophical biases behind the strategies of nations and how they define their identities and traditions

2. LITERARY HISTORY AND FRONTIER STUDIES

The analysis of individual trajectories of intellectuals who belonged to different generations of literary history and had different identities is a promising topic within contemporary Frontier Studies because it reveals the interdisciplinary potential and possibilities of humanitarian discourse. The study of literary history with regard to frontier identities allows the historian to transcend merely working as a literary historian, national historian or political historian. Instead, he or she will be researching individual and cultural identity as a heterogeneous and multi-level project.

The history of literature in these interdisciplinary studies ceases to be just a history of literature. Instead, it opens the page to transforming our understanding of social or cultural histories, the history of gender, the history of generations, as well as an intellectual history. Furthermore, such study reveals possibilities and potentials within modernist and constructivist language as found in literary history. This theoretical approach will push the historian into the Procrustean bed of constructivism, forcing him to sit between the Scylla of the imagination of literature as a construct and Charybdis of understanding of texts as attempts to promote and/or popularize identity.

3. LITERARY HISTORY AS INDICATORS OF SOCIAL AND CULTURAL FRONTIERS

The history of 20th century literature provides many examples of works that reveal when relatives, including fathers and sons who are well-known writers, produce different kinds of literature which describe different political traditions and national identities due to their writing in different languages. These literary works are a vivid example of how borders reveal frontiers that can be crossed and result in transcultural knowledge. Writers from different generations had different identities, as well as ideological and political preferences. Their texts are narratives that cultivate diametrically opposed identities or different versions of one national identity. David Shraye-Petrov (Давид Шраер-Петров, 1936) and Maxim D. Shraye (Максим Шраер, 1967), Antanas Venclova (1906–1971) and Tomas Venclova (1937), Konstantine Gamsakhurdia (კონსტანტინე გამსახურდია, 1891–1975) and Zviad Gamsakhurdia (ზვიად გამსახურდია, 1939–1993) are just a few examples of writers whose literature reveals historical paradigms.

4. PURPOSE OF THIS ARTICLE

My goal is to elucidate the transformation of national identities within the contexts of described frontiers between historical eras, social and cultural generations, changes and mutations of national literatures in exile and emigration or authoritarian political regimes found in the texts of representatives of Russian-American Jewish (David Shraye-Petrov and Maxim Shraye), Georgian (Konstantine Gamsakhurdia and Zviad Gamsakhurdia) and Lithuanian (Antanas Venclova and Tomas Venclova) writers, rendering their works significant in the study of history as it

pertains to the presence of impermeable borders that can become frontiers to cross.

5. SOCIAL AND CULTURAL FRONTIERS OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITIES: KONSTANTINE AND ZVIAD GAMSAKHURDIA

Konstantine Gamsakhurdia and Zviad Gamsakhurdia, significant in the literary history of Georgia, became significant and important figures in 20th century Georgian history, entering it as writers, poets, critics and intellectuals simultaneously. Zviad Gamsakhurdia, unlike his father, was a political activist, an anti-Soviet Georgian nationalist and dissident who became the first president of Georgia after the critical historical moment when it regained political independence and state sovereignty. The literary heritage of father and son demonstrates the transformations of Georgian identity experienced in the period from 1920 to 1990.

While Konstantine Gamsakhurdia sought to synthesize traditional nationalist discourse in its ethnic version with modernism and socialist realism in order to actualize national ideas within historical prose, Zviad Gamsakhurdia became known because he described Georgian history through literature as a romantic poet – yet his political message was more pronounced in his essays that synthesized ethnic nationalism, Georgian ethnical myths and anti-communist sentiments (Urušadze, 1996; Urušadze, 2004; Ghlont’i, 2007). By contrast, Konstantine Gamsakhurdia’s historical prose and novels (P’ap’askiri, 2010), which were historical from a formal viewpoint, of note being “Davit Aghmašenebeli” (Gamsakhurdia K’., 2011) and “Didost’at’is K’onst’ant’ines maržvena” (Gamsakhurdia K’., 1939) can be defined as frontier despite the fact that critics of the Soviet period preferred to imagine them as realistic and ideologically politically correct, thus reinforcing a particular socio-political boundary.

Konstantine Gamsakhurdia’s historical prose is frontier because his works are political: he used history as an external background of contemporary political situations and circumstances within Soviet totalitarian society, where the hero – intellectual – was doomed to a marginal existence on the frontier of politics, culture, and individual creativity, relegating the hero to live within an undemocratic ideology. Gamsakhurdia’s frontier-exposing texts can only be construed as socialist realism from a formal viewpoint. In fact, they synthesized modernist poetics with Georgian ethnic nationalism. Konstantine Gamsakhurdia can, consequently, be viewed as a writer depicting cultural and social frontiers:

he was forced to play the role of a recognized Soviet classic writer, yet he remained a Georgian nationalist.

Konstantine Gamsakhurdia's "Dionisos Ghimili" (Gamsakhurdia K'., 1934) can also be defined as a frontier text. Konstantin Savarsamidze (კონსტანტინე სავარსამიძე), the novel's main protagonist is a Georgian aristocrat and emigrant – representative of a man of frontier – who lives a marginal existence on the border between the West and East, which is a frontier defining different cultures and identities, and the border between ancient paganism and Georgian Christianity (Gamsakhurdia Z., 1991a; 1991b; Tevzadze, 1996). Savarsamidze, the novel's hero, chooses between traditional Georgian vineyards and Parisian cafés painfully, between the archaic aristocratic culture of Georgia and the modern mass culture of the West (Iungeri, 1981; Iungeri, 1982; K'ank'ava, 1983; Lomidze, 1998). Savarsamidze is a frontier figure because his identity displays the trans-territorial character of an expellee (Bregadze, 2015; Gats'erelia, 2009; Sigua, 2014; Jaliašvili, 2011).

Konstantine Gamsakhurdia's early prose is a hypertext that relies upon the fin de siècle era, to reveal a cultural frontier. His work aims at a deconstruction of the previous romantic discourse by dismantling the myth and the romantic hero it created. The result is the removal of the story from the realm of the personal to the universal, creating prose that takes the national to the level of the transnational. This transformation – or transcendence, if you will – can be mapped on the frontier between national identities, and cultural and historical eras as well. Frontierness, as Gamsakhurdia believed, resulted from the uniqueness of Georgian ethnicity and language. The absence of ethnic relatives in Europe also marginalized Georgia's status and transformed it into a European frontier within the context of several Roman and German states of the West. Therefore, commenting on Georgian-European cultural contacts, Gamsakhurdia was forced to admit pessimistically that "our loneliness was a tragedy of our history" (Gamsakhurdia K'., 2011) despite the fact that Georgia and Europe were historically and genetically close in their Christianity and shared a common struggle against the Islamic threat.

Konstantine Gamsakhurdia believed that Georgian identity represents a frontier because Georgian intellectuals cannot find their historical ancestors and predecessors, despite Georgians being among the great historical nations. He demonstrates through his writings that the frontier character of Georgia as a country and Georgian cultural identity both became visible due to the influence of several factors, including the fact that the new Georgian intelligentsia was extremely weak resulting in its supporters of new cultural and political ideas being insignificant.

Gamsakhurdia's grandson, speaking at the solemn ceremony dedicated to the 111th anniversary of the writer's birth, declared that his grandfather's Georgian literary classic sought to introduce Georgia into Europe in order to overcome the cultural and intellectual frontier between the two regions and cultures, as well as to synthesize Georgian nationalism, Christian values and principles of modernism (Gamsakhurdia K', 2004).

Konstantine Gamsakhurdia emphasized that "we have no fighters for new ideas, and we did not reform our mission in history" (Gamsakhurdia K', 2014). Konstantine Gamsakhurdia on occasion voiced the frontier espoused by Georgian intellectuals in Sovietized Georgia by making politically dangerous statements. At the Congress of Georgian architects Gamsakhurdia said: "utsnauri khalkhi vart kartvelebi! davit aghmašeneblis dzegli ar dgas tbilisši. dzegli k'i ara, kučats k'i ar gavimet'et" or "we, Georgians, are strange people! The monument to David Agmašenebeli was not erected in Tbilisi. There is no a monument, there is no street" (Sigua, 2014), actualizing the contradictory positions and mixed character of Georgian identity in the Georgian SSR, which in fact is revealed through literature as being a frontier space – a moving border between Sovietized discourse and the national canon.

If Konstantine Gamsakhurdia belonged almost exclusively to Georgian literature, becoming one of its recognized classic authors, then Zviad Gamsakhurdia – unlike his father – became a more marginalized figure because his status and cultural affiliation expressed the spirit of the frontier. Zviad Gamsakhurdia was not just a poet or university intellectual – he combined academic studies in the field of Georgian literature and his work as a Georgian translator of works originally published in European languages with his political activities (Gamsakhurdia Z., 1972; Gamsakhurdia Z., 1990; Gamsakhurdia Z., 1996; Gamsakhurdia Z., 1993). Konstantine Gamsakhurdia asserted that Georgian history was a factor in solidifying the psychological trauma experienced by the Georgian nation, thus creating an historical lacunae. Zviad Gamsakhurdia, by contrast, sought to exalt and redeem Georgian history (Gamsakhurdia Z., 1990), by portraying the past as evidence of a symbolic frontier separating the modern Georgian nation from its past and catapulting it toward a more expansive future. The translations can be interpreted as uniting the two Gamsakhurdia generations' heritage as recorded in their respective literatures because they both were active translators of European literature into the Georgian language. Konstantine Gamsakhurdia and Zviad Gamsakhurdia participated in defining the frontier between Georgian and European cultures, promoting the integration of Georgian intellectual, cultural and literary discourses into the Western canon.

6. FATHER AND SON, COMMUNIST AND NATIONALIST: LITHUANIAN IDENTITY BETWEEN LACUNAE AND CONTINUITIES OF GENERATIONS

Antanas Venclova and Tomas Venclova – Lithuanian intellectuals, writers, and poets – provide another example of literary periods. The political dynamics of 20th century Lithuanian history marginalized Antanas and Tomas Venclova, but their writings did not directly describe their marginality, or even their alienation from their Lithuanian culture and identity, because their marginal status took other forms. Antanas and Thomas Venclova were marginalized because their ideas, actions, and administrative positions were too radical for the era in which they lived, despite the fact that Antanas Venclova still was able to succeed in his career in the Soviet Lithuania.

The majority of Lithuanian intellectuals and writers accepted Soviet power formally while remaining passive in private, thus avoiding active collaboration with the regime, yet Antanas Venclova, by contrast, sought to make a career in Soviet Lithuania as a Soviet Lithuanian writer. He accepted his election to be a member of Liaudies Seimas in 1940, and subsequently took part in the session of the USSR Supreme Soviet which finalized the Sovietization of Lithuania, resulting in its annexation to the Soviet Union as the Lithuanian SSR. Antanas Venclova's signature is evidence to this act as it is found in the original text of the "Declaration on Lithuania's accession to the Union of Soviet Socialist Republics", which marks his role in the definition of boundaries described by the political and intellectual climate of 1940.

Antanas Venclova was among those Lithuanian intellectuals who agreed to collaborate with the Soviet regime and so became an agent of Sovietization of Lithuania. He held several different Soviet official positions, including People's Commissar of Education of the Lithuanian SSR (1940–1943), Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Lithuanian SSR (1949), member of the Central Committee of the Communist Party of the Lithuanian SSR, deputy of the Supreme Council of the Lithuanian SSR and the Supreme Soviet of the USSR (1941–1962), and Chairman of the Union of Soviet Writers of the Lithuanian SSR (1954–1959). The fact that Antanas Venclova in 1950 wrote the anthem of the Lithuanian SSR (Venclova A., 1950), where Iosif Stalin and Vladimir Lenin were mentioned simultaneously, turned the writer into a boundary-defining figure in Lithuanian history; as a result, his status in the modern Lithuanian historical milieu is marginal because it has been transcended.

The anthem of the Lithuanian SSR, written by Antanas Venclova, cemented the boundary that defined Lithuanian Sovietized identity. Some of his texts defined boundaries because they fit within several discourses: political and ideological canons simultaneously, including Lithuanian nationalism, communism, and Soviet loyalty. His poem “Tėviškė” (Venclova A., 1942), idealized Lithuania and actualized the values found in Lithuanian nationalism. Almost thirty years later, after Lithuania was Sovietized and integrated into the Soviet ideological realm, Antanas Venclova delineated the republic’s cultural boundary again by idealizing the Lithuanian language (Venclova A., 1970), imagining Lithuania as a boundary separating the Baltic world and other cultural Slavic and Germanic cultures from his own.

Understanding the conflict between the boundary and frontier status of Lithuania through the gap in its historical and cultural records, as well as realizing that “niūriosios praeities šešėliais liks mums visada” or “dark shadows of the past will forever remain with us” (Venclova A., 1941c) Antanas Venclova attempted to integrate Lithuanian nationalists into the Soviet ideological canon. He recognized isolation evidenced by the historical roots of the breaking with traditions, as well as gaps in national and historical conventions. He described his homeland as a wild, abandoned park: “miestas toks tolimas, svetimas, parkas apleistas ir senas” or “a city so distant, strange. The park is abandoned and old” (Venclova A., 1941b). Lithuania, in Venclova’s poetic imagination, mutated into an unbounded realm where an abandoned and wild territory faces death (Venclova A., 1941d), and teeters on the precipice separating civilization from barbarism. The poet imagined Lithuania as a state balancing on the line separating two eras, a country growing outside of closed boundaries and seeking to create cultural frontiers. He compared it to a tree without roots (Venclova A., 1941a).

The texts of Tomas Venclova (Greimas, 1972; Valiukėnaitė, 1975; Valiukėnaitė, 1978; Kelertienė, 1981; Šilbajoris, 1982a; Šilbajoris, 1982b; Šilbajoris, 1991; Kavolis, 1984; Nastopka, 1997), Antanas Venclova’s son, also reveal the difference between boundaries and frontiers. Tomas Venclova recognized special social and cultural connections between himself and his father, without denying their political and ideological differences, stressing that “my father, Antanas Venclova, was a self-confident Communist. I respect him, I respect him as a person, he taught me the principles of loyalty.” (Mitaitė, 2002). Beginning his career as a poet in the Lithuanian SSR (Venclova T., 1962, 1965, 1972), Tomas Venclova can be counted among the intellectuals describing social, cultural and political frontiers because he was forced to emigrate in the 1970s. His

emigration transformed him into an intellectual bridging two different political and ideological paradigms. He experienced the tragedy of emigration (Venclova T., 2005), breaking old ties, separation from the Motherland and forced integration into another culture and language.

Despite the fact that Tomas Venclova (Venclova T., 1981, 1985, 1990, 1991, 2003) was able to integrate into the Western academic community successfully, becoming one of the outstanding and leading Slavists in the United States, after the critical historical moment when Lithuania restored its independence he was nonetheless able to regain his Lithuanian citizenship and the opportunity to visit the Motherland regularly. His texts did not lose their frontier character during this time because he regularly described and documented the problems of cultural and religious Lithuanian identity and depicted Vilnius (Venclova T., 2001a, 2006) as a multicultural city on the frontiers of Baltic, Polish, Russian and Jewish cultures.

Thomas Venclova (Venclova T., 2001b) produced an opus of works filled with frontier images and motifs because he perceived Lithuanian culture and identity as a fragile territory with blurred boundaries, and this point of view brings his texts closer to his father's poetic heritage. While the image of Lithuania as a contact zone, cultural and social borderland, the space between the West and the East became inevitable in the Tomas Venclova's texts, they nonetheless also portrayed European Romance (Venclova T., 1956) motifs that reinforced the frontier character of his own personal Lithuanian poetical style. As an intellectual, Tomas Venclova was hemmed in by the strict and rigid borders of Soviet identity which he sought to expand through manoeuvres that transformed formal and informal boundaries into permeable frontiers.

7. FATHER AND SON: SOVIET JEWS AND AMERICAN INTELLECTUALS (DAVID SHRAYER-PETROV AND MAXIM SHRAYER)

The literary familial tradition of David Shrayer-Petrov (Смола, 2017; Вайс, 2011) and Maxim Shrayer (Цылина, 2017; Schwartz, 2018) is a striking example of literary documentation of the conflict between rigid boundaries and permeable frontiers in culture. Frontier narratives are evident in David Shrayer-Petrov's novel "Герберт и Нэлли" (Шраер-Петров, 1992), dedicated to the struggles faced by refuseniks and Soviet political dissidents. Herbert Levitin, the main novel's protagonist, was imprisoned within the rigid cultural boundaries of the Soviet Union. Soviet authorities denied him the right to emigrate from the USSR to Israel; as a

consequence, he lost his family, his wife died, his son was killed in Afghanistan, his social ties and networks were destroyed, and governmental authorities forced him to abandon his medical profession, marginalizing him intentionally and deliberately because he opposed the government and the political ideas that the state imposed upon its citizens. “Herbert and Nellie” is a novel that depicts the social and cultural boundaries between different states, and how attempts at transcending them – to attempt to redefine them as frontiers – results in the protagonists’ forced marginalization. Their response: deliberate resistance.

Heroes found in David Shrayer-Petrov’s poetic texts (Шраер-Петров, 2012) are frontier characters because they have much in common with what cultures would define as ‘the other’. Some territories, such as Georgia, in his poetic imagination are described as frontier territories where different cultures intersect and cultural identity shifts as a result. The works by Maxim Shrayer (Вольтская, 2018; Зельцерман, 2014), David Shrayer-Petrov’s son, “Waiting for America: A Story of Emigration” (Shrayer, 2007) or “В ожидании Америки: Документальный роман” (Шраер, 2016) in the Russian translation can be seen as literary attempts to remedy the boundary/frontier dilemma through the described aspirations for freedom and liberation from Soviet Jews’ cultural burden of intellectual authoritarianism and cultural slavery, due to their having been refuseniks. Nonetheless, they were able to emigrate. Austria and Italy also became new frontiers for them because former Soviet Jews perceived these territories as places where they could enjoy individual, collective, and communal freedom.

David Shrayer-Petrov’s memoirs “Охота на рыжего дьявола” also reflect the contradictions arising from existence on the border between different identities and cultures within the context of his personal experience. His texts (Шраер-Петров, 1989; Шраер-Петров, 2007), focus on his contemporaries, colleagues and writers and are filled with frontier motifs because their characters are marginalized, forced to remain at the juncture between different cultures, requiring adaptation to the norms of native and inherited identities, as well as those of official political and ideological conventions.

The heroes in David Shrayer-Petrov’s works echo his own experience of being marginalized because they were seen as ‘other’ in the eyes of the Soviet dominant political discourse and ideological canon. They did not abide by it, and were active in their attempts to defy it in order to actualize principles and values of inner freedom, which expanded the boundaries and limits of Soviet cultural space. The result was that some USSR intellectuals also became frontier dwellers who were officially declared traitors; they

preferred to choose freedom, to abandon the borders created by the Iron Curtain because the frontier concept provided larger possibilities. Protagonists described in Maxim Shrayer's novels (Shrayer, 2009; Шрайер, 2017a) exist between Russian and American cultures and consequently serve as frontier heroes because they are forced to inhabit a world where transnational and transcultural identities collide. Shrayer's characters are forced to make painful choices that illustrate the conflict between their own identities and ancestral identities, between Judaism and Christianity, and between Zionism and the American dream.

Maxim Shrayer, who admits that "writing in English or in Russian is destiny and choice" (Шрайер, 2011), defines himself as an "American product of Russian culture and Jewish history" (Шрайер, 2017b). His stance positions him as a frontier character with respect to his being recognized as an American writer. The frontier concepts revealed in Maxim Shrayer's prose differs from similar concepts found within David Shrayer-Petrov's texts: if the characters of the elder Shrayer are heroes of the marginal or almost marginal frontier consequently making them victims of the political system they endure, the characters of the younger Shrayer are heroes of from another frontier – the frontier of free choice, yet this freedom required that they choose to become trans-cultural hostages who are nonetheless free to create their own trans-cultural identities.

8. PRELIMINARY CONCLUSIONS

The main observations and proposals presented in this article are worth approaching with the intent to consider logically the range of factors that contributed to the personal trajectories of transformations and developments of intellectuals who represent these literary legacies, because their personal experiences embody the evolutionary changes between social and cultural conventions held by fathers and sons who belong to different generations.

I have done my best to describe and analyse from a socio-political and cultural perspective the intellectual and philosophical views of these fathers and sons who have left for our consideration a literary legacy, showing how these generations had different cultural and political preferences which emerged as the result of transformations of external ideological discourse. While these fathers and sons, together creating a literary legacy that recorded how they were either forced to accept or chose to willingly adopt and support a dominant political ideology, their works also record that there are historical cases when representatives of the first and second generations did not accept the official ideological canon but rather rejected

it outright, thus criticizing the ideological preferences of the ruling political elites.

It is important when analysing the intellectual developments in the works from these fathers and sons to remember that the national identities of the communities in which they lived were not the results of their own individual political impacts and cultural contributions; rather, they are records of identities created by previous generations of intellectuals. Therefore, the heroes of this article were not founding fathers of identities of their nations, but instead actively attempted to transform the identities of the communities and groups to which they belonged. The attitudes between representatives from different generations with regard to political regimes also differed. Representatives of older generations could be forced to actively support the regime, and the ruling political elites could endow them with public recognition and privileges, cultivating their loyalty and prevent ruling classes from potential protests, because this formal recognition allowed them to be closer to the ruling class.

There are cases when fathers and sons united in their opposition to the dominant regime's political ideology. Fathers sometimes criticised the regime that repressed them but later integrated themselves into the official ideological discourse, endowing and providing the necessary symbolic attributes of the classics. Fathers and sons, as individuals and writers did not exist as monoliths, but rather exemplified the human reality of needing to change, thus revising imagined and invented categories. Only those intellectuals who were not emigrants were able to maintain relatively stable bases of identity that depended on external factors: their identity supported the formal national viewpoint of their community. For example, Konstantine and Zviad Gamsakhurdia were both Georgian nationalists, while by contrast Antanas Venclova remained Lithuanian nationalist despite the fact that he had to integrate his personal Lithuanian identity into the ideologized canon of Soviet Lithuania.

The emigration of representatives from these literary traditions underwent significant transformation in their identities due to their emigration, which is shown within the context of their adopted national identities and the literature they produced as a result. The intellectual experiences of David Shroyer-Petrov and Maxim Shroyer provides a classic example of such a transformation of identity within the context of Soviet authoritarianism as compared to the experience of someone being an immigrant to America. Prior to the ban to emigrate to Israel in the late 1970s, David Shroyer-Petrov was considered a Soviet writer despite his Jewish roots which were difficult to integrate into the official Soviet ideological canon. In the first half of the 1980s, David Shroyer-Petrov

remained a Soviet citizen, yet lost his official status of being a recognized Soviet writer; despite political and ideological persecution he nonetheless remained an intellectual whose texts in the USSR were marginalized, yet were nonetheless published abroad from time to time.

Emigration contributed to a metamorphosis in David Shroyer-Petrov's status as a writer: when he became a US citizen, he regained his status as a writer, but a new question arose: to which national literary tradition David Shroyer-Petrov and his son Maxim Shroyer belong? On the one hand, this father and son left us a literary legacy written in Russian, yet Maxim Shroyer also created an opus of works in English. Both writers are US citizens, so are they American writers and part of American literary tradition? Are they Russian writers? Could they be both? It may not be possible to make a single choice and be true to their literary legacy.

It is more logical to take the view that David Shroyer-Petrov and Maxim Shroyer are American writers of Jewish origin who write in both Russian and English, actualizing national problems and motives in their texts from both languages and both national experiences. The intellectual and cultural experience of their literary legacy serves as a classic example of expansion and redefinition of frontiers in personal identity as well as literary affiliation, although the experience of other literary legacies (Konstantine Gamsakhurdia and Zviad Gamsakhurdia, Antanas Venclova and Tomas Venclova) also provide scholars with examples of breaking through boundaries to transform them into open frontiers.

Analysis of the intellectual development and cultural transformations found within the works created by these multigenerational literary traditions is evidence for the legitimacy of frontier studies as an interdisciplinary approach that provides information applicable to the analysis of main vectors and trajectories of changes and mutations of national and social identities within the context of various national literatures because representatives of different literary generations revealed in their texts the trends that determined the development of national identities of the communities to which they belonged in different periods of history, documenting oscillations between authoritarianism and democracy, national and leftist authoritarianism, tradition and modernization – all evidence of how borders can become frontiers.

Further analysis of the history of these literary legacies as a marker of the frontiers crossed by generations and identities is promising because it is evidence of the interdisciplinary potential of contemporary humanitarian knowledge, which can provide historians with the new possibility of using a wider range of methods from multigenerational literary legacies to better understand subjects from microhistory to biographical history, from the

history of nationalism to social history, from cultural history to intellectual history and the history of ideas all at once. The history captured within these literary legacies may be taken as an actual living example of a frontier in geographic, spatial, social, and intellectual dimensions, confirming that geographical areas of contacts and interactions of cultures and identities are not the only examples of evident and recognizable frontiers because the historical experiences recorded by the fathers and sons leaving us their literary legacies described different dimensions of social and intellectual frontierness in its textualized forms.

References

- Bregadze, K. (January 1, 2015). *The epoch of modernism, like the myth of time. "Dionysian smile" in the novel by Konstantine Gamsakhurdia*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2015/01/12/>
- Gamsakhurdia, K. (1934). *Dionysian smile*. Tbilisi: Orgami.
- Gamsakhurdia, K. (1939). *Right of the great master Konstantine*. Tbilisi, 408 p.
- Gamsakhurdia, K. (2004, May 20). The words spoken at the ceremonial meeting dedicated to the 111th anniversary of Konstantine Gamsakhurdia's birthday in Abasha, *24 hours* (118)
- Gamsakhurdia, K. (2011a). *David the Builder*. Tbilisi.
- Gamsakhurdia, K. (2011b, September 7). *Good European*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2011/07/09/artur-laist/>
- Gamsakhurdia, K. (June 5, 2014). *Georgians and foreign genius*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2014/05/06/gamsakhurdia-4/>
- Gamsakhurdia, Z. (1972). *American poetry of the 20th century*. Tbilisi: Education
- Gamsakhurdia, Z. (1990a). *Georgian spiritual mission. The lecture at the "Idriat" Festival in Tbilisi on May 2, 1990*. Retrieved from <http://www.amsi.ge/istoria/zg/missia.html>
- Gamsakhurdia, Z. (1990b). *Georgian spiritual mission*. Tbilisi: Education
- Gamsakhurdia, Z. (1991a). Konstantine Gamsakhurdia and Western European culture, Gamsakhurdia, Z. (1991). *Letters and Essays* (pp. 388 - 395). Tbilisi: Art
- Gamsakhurdia, Z. (1991b). Konstantine Gamsakhurdia and Christianity, Gamsakhurdia, Z. (1991). In *Letters and Essays* (pp. 377 - 387). Tbilisi: Art
- Gamsakhurdia, Z. (1993). *Humanity is in a dilemma*. Moscow: Actress Margarita.

- Gamsakhurdia, Z. (1996). *For independent Georgia: Autobiography*. Moscow.
- Gats'erialia, A. (2009, October 19). *Memoir of Constantine Gamsakhurdia*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2009/10/19/konstantine-gamsakhurdia-7/>
- Glonti, S. (2007). *Zviad Gamsakhurdia's Christian belief*. Tbilisi.
- Greimas, A. (1972). Thomas Venclova's almost meaningless poetry (p. 9-17), *Metmenys* (23)
- Džaliašvili, M. (2011, February 16). *Crucified Dionysius (Konstantine Gamsakhurdia's "Dionysian Smile")*. Retrieved from http://maiajaliashvili.blogspot.com/2011/02/blog-post_16.html
- Junger, Sh. (1981). Constantine Gamsakhurdia and Thomas Mann, *Criticism* (4), 113-124.
- Junger, Sh. (1982). Structure and philosophical roots of "Dionysian smile", *Dice* (10), 152-159.
- Kankava, C. (1983). Mythological structure of "Dionysius Smile", *Criticism* (2), 20-34.
- Kavolis, V. (1984). World Flow and Archaeology of Consciousness (pp. 16-22), *Metmenys* (48)
- Kelertienė, V. (1981). New genre: autobiography of poetry translations (pp. 185-193), *Metmenys* (41)
- Lomidze, G. (1998). The problem of alienation Gamsakhurdia's "Dionysius Smile", In *Literary Studies XIX* (page 297 - 307). Tbilisi: Lit. Inst. Edition
- Mitaitė, D. (2002). *Tomas Venclova. Signs of biography and creativity*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/tevas_sunus.htm
- Nastopka, K. (1997). Texts of Thomas Venclova (p.123-131), In *Metai* (8-9)
- Papaskiri, Z. (2010, August, 2). *Konstantine Gamsakhurdia's understanding of some issues of Georgian history*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2010/02/08/zurab-papaskiri/>
- Shrayer, M. (2007). *Waiting for America: A Story of Emigration*. Syracuse: Syracuse University Press
- Shrayer, M. (2009). *Yom Kippur in Amsterdam*. Syracuse: Syracuse University Press
- Shrayer, M. (2011). *To write in English or in Russian, it is both fate and choice*. Retrieved from <http://www.runyweb.com/articles/17/maxim-shrayer-interview.html>
- Shrayer, M. (2017a). *The disappearance of Zalman*. Moscow: Knizhniki.

- Shrayer, M. (2017b). *I am an American product of Russian culture and Jewish history*. Retrieved from <https://prochtenie.org/texts/29216>
- Shrayer-Petrov, D. (1989). *Friends and shadows*. Liberty Publishing House.
- Shrayer-Petrov, D. (1992). *Herbert and Nellie*. Moscow: Poliform.
- Shrayer-Petrov, D. (2007). *Vodka with cakes. Novel with writers*. SPb.: Academic Project.
- Shrayer-Petrov, D. (2010). *The hunt for the red devil. Novel with microbiologists*. Moscow: Agraf.
- Shrayer-Petrov, D. (2012). *Alien. Antinovel*. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/slovo/2012/76/d20.html>
- Sigua, S. (2014, April 17). *Georgian spirit in the European perspective*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2014/04/17/gamsakhurdia-2/>
- Silbajor R. (1991). Airplane Crosses and Fire Leak (p.197-201), *Metmenys* (61)
- Šilbajoris, R. (1982). Notes about Thomas Venclova's work, In R. Šilbajoris, *Words and Meaning: today literature in Lithuania*. Chicago: Academic Scout Publishers. P. 251-266
- Šilbajoris, R. (1982a). Structures and Dimensions in Thomas Venclova's Poetry, In R. Šilbajoris, (1982b). *Words and Meaning: today literature in Lithuania*. Chicago: Academic Scout Publishers. P. 239-250
- Smola, K. (2017). *On the prose of the Russian-Jewish writer David Shrayer-Petrov*. Retrieved from <http://fmwww.bc.edu/SL-V/DSPSmola2017.pdf>
- Tevzadze, D. (1996). *Konstantine Gamsakhurdia and Modernity*, Tbilisi: Art
- Tsyлина, A. (2017). *Triple self-identification*. Retrieved from <https://prochtenie.org/reviews/29185>
- Urušadze, L. (1996). Zviad Gamsakhurdia and the Idea of the Common Caucasian House, *Human Rights* (16 - 19)
- Urušadze, L. (2004). From Zviad Gamsakhurdia to Mikheil Saakašvili, *National Consent* (2), 6-7.
- Valiukėnaitė, D. (1975). Two barren land: T.S. Eliot and Venclova, *Metmenys* (29), p. 21-36
- Valiukėnaitė, D. (1978). And the voice sometimes passes through the heart: Poetry by Thomas Venclova, *Metmenys* (36), p. 151-159
- Venclova, A. (1941a). *Torned up tree*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/israutas_medis.htm

- Venclova, A. (1941b). *Park*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/parke.htm
- Venclova, A. (1941d). *Death*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/mirtis.htm
- Venclova, A. (1941c). *Donelaitis*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/donelaitis.htm
- Venclova, A. (1942). *Motherland*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba.htm
- Venclova, A. (1950). *State Anthem of the Lithuanian SSR*. Retrieved from <http://www.mic.lt/lt/baze/klasikine-siuolaikine/kuriniu-paieska/9855/>
- Venclova, A. (1970). *Mother tongue*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/motinos.htm
- Venclova, T. (1956). *Hidalgo*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba.htm
- Venclova, T. (1962). *Rockets, planets and we*. Vilnius: VGLL.
- Venclova, T. (1965). *Golem, or an artificial man*. Vilnius: Vaga.
- Venclova, T. (1972). *Sign of speech*. Vilnius: Vaga.
- Venclova, T. (1981). *Lithuania in the World*. Chicago: Academic Scout Publisher.
- Venclova, T. (1985). *Texts about texts*. Chicago: Algimantas Macka's Book Publishing Foundation.
- Venclova, T. (1990). *Refreshing light*. Chicago: Algimantas Macka's Book Publishing Foundation.
- Venclova, T. (1991). *Hope forms. Esistics and Publications*. Vilnius: Lithuanian Writers' Union Publishers.
- Venclova, T. (2001a). *Vilnius: A city guide*. Vilnius: R. Paknis Publishing House.
- Venclova, T. (2001b). *Half the day, silence increases with the sound*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba_ipuseja.htm
- Venclova, T. (2003). *Nearly 10,000 kilometres to Lithuania. From Travel Diaries*. Vilnius: Baltos lankos.
- Venclova, T. (2005). *Emigrant*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba_emigrante.htm
- Venclova, T. (2006). *The names of Vilnius*. Vilnius: R. Paknis Publishing House.
- Voltskaia, T. (2018). *Autobiography of the transition. Stories of Soviet emigrants in the USA*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29392477.html>
- Weiss, C. (2011). *For the anniversary. David Shrayer-Petrov: "The feeling of failure" gradually releases*. Retrieved from

<http://www.runyweb.com/articles/culture/literature/75-years-jubilee-of-david-shrayer-petrov.html>

Zeltserman, L. (2014). *Portrait of refusenik in his youth*. Retrieved from <http://booknik.ru/today/faces/avtoportret-otkaznika-v-yunosti/>

«ТЕМНЫЕ ТЕНИ ПРОШЛОГО НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ С НАМИ»: ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ, ФРОНТИРЫ И ЛАКУНЫ, КОНТИНУИТЕТ И ДИСКРЕТНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич (а)

(а) Воронежский государственный университет, 394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 16
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Автор анализирует проблемы социальных, культурных и интеллектуальных фронтиров в истории литературных династий. Писатели, поэты и интеллектуалы Давид Шраер-Петров) и Максим Шраер, Антанас Венцлова (1906–1971) и Томас Венцлова, Константине Гамсахурдиа (1891–1975) и Звиад Гамсахурдиа (1939–1993) – примеры советских, постсоветских и антисоветских литературных династий. В статье анализируются проблемы развития и проявления социальных и этнических идентичностей в текстах интеллектуалов, которые принадлежали к разным поколениям. Автор анализирует противоречия между отцами и детьми, полагая, что представители различных поколений литературных династий могли развивать ценности национализма или, наоборот, быть вынужденными или добровольными сторонниками и приверженцами коммунистической идеологии. Предполагается, что представители различных социальных и культурных поколений литературных династий могли иметь разные политические и этнические идентичности. Автор полагает, что история литературных династий является реальным, примером географического, пространственного, социального и интеллектуального фронта. Представители первого и второго поколений литературных династий могли использовать различные языки или писать одновременно на двух языках. Показано, что эмиграция стала важным стимулом, который вынуждал интеллектуалов отказываться от русского языка и начинать писать по-английски. Эмиграция, как полагает автор, стала стимулом появления и развития феномена транскультурности в идентичности интеллектуалов.

Ключевые слова

Династии, интеллектуалы, писатели, проза, поэзия, национализм, идентичность, советизация, коммунизм, антикоммунизм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Список литературы

- Вайс, С. (2011). *К юбилею. Давид Шраер-Петров: «Чувство отказа» постепенно отпускает...»*. Retrieved from <http://www.runyweb.com/articles/culture/literature/75-years-jubilee-of-david-shrayer-petrov.html>
- Вольтская, Т. (2018). *Автобиография перехода. Истории советских эмигрантов в США*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29392477.html>
- Гамсахурдиа, З. (1993). *Человечество перед дилеммой*. Москва: Актриса Маргарита.
- Гамсахурдиа, З. (1996). *За независимую Грузию: Автобиография*. Москва.
- Зельцерман, Л. (2014). *Автопортрет отказника в юности*. Retrieved from <http://booknik.ru/today/faces/avtoportret-otkaznika-v-yunosti/>
- Смола, К. (2017). *О прозе русско-еврейского писателя Давида Шраера-Петрова*. Retrieved from <http://fmwww.bc.edu/SL-V/DSPSmola2017.pdf>
- Цылина, А. (2017). *Тройная самоидентификация*. Retrieved from <https://prochтение.org/reviews/29185>
- Шраер, М. (2011). *Писать по-английски или по-русски, это и судьба, и выбор*. Retrieved from <http://www.runyweb.com/articles/17/maxim-shrayer-interview.html>
- Шраер, М. (2016). *В ожидании Америки: Документальный роман*. Москва: Альпина нон-фикшн
- Шраер, М. (2017а). *Исчезновение Залмана*. Москва: Книжники.
- Шраер, М. (2017б). *Я – американский продукт русской культуры и еврейской истории*. Retrieved from <https://prochтение.org/texts/29216>
- Шраер-Петров, Д. (1989). *Друзья и тени*. Liberty Publishing House.
- Шраер-Петров, Д. (1992). *Герберт и Нэлли*. Москва: Полиформ.
- Шраер-Петров, Д. (2007). *Водка с пирожными. Роман с писателями*. СПб.: Академический проект.
- Шраер-Петров, Д. (2010). *Охота на рыжего дьявола. Роман с микробиологами*. Москва: Аграф.
- Шраер-Петров, Д. (2012). *Пришелец. Антироман*. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/slovo/2012/76/d20.html>
- Bregadze, K'. (2015, January 1). *Modernizmis ep'oka, rogorts mitoss mok'lebuli dro, K'onst'ant'ine Gamsakhurdias romanshi "Dionisos ghimili"*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2015/01/12/>
- Gamsakhurdia, K'. (1934). *Dionisos ghimili: romani*. Т'р.: sakhelgami.
- Gamsakhurdia, K'. (1939). *Didost'at'is K'onst'ant'ines mardžvena*. Tbilisi.

- Gamsakhurdia, K'. (2004, 20 maisi). K'onst'ant'ine Gamsakhurdias dabadebis 111 ts'listavisadmi midzghvnili sazeimo shek'rebaze ts'armotkmuli sit'q'va Abashashi, *24 saati* (118)
- Gamsakhurdia, K'. (2011a). *Davit Aghmašenebeli: t'et'ralogia*. Tbilisi, 2000 gv.
- Gamsakhurdia, K'. (2011b, September 7). *K'argi evrop'eli*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2011/07/09/artur-laist/>
- Gamsakhurdia, K'. (2014, June 5). *Kartveloba da utskhoetis genia*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2014/05/06/gamsakhurdia-4/>
- Gamsakhurdia, Z. (1972). XX sauk'unis amerik'uli p'oezia. Tbilisi: Ganatleba; Gamsakhurdia, Z. (1990). *Sakartvelos sulieri missia*. Tbilisi: Ganatleba
- Gamsakhurdia, Z. (1990). *Sakartvelos sulieri missia. Lektsia ts'ak'itkhuli "Idriat'is" pest'ivalze Tbilisshi 1990 ts'lis 2 maiss*. Retrieved from <http://www.amsi.ge/istoria/zg/missia.html>
- Gamsakhurdia, Z. (1991a). K'. Gamsakhurdia da dasavlet evrop'uli k'ult'ura, Gamsakhurdia, Z. (1991). *Ts'erilebi da esseebi (gv. 388 – 395)*. Tbilisi: Khelovneba
- Gamsakhurdia, Z. (1991b). K'onst'ant'ine Gamsakhurdia da krist'ianoba, Gamsakhurdia, Z. (1991). *Ts'erilebi da esseebi (gv. 377 – 387)*. Tbilisi: Khelovneba
- Gats'erelia, A. (2009, October 19). *Mogoneba K'onst'ant'ine Gamsakhurdiaze*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2009/10/19/konstantine-gamsakhurdia-7/>
- Ghlont'i, S. (2007). *Zviad Gamsakhurdias krist'ianuli mrts'amsi*. Tbilisi.
- Greimas, A. (1972). Tomo Venclovos beveik beprasmė poezija (p. 9-17), *Metmenys* (23)
- Iungeri, Sh. (1981). K'onst'ant'ine Gamsakhurdia da tomas mani, *K'rit'ik'a* (4), 113-124
- Iungeri, Sh. (1982). "Dionisos ghimilis" st'rukt'ura da pilosopiuri dzirebi, *Tsisk'ari* (10), 152-159.
- Džaliašvili, M. (2011, February 16). *Džvartsmuli Dioniso (K'onst'ant'ine Gamsakhurdias "Dionisos ghimilis" mikhedvit)*. Retrieved from http://maiajaliashvili.blogspot.com/2011/02/blog-post_16.html
- K'ank'ava, G. (1983). "Dionisos ghimilis" mitosuri st'rukt'ura, *K'rit'ik'a* (2), 20-34.
- Kavolis, V. (1984). Pasaulio srautas ir sąmonės archeologija (p. 16–22), *Metmenys* (48)

- Kelertienė, V. (1981). Naujas žanras: autobiografija poezijos vertimais (p. 185-193), *Metmenys* (41)
- Lomidze, G. (1998). *Gautskhoebis p'roblema K'. Gamsakhurdias "Dionisos ghimilši"*, *Lit'erat'uruli dziebani XIX* (gv. 297 – 307). Tbilisi: Lit'. inst'.-is gamotsema
- Mitaitė, D. (2002). *Tomas Venclova. Biografijos ir kūrybos ženklai*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/tevas_sunus.htm
- Nastopka, K. (1997). Tomo Venclovos tekstai (p.123-131), *Metai* (8-9)
- P'ap'askiri, Z. (2010, August, 2). *Sakartvelos ist'oriis zogierti sak'itkhis K'onst'ant'ine Gamsakhurdiaseli gaazreba*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2010/02/08/zurab-papaskiri/>
- Sigua, S. (2014, April 17). *Kartuli suli evrop'uli tvaltakhedvit*. Retrieved from <https://burusi.wordpress.com/2014/04/17/gamsakhurdia-2/>
- Šilbajoris R. (1991). Lėktuvų kryžiai ir spraga ugnyje (p.197-201), *Metmenys* (61)
- Šilbajoris, R. (1982). Pastabos apie Tomo Venclovos kūrybą (p. 251-266), In Šilbajoris, R. (1982). *Žodžiai ir prasmė: Literatūra šiandien Lietuvoje*. Chicago: Akademinės skautijos leidykla
- Šilbajoris, R. (1982a). Struktūros ir dimensijos Tomo Venclovos poezijoje (p. 239-250), In Šilbajoris, R. (1982b). *Žodžiai ir prasmė: Literatūra šiandien Lietuvoje*. Chicago: Akademinės skautijos leidykla
- Shrayer, M. (2007). *Waiting for America: A Story of Emigration*. Syracuse: Syracuse University Press
- Schwartz, P. (2018). *A son of refuseniks chronicles the slow dissolve of Russia's Jews*. Retrieved from <https://www.jta.org/2018/01/16/united-states/a-son-of-refuseniks-chronicles-the-slow-dissolve-of-russias-jews>
- Tevzadze, D. (1996). *K'onst'ant'ine Gamsakhurdia da tanamedroveoba*, Tbilisi: Khelovneba
- Urušadze, L. (1996). Zviad Gamsakhurdia da saertok'avk'asiuri sakhlis idea, *Adamianis uplebebi* (16 - 19)
- Urušadze, L. (2004). Zviad Gamsakhurdiadan Mikheil Saak'ašvilamde, *Erovnuli Tankhmoba* (2), 6-7
- Valiukėnaitė, D. (1975). Dvi bevaisės žemės: T.S. Elioto ir T.Venclovos (p. 21-36), *Metmenys* (29)
- Valiukėnaitė, D. (1978). O balsas kartais pergyvena širdį: Tomo Venclovos poezija (p. 151-159), *Metmenys* (36)
- Venclova, A. (1941a). *Išrautas medis*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/israutas_medis.htm

- Venclova, A. (1941b). *Parke*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/parke.htm
- Venclova, A. (1941d). *Mirtis*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/mirtis.htm
- Venclova, A. (1941c). *Donelaitis*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/donelaitis.htm
- Venclova, A. (1942). *Tėviškė*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba.htm
- Venclova, A. (1950). *Lietuvos TSR Valstybinis Himnas*. Retrieved from <http://www.mic.lt/lt/baze/klasikine-siuolaikine/kuriniu-paieska/9855/>
- Venclova, A. (1970). *Motinos kalba*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/av_kuryba/motinos.htm
- Venclova, T. (1956). *Hidalgo*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba.htm
- Venclova, T. (1962). *Raketos, planetos ir mes*. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla.
- Venclova, T. (1965). *Golemas, arba dirbtinis žmogus*. Vilnius: Vaga.
- Venclova, T. (1972). *Kalbos ženklas*. Vilnius: Vaga.
- Venclova, T. (1981). *Lietuva pasaulyje*. Chicago: Akademinės skautijos leidykla.
- Venclova, T. (1985). *Tekstai apie tekstus*. Chicago: Algimanto Mackaus knygų leidimo fondas.
- Venclova, T. (1990). *Tankėjanti šviesa*. Chicago: Algimanto Mackaus knygų leidimo fondas.
- Venclova, T. (2001a). *Vilnius: Vadovas po miestą*. Vilnius: R.Paknio leidykla, 216 p.
- Venclova, T. (2001b). *Įpusėja para, tyluma padidėja garsuos*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba_ipuseja.htm
- Venclova, T. (2003). *Ligi Lietuvos 10 000 kilometrų. Iš kelionės dienoraščių*. Vilnius: Baltos lankos.
- Venclova, T. (2005). *Emigrantė*. Retrieved from http://www.vilniausmuziejai.lt/venclova/TV_kuryba_emigrante.htm
- Venclova, T. (2006). *Vilniaus vardai*. Vilnius: R. Paknio leidykla.
- Venclova, T. (1991). *Vilties formos. Eseiistika ir publicistika*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla.

Зарубежный фронтир

Foreign Frontier

МУЛЬТИРАСОВОЕ ОБЩЕСТВО СУРИНАМА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИИ ФРОНТИРНОСТИ

Болтаевский Андрей Андреевич (а)

(а) Российский университет кооперации, 141014, Московская область, Мытищи, ул. Веры
Волошиной, 12/30. E-mail: boltaevskii@gmail.com

Аннотация

Актуальность темы определяется серьёзностью дискуссии о толерантности и мультикультурализме, которая на протяжении последних десятилетий охватила европейские страны. Целью работы является анализ социально-экономических и политических аспектов, которые привели к формированию мультирасовости в небольшой южноамериканской стране Суринам. Автор использует один из ведущих в арсенале профессионального историка метод, историко-генетический, важнейшими чертами которого являются конкретность и описательность. С одной стороны, оторванность от привычной среды обитания приводила к утрате консервативных тенденций в среде вольных и невольных мигрантов в Суринам, с другой, пребывание в незнакомой обстановке приводила к определенным попыткам изоляции, как это произошло с лесными неграми. В работе обращается внимание на то, что характер миграции в Суринам во многом способствовал формированию той или иной формы хозяйствования, а также расширению фронтирных рубежей. Несмотря на различные экономические трудности, которые усиливают межэтнические противоречия, характер взаимоотношений между различными социальными группами Суринама отличается терпимостью и взаимопроникновением. И, хотя маленькая страна не стала тем плавильным котлом, в качестве которого выступил ряд англосаксонских стран, традиции толерантности, во многом ведущие свой отсчет еще от колониальных времен, служат залогом позитивных перспектив.

Ключевые слова

Суринам, многосоставное общество, мультирасовое общество, этносы, история, хозяйство, плантации, работорговля, аграрное общество, современность

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

*Наша страна и народ пользуются
 репутацией мирного общества,
 в котором различия в расе, убеждениях,
 цвете кожи не приводят
 к конфликтам между
 разными группами населения.*

Рональд Венетиан,
 президент Суринама
 (1991-1996, 2000-2010)

1. ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших своеобразных черт Суринама, нашедшей отражение на флаге этого государства (пятиконечная желтая звезда символизирует пять этнорасовых групп), является его этническое и культурное разнообразие. Суринам, как, впрочем, и соседняя Гайана, представляет яркое сочетание афро-азиатских влияний. На улицах Парамарибо, этого «Буэнос-Айреса Гвианы» (Collis, 1965, p. 93), по соседству располагаются мечети и синагоги, индуистские пагоды и римско-католические соборы, а горожане говорят на голландском, английском, хиндустани, яванском и других языках. При этом данное мультикультурное сообщество начинает свое формирование, начиная с XVII в.: так, бежавшие в страну от преследования инквизиции евреи не только были благосклонно приняты местными властями – сначала британскими, а затем голландскими, – но и получили особые привилегии, основав свое поселение Йоденсаванна, где в 1685 г. была открыта синагога (с 1734 г. в Парамарибо действует синагога Невешалом) (Fox, 2011). В XVIII в. в Суринам проникают моравские братья, основавшие несколько предприятий, среди которых были и швейные мастерские (на 1863 г. численность их адептов составляла около 28 тыс., то есть больше половины населения колонии). (Vernooij, 1974, p. 20). Активный ввоз африканских рабов, использовавшихся на принудительных плантационных работах, привел в дальнейшем к формированию креолов и маронов (лесных негров, то есть бежавших от своих владельцев и промышлявших в джунглях). Вследствие географических особенностей Суринама (80 % страны покрыты джунглями), маронам не только удалось избежать уничтожения колонизаторами, проникнув в ранее незаселенные территории, но и добиться заключения равноправных соглашений с властями (подобные соглашения между маронами и европейцами известны и на Ямайке). Самобытная этническая общность маронов –

так называемые бош-негры, или лесные негры, – существует и в современном Суринаме, насчитывая свыше 40 тыс. человек.

Еще большее этническое разнообразие в стране наступило после отмены рабства. Голландцы решили использовать опыт соседней Британской Гвианы, привлекая на контрактные работы индопакистанцев, а затем и яванцев, выходцев из собственных владений в Юго-Восточной Азии. А в 1980-е гг. в Суринам начали проникать бразильские мигранты, осевшие либо в Парамарибо, либо в восточных районах страны, где они занялись золотодобычей. Возможно, что постепенный приток бразильцев, равно как и расширение торгово-экономических связей с соседними государствами, усилит значение в стране иберийского компонента. По данным на 2012 г., численность афросуринамцев составляет 1/3 населения страны, индопакистанцев – 27,4 %, яванцев – 13,7 %.

В этой связи представляет интерес изучение исторических особенностей складывания мультирасового общества в Суринаме и его современное состояние, а также его отражение на расширении фронтирных границы страны.

2. АКТУАЛЬНОСТЬ

Страны, составляющие так называемый Гвианский треугольник (Гайана, Суринам, Французская Гвиана) традиционно мало известны российскому читателю. И дело не только в отсутствии масштабы событий, происходящих в этом регионе. В самом деле, богатые месторождения бокситов уже привлекли в Гайану и Суринам одну из ведущих российских компаний («Русал»), а на космодроме Куру во Французской Гвиане построена специальная площадка для запуска российских ракет «Союз». Однако длительное время страны Гвианского треугольника находились в своеобразной изоляции от соседних латиноамериканских стран: в первую очередь, экономические, да и транспортные, связи осуществлялись с метрополиями (Великобритания, Нидерланды, Франция) или с реальным владыкой Западного полушария, Соединенными Штатами Америки. Да и туристический поток в регион, в силу специфики природных условий (фактического отсутствия песчаных пляжей с голубой водой, ближайшие из которых расположены на Тринидаде), крайне незначительный, хотя в 2016 г. Суринам посетил известный российский блогер и путешественник И.А. Варламов. А ведь в 1730-е гг., при императрице Анне Иоанновне, в Сенате обсуждался вопрос колонизации Гвианы; находившийся на голландской службе Симон

Абрагам писал: «Понеже европейские государи во оной земли никакую часть не имеют, того ради опасения нет, чтоб им противно было ежели Российская монархия тамо какое намерение воспримет; и наипаче верить можно, что гиспанцам зело приятно будет, что такая великая монархия в такой дикой пустыне с ними в соседстве будет» (Ефимов, 1948, стр. 254). В XX в., в ходе последовавшего за революцией 1917 г. великого рассеяния русского народа, Суринам стал местом пребывания отдельных российских скитальцев. (Это вызвало удивление одного из русских эмигрантов в Канаде: «Вот уж не ожидал, что на экваторе наши русачки тоже водятся, вот здорово, а?»). (Вперед, 1952) Несмотря на все вышеуказанные обстоятельства, Гвианский треугольник, как это ни странно, получил отражение в отечественной культуре: так, существуют сразу две песни, посвященные суринамской столице Парамарибо, исполненные группой «Квартал» и Л.А. Лядовой. Примечательно, что обе песни называют Парамарибо «городом утренней зари». Однако из посвященных Суринаму научных исследований отечественных авторов можно указать только на общие работы (Белый, 1988).

3. ФОРМИРОВАНИЕ МУЛЬТИРАСОВОСТИ

Обращаясь к истории бывшей голландской колонии Суринам, мы должны отметить прежде всего ее сходство с близлежащими соседями, Гайаной и Французской Гвианой, и различия с соседними латиноамериканскими странами. Сходство это не только природно-климатическое, но и социально-экономическое, а отличия не ограничиваются только историческими судьбами (Гвианский треугольник не затронули Освободительные войны начала XIX в., а его страны оставались колониями до второй половины прошлого столетия), но и этноконфессиональным составом: в регионе, вплоть до последнего времени, был крайне слабо представлен иберийский компонент, зато большую роль в социально-политической жизни Гайаны и Суринама играют выходцы из Индостана.

Несмотря на то, что побережье Гвианы было открыто европейцами в самом конце XV в. (Алонсо де Охеда в 1499 г., Висенте Пинсон в 1500 г.), последующее столетие Дикий берег, как называли его испанцы из-за враждебности туземцев, оставался фактически ничейной землей. Однако развитие каперства в Карибском море привлекло внимание к Гвиане флибустьеров, рассчитывавших использовать ее как перевалочную базу. На исходе XVI в. в этих краях побывал Уолтер Рэли. Моряк, пират и поэт, пользовавшийся

благосклонностью Елизаветы II, оставил восторженные, но вымышленные отзывы о стране и ее мифической столице Эль Дорадо: «Гвиана – это страна, еще сохранившая девственность, никогда не грабленная, не порченная и не тронутая; лик земли этой еще не изранен, а соки и соли почвы – не истощены земледелием, могилы не разрыты в поисках золота, залежи не вскрыты киркой и идолов никогда не вытаскивали из храмов. В Гвиану никогда не вступало ничье войско и ее никогда не завоевывал и никогда ею не владел ни один христианский государь. Ее, кроме того, легко защищать». (Рэли, 1963, стр. 110).

В XVII в. в Гвианский треугольник начинается активное проникновение английских, французских и голландских искателей приключений. Именно с этого времени начинают оформляться специфические черты данной территории, сохраняющиеся и по сей день. Воспользовавшись отсутствием каких бы то ни было испанских поселений, англичане, французы, голландцы стремились основать опорные пункты, при этом их расположение первоначально далеко не соответствовало установившемуся окончательно в XIX в. территориальному разграничению между Великобританией, Францией и Нидерландами в этом регионе. Более того, основанные европейцами форпосты с завидной регулярностью переходили из рук в руки. Наиболее характерным примером является история возникновения столицы Суринама Парамарибо. Известно, что в 1603 г. на ее месте возникло основанное голландцами торговое поселение, а в 1640 г. здесь ненадолго обосновались французы: к этому времени относится и собственно название Парамарибо, что в переводе с языка местных индейцев означает «жители большой воды». Уже в 1651 г. освоение Суринама продолжили англичане, прибывшие по распоряжению губернатора Барбадоса лорда Ф. Уиллогби.

Примечательно, что на территории современной Гайаны в первой половине XVII в. свои фактории стали размещать голландцы, которые, по справедливому замечанию А.Н. Паасмана, в отличие от У. Рэли увидели подлинное золото в плодородной почве, положив начало возделыванию табака, сахара, кофе и какао (Paasman, 1984, p. 170). Вклад голландцев в последующее процветание Британской Гвианы признавался различными специалистами: в частности, Э. Реклю писал, что «первые колонизаторы [...] работали над своими прекрасными владениями в пользу своих соперников» (Реклю, 1898). Впрочем, нет ничего удивительного в том, что жители страны тюльпанов внесли заметный вклад в хозяйственное освоение региона. Проживший долгое время в Суринаме голландский врач Филипп

Фермин писал, что «столь хорошо возделывать землю Суринама могут только голландцы, трудолюбивые и предприимчивые по самой природе» (Fermin, 1769, p. 1).

Обратимся, однако, к истории собственно Нидерландской Гвианы, которая закрепилась за Гаагой в результате Бредского мира 1667 г. Невероятно, но факт: голландцы вернули эту территорию в обмен на Новый Амстердам, который был переименован практичными англичанами в Нью-Йорк, а сегодня, будучи известен как «город Большого яблока», является крупнейшим мегаполисом Соединенных Штатов Америки. Кажущаяся близорукость голландцев объясняется довольно просто: перспективы плантационного хозяйства в Суринаме в тот момент были намного более положительными, нежели небольшой фактории на реке Гудзон. Однако очень скоро новые власти поняли, что «тропический рай» нуждается в серьезных вложениях, и вынуждены были продать его в 1682 г. Нидерландской Вест-Индской компании.

На всем Гвианском побережье колонизаторы были вынуждены столкнуться с непривычным для себя климатом. Голландский исследователь пишет: «Для европейца условия были, конечно, неприятными. Непросто вынести тропический климат со средними температурами 25 градусов в самый холодный месяц января и 29 градусов в самый жаркий месяц октября. Неудивительно, что среди белых фермеров свирепствовали обширные эпидемии, когда они были посажены в болотистых районах без каких-либо мер предосторожности» (Meiden, 1986, p. 15). Более того, после перехода колонии под контроль Нидерландов начался настоящий исход англичан, продолжавшийся до 1680 г.: так, например, в 1671 г. Суринам оставили 105 семейств, общей численностью 517 человек, в 1675 г. страну покинули 250 европейцев и около 1 тыс. рабов и т.д. (Meiden, 1986, p. 27).

Тем не менее, сахарный бум вскоре привел к резкому подъему суринамской экономики, основой которой стало плантационное хозяйство. Английский наемник Джон Габриэль Стедмен, с 1773 по 1777 гг. пребывавший в Суринаме, сравнивал его со страной, где «текут мед и молоко» (Stedmen, 1963, p. 27). При этом плантации были сосредоточены в некотором отдалении от океана, по берегам рек, что было обусловлено, среди прочего, и стремлением избежать набегов пиратов.

Как и везде в Новом свете, для работы на плантациях использовались африканские рабы, отношение к которым отличалось крайней жестокостью: «Если негр не мог больше работать, его,

конечно, не пристреливали, как старую лошадь или собаку. Но зато имелись другие эффективные способы прикончить его, не совершая прямого убийства. На открытой поляне на самом пекле устанавливался столб, к которому приковывали такого раба. В день ему выдавали только кружку воды и один пизанг [разновидность банана – автор]. Таким образом, несчастный умирал медленной и мучительной смертью. Но в Суринаме это называлось не дать умереть с голоду!» (Stedmen, 1963, p. 27). В эпоху расцвета работорговли голландцы ежегодно ввозили из Африки около 6 тыс. невольников.

К середине XVIII в. выращивание табака было признано неэффективным, и первоочередное внимание плантаторов сосредоточилось на сахарном тростнике. Если в 1745 г. экспортировалось 7500 т сахарного тростника, то спустя сорок лет, в 1794 г., уже 9700 т. В этот период Суринам по праву считался богатейшей голландской колонией, которая отличалась «от американских колоний других держав обилием и качеством поставляемой продукции; кофе, какао, сахар и хлопок, которые там выращивают, превосходят по качеству аналогичные товары из других мест» (Nystrom, 1942, p. 20).

Однако уже в последней трети XVIII в. Суринам столкнулся с новыми серьезными проблемами. Бежавшие от невыносимых условий негры создавали в джунглях фактически независимые поселения, периодически совершая нападения на поместья, что давало почву для многочисленных бунтов на плантациях. В 1757 г. произошел первый серьезный мятеж, охвативший сразу несколько плантаций. Голландцы пошли на заключение мирного соглашения с маронами, что, однако, не позволило избежать новых побегов рабов.

Чтобы усмирить восставших, метрополия была вынуждена привлечь наемников в виде так называемой шотландской бригады во главе со швейцарцем по происхождению полковником Л.-А. Фуржо. Осложнилась и международная обстановка. В результате поддержки торговли с восставшими североамериканскими колониями Нидерланды ухудшили отношения с Великобританией. Наполеоновские войны привели к переходу Суринама сначала к Франции, затем к Англии; страна вернулась под власть Нассау-Оранской династии только после конвенции 1814 г. Континентальная блокада, в ходе которой Европа была вынуждена была заменить южноамериканский сахар собственным сахаром из свеклы, привела к потере европейских рынков.

Отмена рабства в 1863 г. (как и в соседней Гайане, освободившиеся креолы потянулись в города, став основой

пролетариата) привела к новому экономическому кризису в Нидерландской Гвиане: например, кофейные плантации пришли в такой упадок, что в конце 1870-х – начале 1880-х гг. колония была вынуждена импортировать кофе для собственного потребления. Принесенные заболевания препятствовали культивации бананов. В адресованной голландскому королю Виллему III петиции местные жители писали: «Суринам нуждается в помощи, но этой помощи мы можем ожидать только от короля. Поэтому мы просим вас, Ваше Величество, не отворачиваться от Суринама» (Adhin, 1961). В это же время Гогенцоллерны планировали приобрести эту страну, намереваясь использовать ее для каторги, как это уже имело место в соседней Кайенне, но эти намерения не увенчались успехом (Реклю, 1898, стр. 68).

Именно в этот момент было принято решение воспользоваться опытом соседней британской Гвианы и использовать труд контрактных рабочих из Индии. В 1873 г. на корабле с романтическим наименованием «Лалла Рок» (вспомним произведение Томаса Мура) из Калькутты в Суринам прибыли первые индопакистанцы. Несмотря на сомнения, которые высказывались отдельными британскими этнографами (Д. Олдхэм полагал, что «народные массы Индии предпочтут страдать и умирать на родной земле, а не отправляться на чужбину через моря», У. Крук доказывал, что у индусов «вследствие религиозных предрассудков отсутствуют миграционные инстинкты» и т.д. (Bhagwanbali, 1996, pp. 74-77)), рекрутерам, вербовавшим работников в крупных городах, в основном удалось справиться со своей задачей. Вспомнили в Нидерландах и о своих восточных владениях: в 1890 г. Нидерландское торговое общество привлекло на свою плантацию в Мариенбурге первых выходцев с острова Ява. Очень скоро выходцы из Азии практически полностью вытеснили с плантаций креолов: перед самой отменой рабства, в 1862 г., численность последних на плантациях достигала 98 %, в 1879 г., всего через шесть лет после прибытия первого корабля из Калькутты, на плантациях было занято 70 % креолов и 30 % выходцев из Азии, а за 1902 – 1910 гг. численность креолов в плантационном хозяйстве упала с 44 до 10 %. Столь стремительное падение занятости креолов на плантациях обуславливалось более выгодными условиями в других сферах: золотодобыче, сборе каучука, строительстве железных дорог и т.д. (Hoefte, 1998, p. 128). Иммигранты заключали пятилетний контракт, однако большинство из них по окончании его предпочли остаться в Суринаме, осев на небольших (от 2, 5 до 5 акров) земельных участках. Вместе с тем крупные сельскохозяйственные

кампании и плантации по-прежнему испытывали дефицит рабочей силы: например, в 1917 г. из Индонезии вместо 1800 необходимых работников прибыло только 1188 (Heilbron, 1982, p. 227). В результате в первой трети XX в. на смену плантационному хозяйству приходят мелкие крестьянские хозяйства, на которых и сегодня большинством занятых являются индопакистанцы и яванцы.

Прибывшие из Азии мигранты принесли свою систему социальных отношений и религиозные верования, индуизм и ислам (яванские мигранты характеризовались религиозным синкретизмом: исповедуемый ими ислам сочетал в себе древние яванские верования, а также индуистско-буддистские мотивы; были среди них также христиане). Впрочем, существует версия, что ислам проник в Западное полушарие еще в доколумбову эпоху, принесенный воинами из империи Мали: в подтверждение этому исследователи приводят появление перед испанскими моряками индейских женщин с закрытыми лицами (Chickrie, 2002). В 1932 г. в Парамарибо на улице Кейзерстрат была построена деревянная мечеть с 4 минаретами, ставшая первой мечетью в стране. А спустя несколько лет – в 1936 г. – была открыта и первая индуистская пагода. К 1945 г. процесс легализации индуизма и ислама в Суринаме в целом был завершен. Это выражалось, в том числе, и в официальном разрешении религиозных торжеств, и в получении государственных субсидий, которые, впрочем, в 1950-е гг. все еще уступали субсидиям, получаемым христианскими организациями (Rishmidevi, 2011, p. 192).

4. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В целом, во второй половине XIX в. произошли серьезные изменения в экспортной структуре Суринама: в 1866 – 1877 гг. доля сахара в экспорте превышала 70 %, к началу XX в. она сократилась до 30 %; к середине прошлого века сахар окончательно уступает свои позиции бокситам, каучуку, золоту (Gowricharn, 1990, p. 169); в наши дни к ним добавилась нефть.

После Второй мировой войны в Суринаме усилилось стремление к независимости, требования которой выдвигались различными общественными и культурными организациями; одновременно в страну усилилось проникновение американского капитала. В 1960 г. на долю США приходилось 75, 4% экспорта и 34 % импорта Суринама, все более, по мнению голландской прессы, превращавшегося в «американскую колонию» (Надин, 1963, стр. 60).

Еще в 1961 г. высокопоставленные голландские политики вполне определенно высказывались о возможности предоставления независимости своим южноамериканским владениям: Гаага «не станет обращать внимания на крики суринамцев о выходе из королевства» (Кулибин, 1961, стр. 15). Однако ход истории оказался неизбежен: 25 ноября 1975 г. была торжественно провозглашена независимая Республика Суринам.

За несколько месяцев до объявления независимости Суринам покинуло свыше 40 тыс. жителей, в основном возвратившихся в Нидерланды. В последующие годы эмиграция продолжилась, лишая страну, как и соседнюю Гвиану, в первую очередь квалифицированных кадров (сегодня в бывшей метрополии проживает свыше 350 тыс. жителей суринамского происхождения). Примечательно, что суринамцы внесли свой вклад и в развитие европейского футбола. Еще в 1960 г. первый выходец из Суринама (Хамфри Менналс) дебютировал в сборной Нидерландов по футболу, в дальнейшем выступлениями за страну тюльпанов запомнились Рууд Гуллит, Франк Райкард, Эдгард Давидс, Патрик Клюйверт, Кларенс Зеедорф, Гералд Ванненбург, Джимми Флорид Хасселбайнк и др.

Политическая система Суринама, в общем, претерпевала те же изменения, что и в соседней Гайане. Действующие партии создавались по этническому критерию, однако, в отличие от соседей, они практически не разнились по идеологическому критерию, выступая за рыночные отношения. Две ведущие силы страны, Национальная демократическая партия Суринама и Прогрессивная реформистская партия Суринама, представляют интересы соответственно креолов и индопакистанцев; основным электоратом Партии национального единства и солидарности выступают яванцы, партия «Братство и единство в политике» защищает интересы маронов и индейцев. Для Суринама так же, как и для Гайаны, было характерно установление авторитарного режима в годы, последовавшие после достижения независимости.

Пришедший к власти после военного переворота харизматичный Дезе Баутерсе в пику бывшей метрополии установил более тесные контакты с Кубой, Гренадой, Гайаной и Никарагуа. Так же, как и Джорджтаун, Парамарибо в новых условиях столкнулся не только с экономическим давлением Вашингтона (и Амстердама), но и с открытым противодействием проамериканских сил. Национализация промышленности не привела Суринам к экономическим успехам, вызвав забастовки и рост протестного движения. В 1990-е гг. в условиях волны мирового неолиберализма Баутерсе пошел на

смягчение режима (аналогичная ситуация в Гайане закончилась возвращением к власти Чедди Джагана), разрешив свободные выборы и временно покинув политическую систему страны, однако в 2010 г., избранный президентом, он вновь вернулся на арену.

Однако в отличие от Гайаны Суринаму удалось избежать прямого противоборства между этноконфессиональными общинами страны. Подлинный мультикультурализм Суринама прекрасно описывают следующие слова одного из работников сферы услуг в Парамарибо: «Я католик. Среди моих предков были китаец, француз и португалец, а мой дедушка был на 100% индонезийцем. Я думаю, что это делает меня суринамцем» (Luxner, 2006). Кроме того, современные суринамские индуисты практически не придерживаются кастовой системы. Уже во время транспортировки в Суринам индусы из разных каст вынуждены были совместно принимать пищу; кроме того, представителям низших каст было гораздо проще адаптироваться к изнуряющим работам на плантациях, в связи с чем среди них зародились сомнения в безоговорочном верховенстве брахманов (Staa, 2011).

Разумеется, не все так абсолютно идеально во взаимоотношениях между суринамскими этносами, помимо прочего различающимися и в языковой сфере. Все чаще раздаются голоса о придании статуса второго или даже первого языка английскому. Суринамская исследовательница Р. Де Бис выделяет три причины придания официального статуса английскому языку: патриотичная (в условиях достижения независимости), прагматичная (торгово-экономические связи с англоязычным Карибским сообществом), глобализационная (английский стал мировым языком). (De Bies, 2010). На наш взгляд, необходимо добавить главную причину: английский, который становится сегодня все более популярным языком в Суринаме, способен стать тем фактором, вокруг которого в перспективе будет формироваться суринамская нация (сегодня по телеканалам Суринама уже транслируются англоязычные фильмы без перевода и субтитров). Впрочем, это далеко не ближайшая перспектива. Как справедливо заметил один из комментаторов исследования Р. Де Бис, «для начала необходимо перевести на английский язык саму статью».

Памятна жителям Суринама и партизанская война второй половины 1980-х гг. (так называемая Внутренняя война), которую против режима Батурсе вел его сослуживец Ронни Брюнсвийк. Официально Брюнсвийк вел ее под лозунгами защиты прав маронов.

В Суринаме с конца XIX в. сохраняется своеобразное разделение труда: жители городов и побережья, в основном креолы,

индопакистанцы и особенно яванцы, заняты сельским хозяйством; внутренние джунгли заселяют лесные негры и индейцы. Каждый из указанных этносов внес своей вклад в освоение страны, но особенно следует выделить маронов, сохранивших африканскую культуру в южноамериканских джунглях. Долгое время попытки голландцев привлечь маронов в города были неудачными, и только в последние десятилетия небольшие группы лесных негров проникают на побережье.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время Суринам является одной из самых бедных стран Южной Америки, зависящих от дотаций своей бывшей метрополии, и отличается также высоким уровнем преступности (в частности, страна является крупнейшим перевалочным пунктом наркотрафика из Южной Америки в Европу; в начале января 2019 г. в портовых складах Парамарибо полицией было изъято 2,3 т. кокаина). (The Washington Post, 2019). Вместе с тем, Суринам обладает значительными запасами полезных ископаемых (нефть, золото, бокситы), а также продовольственными и водными ресурсами, что представляет интерес не только для ведущих геополитических игроков, но и соседних государств, в частности, Барбадоса, заинтересованных в более тесной интеграции.

Более того, настоящий старожил политической жизни Суринама, действующей президент страны Деви Баутерсе, как и в 1980-е гг., не является сторонником провашингтонской ориентации, сохраняя контакты с Н. Мадуро, а также стремясь к вступлению в Африканский союз. Не будем забывать и того факта, что с 1990-х гг. Суринам, наряду с Гайаной, входит в Организацию исламского сотрудничества. Впрочем, отношения с прямыми соседями, Гайаной и Французской Гвианой, осложняются тянущимися еще с колониальных времен территориальными спорами (Hoyle, 2001). Перспективы Суринама будут зависеть от того, насколько государственным деятелям удастся сплотить этнически разнообразное население в единую нацию, а также от рыночных конъюнктурных цен на нефть и другие природные богатства страны. Будем надеяться, что Суринаму удастся избавиться от закрепившегося за ним представления «страны, где все начинания терпят неудачу» (Wolff, 1934, p. 51)

Список литературы

- Adhin, J. (1961). *Development planning in Surinam*. Utrecht: Rijksuniversiteit te Groningen.
- Bhagwanbali, R. (1996). *Contracten voor Suriname. Arbeidsmigratie vanuit Brits-Indie onder het indentured-labourstelsel, 1873 – 1916*. Den Haag : Amrit. P.
- Chickrie, R. (2002). The Afghan Muslims of Guyana and Suriname. *Academic journal of Suriname*(1), p. 20-28.
- Collis, L. (1965). *Soldier in Paradise*. London: Michael Joseph.
- De Bies, R. (2010). Engels als tweede taal in Suriname. *Academic journal of Suriname*, 1, p. 20-28. Retrieved from <http://www.adekusjournal.sr/adekusjournal/website/artikel.asp?sessid=95613185CE454B299C51E3454AA2D56C&menuid=4&categoryid=1&artikelid=1>
- Fermin, P. (1769). *Description de Surinam*. V. 2 (Vol. 2). Amsterdam: Van Harrevelt.
- Fox, T. (2011, February 18). Discovering Suriname's Jewish past - and present. *The Washington Post*. Retrieved from <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/18/AR2011021804253.html?noredirect=on>
- Heilbron, W. (1982). *Kleine boeren in de shadow van de plantage*. Amsterdam: ASC.
- Hoefte, R. (1998). *In place of slavery a social history of British Indian and Javanese labors in Suriname*. Gainesville: University Press of Florida.
- Hoyle, P. (2001). The guyana-suriname maritime boundary dispute and its regional context. *Boundary & Security Bulletin*(2), pp. 99-107.
- Luxner, L. (2006). *Suriname a Culture of Tolerance: This Thirty-Year-Old Nation Is a Harmonious Home to Diverse Religious and Ethnic Groups and the World's Largest Nature Reserve*. Retrieved from Questia: <https://www.questia.com/magazine/1G1-146892812/suriname-a-culture-of-tolerance-this-thirty-year-old>
- Meiden, G. (1986). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 – 1753*. Amsterdam: Bataafsche leeuw.
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. New York: The Netherlands information bureau.
- Paasman, A. (1984). *Reinhart: Nederlandse literatuur en slavernij ten tijde van de Verlichting*. Leiden: Martinus Nijhoff.
- Rishmidevi, K. A. (2011). Institutional development of Christianity, Hinduism and Islam in Suriname and Trinidad: an exploration in

- religious practices and festivities from 1900-2010. *Academic Journal of Suriname*(2), 186 – 197.
- Staa, V. A. (2011). *Surinaamse hindoes in de Nederlandse samenleving*. Utrecht: Faculty of Social and Behavioural Sciences Theses.
- Stedmen, J. (1963). *Expedition to Surinam*. . London: The Folio Society.
- The Washington Post. (2019, January 12). Police in Suriname seize historic 2,300 kilograms of cocaine. *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/police-in-suriname-seize-historic-2300-kilograms-of-cocaine/2019/01/12/3855804a-16a1-11e9-ab79-30cd4f7926f2_story.html?noredirect=on&utm_term=.d2f6a3f145b7
- Vernooij, J. (1974). *De Rooms Katholieke Gemeente van Suriname (vanaf 1866)*. Paramaribo: Westfort.
- Wolff, H. (1934). *Historisch overzicht over Suriname, 1613-1934*. s-Gravenhage: Surinaamsch Handelskantoo.
- Белый, Э. (1988). *Республика Суринам: тревоги и надежды*. Москва: Знание.
- Вперед. (Май 1952 г.). Отделение русских одиночных скаутов в Суринаме. *Вперед*(2), стр. 2.
- Ефимов, А. (1948). *Из истории русских экспедиций на Тихом океане*. Москва: Воениздат.
- Кулибин, И. (1961). И Суринам тоже... *Новое время*.(34), 14-15.
- Надин, К. (1963). *Внешняя политика Голландии*. Москва: Издательство Института международных отношений.
- Реклю, Э. (1898). Бассейны рек Амазонки и Ла-Платы. In Э. Реклю, *Земля и люди* (стр. 163). Санкт-Петербург: Общественная польза.
- Рэли, У. (1963). *Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа (который испанцы называют Эль Дорадо) и о провинциях Эмерия, Арромая, Амапая и других странах с их реками*. Москва: Географгиз.

SURINAME'S MULTIRACIAL SOCIETY: SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS OF A FRONTIER SITUATION

Andrey Andreevich Boltaevsky (a)

(a) Russian University of Cooperation, 12/30 Vera Voloshinoy str., Mytishchi, Moscow Region, Russia
E-mail: boltaevskii@gmail.com

Abstract

The relevance of the topic is determined by the important discussion on tolerance and multiculturalism, which over the past decades has covered the European countries. The aim of the paper is to analyze the socio-economic and political aspects that led to the formation of multiracial diversity in the small South American country Suriname. The author uses one of the leading historical arsenal in the arsenal of the historical-genetic method, the most important features of which are concreteness and descriptiveness. On the one hand, isolation from habitual habitat led to the loss of conservative tendencies among free and involuntary migrants to Suriname; on the other hand, living in an unfamiliar environment led to certain attempts of isolation, as it happened with forest negroes. The paper draws attention to the fact that the nature of migration to Suriname largely contributed to formation of one or another form of economic activity, as well as the expansion of frontier boundaries. Despite the various economic difficulties that exacerbate ethnic tensions, the nature of the relationship between various social groups in Suriname is characterized by tolerance and interpenetration. And although a small country did not become a melting pot akin to a number of Anglo-Saxon countries, the traditions of tolerance largely originating from colonial times serve as a guarantee of positive prospects.

Keywords

Suriname, multi-component society, multi-racial society, ethnic groups, history, economy, plantations, slave trade, agrarian society, contemporaneity

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

References

- Adhin, J. (1961). *Development planning in Surinam*. Utrecht: Rijksuniversiteit te Groningen.
- Bhagwanbali, R. (1996). *Contracten voor Suriname. Arbeidsmigratie vanuit Brits-Indie onder het indentured-labourstelsel, 1873 – 1916*. Den Haag : Amrit. P.
- Chickrie, R. (2002). The Afghan Muslims of Guyana and Suriname. *Academic journal of Suriname*(1), p. 20-28.
- Collis, L. (1965). *Soldier in Paradise*. London: Michael Joseph.
- De Bies, R. (2010). Engels als tweede taal in Suriname. *Academic journal of Suriname*, 1, p. 20-28. Retrieved from <http://www.adekusjournal.sr/adekusjournal/website/artikel.asp?sessid=95613185CE454B299C51E3454AA2D56C&menuid=4&categorieid=1&artikelid=1>
- Fermin, P. (1769). *Description de Surinam*. V. 2 (Vol. 2). Amsterdam: Van Harrevelt.
- Fox, T. (2011, February 18). Discovering Suriname's Jewish past - and present. *The Washington Post*. Retrieved from <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/18/AR2011021804253.html?noredirect=on>
- Heilbron, W. (1982). *Kleine boeren in de shadow van de plantage*. Amsterdam: ASC.
- Hoefte, R. (1998). *In place of slavery a social history of British Indian and Javanese labors in Suriname*. Gainesville: University Press of Florida.
- Hoyle, P. (2001). The guyana-suriname maritime boundary dispute and its regional context. *Boundary & Security Bulletin*(2), pp. 99-107.
- Luxner, L. (2006). *Suriname a Culture of Tolerance: This Thirty-Year-Old Nation Is a Harmonious Home to Diverse Religious and Ethnic Groups and the World's Largest Nature Reserve*. Retrieved from Questia: <https://www.questia.com/magazine/1G1-146892812/suriname-a-culture-of-tolerance-this-thirty-year-old>
- Meiden, G. (1986). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 – 1753*. Amsterdam: Bataafsche leeuw.
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. New York: The Netherlands information bureau.
- Paasman, A. (1984). *Reinhart: Nederlandse literatuur en slavernij ten tijde van de Verlichting*. Leiden: Martinus Nijhoff.
- Rishmidevi, K. A. (2011). Institutional development of Christianity, Hinduism and Islam in Suriname and Trinidad: an exploration in

- religious practices and festivities from 1900-2010. *Academic Journal of Suriname*(2), 186 – 197.
- Staa, V. A. (2011). *Surinaamse hindoes in de Nederlandse samenleving*. Utrecht: Faculty of Social and Behavioural Sciences Theses.
- Stedmen, J. (1963). *Expedition to Surinam*. . London: The Folio Society.
- The Washington Post. (2019, January 12). Police in Suriname seize historic 2,300 kilograms of cocaine. *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/police-in-suriname-seize-historic-2300-kilograms-of-cocaine/2019/01/12/3855804a-16a1-11e9-ab79-30cd4f7926f2_story.html?noredirect=on&utm_term=.d2f6a3f145b7
- Vernooij, J. (1974). *De Rooms Katholieke Gemeente van Suriname (vanaf 1866)*. Paramaribo: Westfort.
- Wolff, H. (1934). *Historisch overzicht over Suriname, 1613-1934*. s-Gravenhage: Surinaamsch Handelskantoo.
- Belyy, E. (1988). *Republic of Suriname: Anxiety and Hope*. Moscow: Knowledge.
- Forward. (May 1952). Branch of Russian single scouts in Suriname. *Forward* (2), p. 2.
- Efimov, A. (1948). *From the history of Russian expeditions in the Pacific*. Moscow: Military Publishing.
- Kulibin, I. (1961). And Suriname, too ... *New time*. (34), 14-15.
- Nadine, K. (1963). *Dutch foreign policy*. Moscow: Publishing House of the Institute of International Relations.
- Reclus, E. (1898). Amazon River Basins and La Plata. In E. Reclus, *Land and People* (p. 163). St. Petersburg: Public Benefit.
- Raleigh, W. (1963). *The discovery of the vast, rich and beautiful Guiana Empire with the addition of a story about the great and golden city of Manoa (which the Spaniards call El Dorado) and about the provinces of Emeria, Arroma, Amapaya and other countries with their rivers*. Moscow: Geografiz.

АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБРЯДНОСТИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЭСТИЕВ

Кулаков Владимир Иванович (а)

(а) Институт археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: drkulakov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению в погребальных древностях обитателей западной границы балтского мира первой половины I тыс. н.э. архаических черт обрядности. Эти черты могут показывать этнокультурную преемственность населения Янтарного края в эпоху античности и Великого переселения народов с местным населением раннего железного века. Отрывочные данные, которыми располагает современная археологическая наука относительно рудиментарных по своему характеру «ящикообразных» каменных конструкций, свидетельствуют о том, что данная архаическая черта обрядности характерна скорее не для эстиев, а для их наследников – носителей прусской культуры V-VII вв. Причины возрождения данной черты в погребальных конструкциях пруссов пока не ясны. Между ними и каменными ящиками в погребальных насыпях носителей культуры западно-балтийских курганов раннего железного века лежит практически тысячелетие. Напротив, архаические рудименты погребального обряда эстиев – помещение нескольких урн под единую каменную кладку и кладки округлой формы с каменным кольцом (имитация конструкции курганной насыпи) – являются свидетельствами сохранения у населения Янтарного берега в начале нашей эры традиций ритуалов, уходящих своими корнями в I тыс. до н.э.

Ключевые слова

Эстии, Прусы, Балтика, Янтарный берег, погребальный обряд, погребальные традиции, каменные ящики, урны

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

1. ВВЕДЕНИЕ

Древности эстиев, населявших юго-восточную Балтию на пограничье между германским и балтским мирами в начале нашей эры и являвшихся предшественниками (предками?) пруссов, известны преимущественно по данным погребальных памятников. К настоящему времени в европейской археологии существует мнение о преемственности между погребальными традициями населения Янтарного края эпохи бронзы и обрядом эстиев. Первоначально эта точка зрения была высказана известным исследователем западно-балтских погребальных традиций Яном Ясканисом (Jaskanis, 1974, s. 266). Ошибочный тезис о наличии на могильниках эстиев начала нашей эры курганных насыпей (за них были приняты многоуровневые каменные кладки, слабо возвышающиеся над поверхностью грунта) привёл Войцеха Новаковски к выводу о том, что «их (т.е. могильников эстиев) устройство было весьма аналогично (признакам) курганных погребений железного века...» (Nowakowski, 1996, S. 62).

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ведущие признаки обряда эстиев были охарактеризованы мною 15 лет тому назад: ведущий вид могильника – грунтовой, до II н.э. – биритуальный, трупоположения имеют преимущественно северную или северо-западную ориентировку, кремация производилась на стороне, кости помещались в урны, приносились в могилу чистыми или с остатками погребального костра (ОПК), могилы перекрывались каменными кладками (Кулаков, 2003, стр. 274,275). Для самбийско-натангической группы западно-балтской культуры, носителями которой в начале нашей эры были эстии, характерны сопровождающие могилы всадников захоронения коней с подогнутыми ногами (как у дна могилы, так и сбоку от неё – Jaskanis, 1974, s. 169).

В последние годы мне удалось выявить значительное количество признаков обряда эстиев, не имеющих отношения к местным традициям и свидетельствующих о мощном германском этнокультурном влиянии, которое испытало с самого начала нашей эры население Самбии. Этими признаками являются трупоположения с северной ориентировкой, многоярусные каменные кладки («курганы типа Walenta III»), конские заупокойные жертвоприношения (Кулаков, 2016а, стр. 19-22), каменные «стелы» над погребениями (Кулаков, 2018а, стр. 241-249). Всё это свидетельствовало о мощном притоке восточно- и северогерманского населения на Самбию в

раннеримское время. Эти группы германцев были привлечены сюда перспективой участия в добыче янтаря и в янтарной торговле (Кулаков, 2018б, стр. 92-95).

Одной из немногих архаических черт обряда эстиев юго-восточной Балтии является расположение нескольких урн с останками членов единого родового коллектива (?) в одной могиле под общей каменной кладкой или под двумя перекрывающими друг друга кладками. Подобного рода признак отмечен как на могильниках Самбии (грунтовой могильник Dollkeim/Коврово – Кулаков, 2004, стр. 14, 15), так и в восточной части ареала эстиев (грунтовой могильник Gruneyken/Grunajki – Кулаков, 2016б, стр. 67, рис. 3). К сожалению, более чем эскизная манера фиксации представителями прусской археологической школы деталей обрядности, которые выявлялись (если на них вообще обращалось внимание) при раскопках могильников, не позволяет пока расширить банк данных таких деталей.

Множественные урны под одной каменной кладкой у эстиев – специфическая черта обрядности, которая наследует традицию помещения урновых кремаций членов одной семьи в каменный ящик, располагавшийся под каменной кладкой и под курганной насыпью. Данный обычай был присущ жителям Янтарного края в раннем железном веке, что засвидетельствовано, в частности, каменным ящиком, вскрытым Карлом Энгелем в 1931 г. в кург. III могильника Georgenswalde/Отрадное (рис. 1), тогда же законсервированном и сохранившимся до наших дней (рис. 2).

a Georgenswalde, Kr. Fischhausen. Hügelgrab III. Die freigelegte Steinkiste von 5.

Рисунок № 1. Каменный ящик, вскрытый в 1931 г. в кург. III Georgenswalde/Отрадное. Вид с юга (PM-A 358/1, Prussia-Archiv, MVF).

Рисунок № 2. Каменный ящик в кург. III Georgenswalde/Отрадное. Вид с юга в 2010 г. Архив автора.

Публикации результатов предвоенных раскопок могильников на территории исторической Пруссии, расположенных в верховьях р. Pregel/Преголя, на Самбии и в её окрестностях, показывают наличие в могилах местных аборигенов ещё одну архаическую черту. Безурновые трупосожжения (сожжённые кости приносились с костра на место могилы и высыпались в неё из «временной урны», ставившихся затем рядом с группой костей) помещаются в каменные конструкции, имеющие прямоугольную или овальную в плане форму (рис. 3).

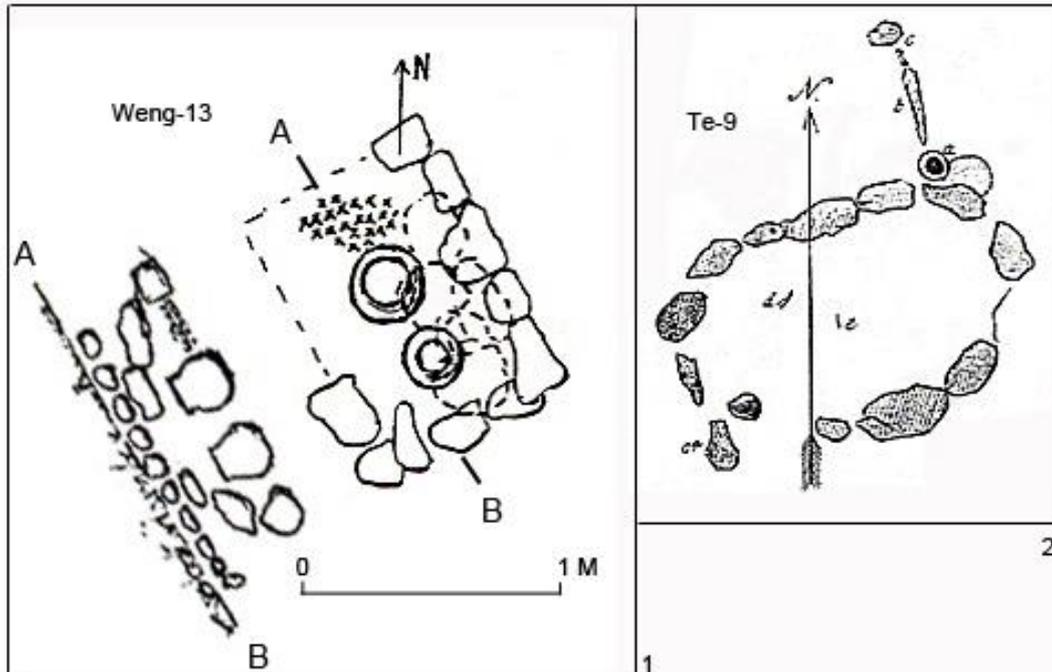

Рисунок № 3. Каменные ящики на могильниках эстиев на разных фазах их развития: 1 – погр. 13 могильника бывш. Wengerin; 2 – погр. Te-9 могильника бывш. Tengen (1 – Grunert, 1935, Abb. 68; 2 – Berendt, 1874, Taf. I-III).

После этого конструкция перекрывалась каменной кладкой. Ориентировка каменных конструкций не стабильна. Размеры конструкций (примерно 1,0 x 0,6 м) сопоставимы с параметрами каменных ящиков раннего железного века. Могила с упомянутой архаической чертой обрядности в верховьях р. Pregel/Преголя можно отнести по находке в погр. A-72 (могильник Althof-Insterburg/Черняховск – Grunert, 1935, S. 40) арбалетовидной фибулы к начальной фазе эпохи Великого переселения народов (V в. н.э.). Одно из погребений с каменным ящиком, найденное южнее Самбии, по найденному в составе его инвентаря однолезвийному мечу с Т-образным сечением клинка и с серебряной оковкой ножен (Berendt, 1874, S. 10, Taf. I) можно датировать VII в. В восточной части территории современной Калининградской области известны на грунтовых могильниках первой пол. I тыс. н.э. каменные ящики, внутреннее пространство которых (т.е. их «дно») было выложено мелкими камнями (рис. 4), как и в курганах раннего железного века. В ряде случаев каменные ящики перекрывались каменными кладками непосредственно (рис. 5).

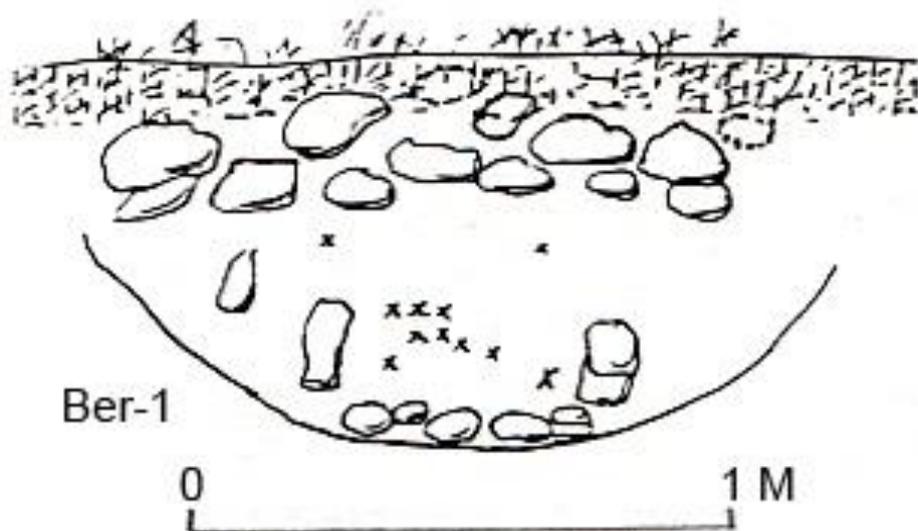

Рисунок № 4. Сечение каменного ящика в погр. 1 могильника бывш. Groß-Berschallen (Grunert, 1935, Abb. 56).

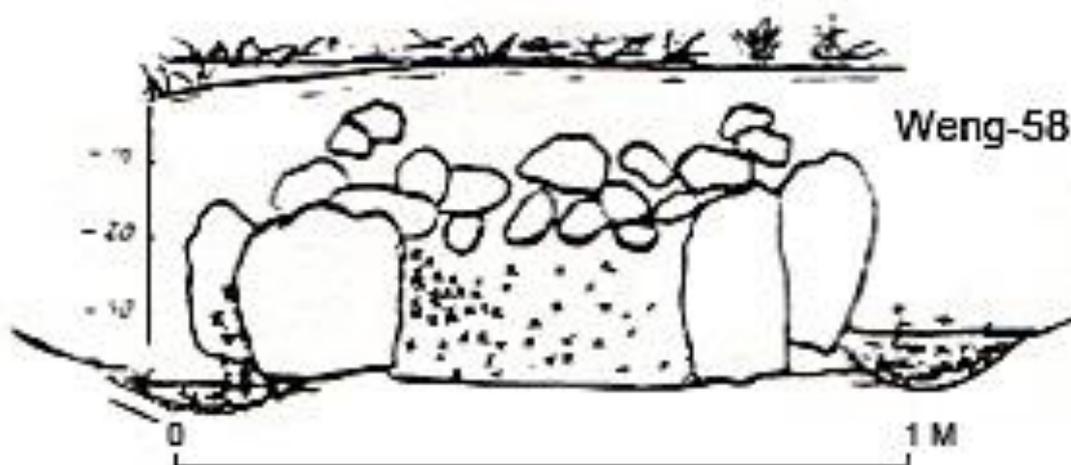

Рисунок № 5. Сечение каменного ящика в погр. 58 могильника бывш. Wengerin (Grunert, 1935, Abb. 81).

Прогиб слоя камней этих кладок свидетельствует в пользу сооружения некоего перекрытия из органических материалов (дерево?), которыми, после завершения погребальной церемонии, каменный ящик перекрывался и на которое клались камни вымостки.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, те, пока отрывочные, данные, которыми располагает современная археологическая наука относительно рудиментарных по своему характеру «ящикообразных» каменных

конструкций, свидетельствуют о том, что данная архаическая черта обрядности характерна не только (не сколько?) для эстиев, столько для их наследников – носителей прусской культуры V-VII вв. Причины возрождения данной черты в погребальных конструкциях пруссов пока не ясны. Хронологический хиатус между ними и каменными ящиками в погребальных насыпях носителей культуры западно-балтийских курганов раннего железного века достигает тысячелетия. Напротив, архаические рудименты погребального обряда эстиев – а именно, помещение нескольких урн под единую каменную кладку и кладки округлой формы с каменным кольцом (двухмерная имитация планиграфической конструкции курганный насыпи), являются свидетельствами сохранения у населения Янтарного берега в начале нашей эры традиций ритуалов, уходящих своими корнями в I тыс. до н.э. (рис. 6).

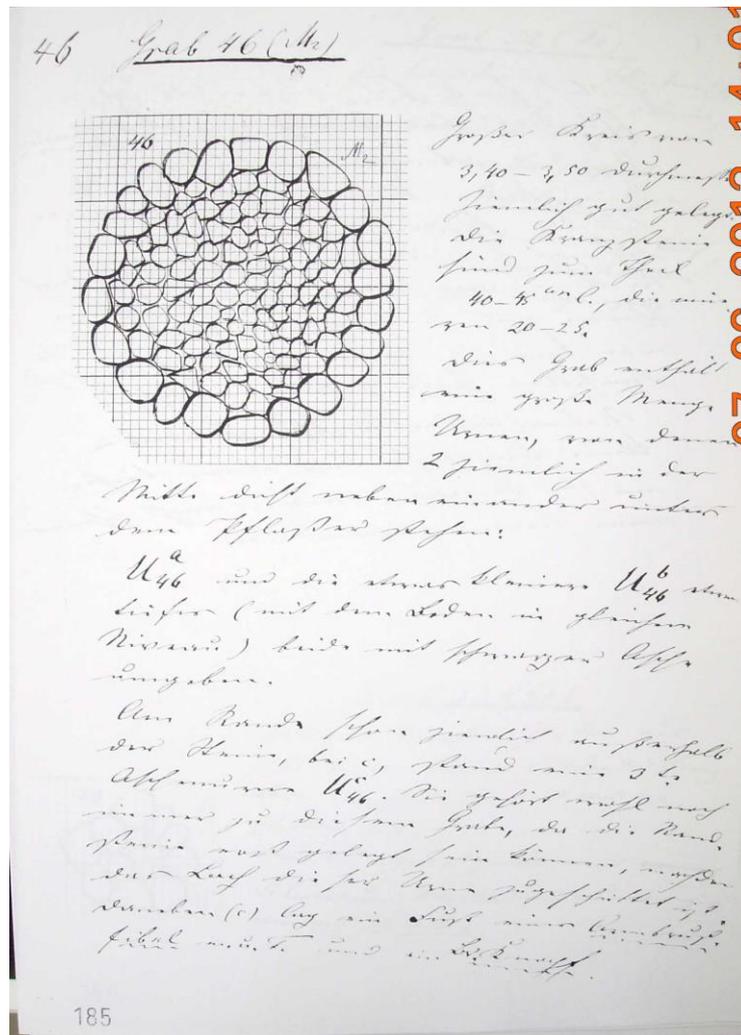

Рисунок № 6. План каменной кладки над погр. Do-46 Dollkeim/Коврово (PM-A 245/1, Prussia-Archiv, MVF).

Приведённые в статье примеры архаических черт погребального обряда эстиев и ранних пруссов пока статистически незначительны. При дальнейших исследованиях погребальных памятников юго-восточной Балтии первой пол. I тыс. н.э. банк данных упомянутых признаков может расширяться, что увеличит доверие к выводам (пока – весьма предварительным), представленным в статье.

Список литературы

- Berendt, G. (1874). Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg. *SPÖG, Bd. XIV*, pp. 2-15.
- Grunert, W. (1935). *Nadrauer Grabungen. Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, H. 20*, Insterburg: Altertumsgesellschaft Insterburg, pp. 7-61.
- Jaskanis, J. (1974). *Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I - V w.n.e.)*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum.
- Nowakowski, W. (1996). *Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10*. Marburg-Warszawa: "Druk".
- PM-A 358/1, *Prussia-Archiv*. MVF (Berlin).
- Кулаков, В. И. (2003). *История Пруссии до 1283 г.* М.: «Индрик».
- Кулаков, В. И. (2004). *Долькайм-Коврово. Исследования 1879 г.* Минск: Институт истории НАН Беларуси.
- Кулаков, В. И. (2016а). *Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв.* Калининград: «Калининградская книга».
- Кулаков, В. И. (2016б). Грунайки: воссоздание утраченных комплексов. *Исторический формат*, 3, стр. 62-80.
- Кулаков, В. И. (2018а). Меморативная традиция у эстиев и пруссов. *Археологические вести*, 27, стр. 241-249.
- Кулаков, В. И. (2018б). Начало готского пути в Восточную Европу. *Записки ИИМК РАН*, 18, стр. 89-99.

ARCHAIC FORMS OF RITUAL IN THE FUNERAL TRADITIONS OF THE AESTII

Vladimir Ivanovich Kulakov (a)

(a) Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences,
 19 Dm. Ulyanov str., Moscow, Russia, 117036.
 E-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the identification of archaic features rites in the funerary antiquities of the inhabitants of the Western border of the Baltic world of the first half of the I Millenium AD. These features can show the ethno-cultural continuity of the population of the Amber region in the eras of antiquity and the great migration of peoples with the local population of the early iron age. Fragmentary data available to modern archaeological science regarding “box-shaped” stone structures rudimentary in their nature suggest that this archaic feature of the rites is typical not for Aestii, but for their heirs – bearers of Prussian culture of the V-VII centuries. The reasons for the revival of this feature in the burial structures of the Prussians are not yet clear. Almost a Millennium lies between them and stone boxes in burial mounds of West Baltic barrows culture bearers of the early iron age. On the contrary, the archaic rudiments of the funeral rite of the Aestii – namely, placing several urns under a single masonry and masonry rounded shapes with stone rings (imitation of the design of the mound) are evidence of the preservation of the population of the Amber coast at the beginning of our era, the traditions of rituals rooted in the I cent. BC.

Keywords

Aestii, Prussians, Baltic, Amber Coast, burial rites, funerary traditions, stone boxes, urn

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

References

- Berendt, G. (1874). Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg. *SPÖG, Bd. XIV*, pp. 2-15.
- Grunert, W. (1935). *Nadrauer Grabungen. Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, H. 20*, Insterburg: Altertumsgesellschaft Insterburg, pp. 7-61.
- Jaskanis, J. (1974). *Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I - V w.n.e.)*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum.
- Nowakowski, W. (1996). *Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10*. Marburg-Warszawa: "Druk".
- PM-A 358/1, *Prussia-Archiv*. MVF (Berlin).
- Kulakov, V. I. (2003). *History of Prussia until 1283*. M.: Indrik.
- Kulakov, V. I. (2004). *Dolkaym-Kovrovo. Research 1879*. Minsk: Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus.
- Kulakov, V. I. (2016a). *Treasures of the Amber region. Indicators of foreign cultural influences on antiquities of Sambia and Natangia in the I-IV centuries*. Kaliningrad: "The Kaliningrad Book".
- Kulakov, V. I. (2016b). Grunayka: recreation of the lost complexes. *Historical format*, 3, pp. 62-80.
- Kulakov, V. I. (2018a). Memorable tradition among the Aestians and Prussians. *Archaeological news*, 27, pp. 241-249.
- Kulakov, V. I. (2018b). The beginning of the Gothic path to Eastern Europe. *Notes IIMK RAS*, 18, pp. 89-99.

О ТЮЛЬПАНАХ И НАРЦИССАХ: КАШМИРСКИЙ ДЖАННАТ НАЗИР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ¹

Маурья Анобути (а)

(а) Колледж Бхарати, Университет Дели, С-4, Dada Satram Mamtani Marg, Janakpuri, New Delhi,
 Delhi 110058, Индия. E-mail: anubhutamaurya@yahoo.com

Аннотация

В данной статье рассматривается возникновение и эволюция концепции Кашмира джанната назира (рая на земле) как литературного и политического образа при дворе Великих Моголов. Автор утверждает, что это представление о Кашмире при дворе Великих Моголов основывалось на более древних текстовых традициях, таких как литературные и исторические нарративы Кашмира, сборники арабских и персидских географических трактатов, составленных с начала IX века, путевые отчеты, сказания о чудесах и хроники дворов Газнавидов и Тимуридов. Этот образ возник как литературный в XVI веке, но в XVII в. он уже вошел в имперские хроники. К середине XVII в. подобные представления о Кашмире стали частью политического дискурса при дворе Великих Моголов, частью их языка суверенитета и неотъемлемой частью образа самоидентификации Великих Моголов. Эта статья помещает образ Кашмира как джанната назира в пространство политики эстетики, а также в политические методы управления в империи Великих Моголов.

Особое внимание автор уделяет механизмам формирования этого образа с помощью парковой архитектуры, т.е. практики «превращения» Кашмира в особый цветущий сад, что способствовало утверждению власти и могущества Моголов в этом регионе.

Ключевые слова

Кашмир, Двор Великих Моголов, имперские сады, джаннат назир, политический дискурс места

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Первоначальные версии этой статьи появились в виде докладов на семинарах в колледже Lady Shriram College, Delhi University и St Anthony's College, Oxford University. Печатная версия статьи впервые появилась в Economic & Political Weekly, Vol. 52, No. 15, 15 Apr, 2017, pp. 37-44. Профессор Анобути Маурья преподает историю в Bharati College и в настоящее время работает над монографией «Создание Могольского Кашмира: пространство, история и власть в ранний период Новой истории в Южной Азии». Редакция журнала благодарит профессора А. Маурья за предоставленную возможность перевести и опубликовать эту работу.

1. ВВЕДЕНИЕ

Для жителей Могольской империи слово «Кашмир» было достаточно выразительным. В придворной литературе – поэзии, путевых заметках и хрониках – он описывался как Кашмир *джаннат назир* (*Кашмир, подобный раю*) и *суба и дил назир* (*провинция, близкая к сердцу*). Можно подумать, что эти термины просто описывают необычную природу ландшафта Кашмира. Но для империи Великих Моголов кашмирский ландшафт играл центральную роль в отношениях между империей и регионом. Кашмирская Долина в Западных Гималаях располагалась за высокой стеной гор. Она образовывала северную границу империи, и там вопросы досягаемости, контроля и функционирования власти были важной проблемой. На протяжении XVI и XVII вв. в своде текстов могольского двора – хрониках, путевых отчетах, посланиях и административных документах – регион оказывался в центре внимания. Благодаря этим записям Кашмир из неисследованного региона на границах империи превратился в провинцию, известную в рамках имперской ойкумены.

Непрерывно, с конца XVI в., кашмирский пейзаж становился предметом литературных сочинений, особенно придворной поэзии Великих Моголов. Концепция Кашмира *джанната назира* возникла как литературный образ в этой поэзии конца XVI в. и претерпела изменения в течение XVII в. На протяжении этого периода дворцовая поэзия восхваляла пышную зелень, ручьи, источники, озера, изобилие цветов и фруктов, высокие горы и целебный климат Кашмира. К середине XVII в. сады, разбитые Могольскими элитами, – императорами, членами королевской семьи и двора, – стали синонимами чуда, источниками восхищения. Ландшафт долины теперь служил обрамлением для чудес Могольских садов. Эти сдвиги в литературном образе райского мира отражали меняющееся отношение между империей и ландшафтом Кашмира.

В этой статье я рассматриваю возникновение при дворе Великих Моголов концепции Кашмира *джанната назира* как литературного и политического символа. Я утверждаю, что концепция являла собой четкий образ региона. Он появился как литературный вымысел в конце XVI в., а в начале XVII в. он попал в императорские хроники. К середине XVII в. эта концепция стала частью политического дискурса и языка суверенитета Великих Моголов.

Литературные и политические представления о Кашмире при дворе Великих Моголов основывались на более древних текстовых

традициях, таких как литература и история Кашмира, сборники арабских и персидских географических трудов, составленные начиная с IX в., путевые отчеты, сказания о чудесах и хроники дворов Газнавидов и Тимуридов. К середине XVII в. при дворе Великих Моголов концепция Кашмира *джанната назира* представляла собой уже усвоенный набор культурных символов, которые продолжали создаваться и передаваться через визуальную и литературную среду.

Историография Кашмира в XVI и XVII вв. демонстрирует разделение аспектов власти Моголов в долине на две отдельные части – вопросы управления и вопросы досуга (Mattoo, 1988) (Kaw, 2001) (Bazaz, 1967, p. 21) (Parmu, 1969, p. 281) (Sufi, 1996) (Banzai, 1962). Королевские путешествия в Кашмир и пространственные практики Могольской элиты, такие, как строительство садов, рассматривались как акты досуга. В этом ракурсе функция Кашмира сводится к месту эстетического удовлетворения, как пространство, предназначенное для царского досуга.

В этой статье я утверждаю, что в Кашмире эстетические и литературные практики, акты досуга и удовольствия не были отделены от функционирования имперской власти. Эти практики были характерны для взаимодействия империи с Кашмиром и представляли собой ответ на эти запросы. Они свидетельствовали как об эффективности управления, так и о ритуалах суверенитета.

Далее, я утверждаю, что придворный образ Кашмира как *джаннат назира* было властным дискурсом. Он состоял из повествовательных и визуальных представлений, практики управления и тактильного опыта. Иными словами, идея Кашмира как «райского пространства» сформировала отношения между регионом и политическим миром двора Великих Моголов. Из пограничной области Кашмир стал центральным звеном могольских представлений о своем суверенитете и обустройстве своей власти.

2. РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ

Кашмирская долина была в центре внимания в ряде арабских и персидских нарративов, таких, как арабские географические трактаты и рассказы «аджаиб»¹ IX и X вв., и дворцовая литература династий Газневидов и Тимуридов. В этих текстовых традициях Кашмир изображался как желанная, но недоступная страна, защищенная высокими горными стенами. Многие из этих текстов были

¹ ‘Аджаиб (‘Аджа‘иб) – рассказы о чудесах и диковинах мира (прим. редак.).

распространены при дворе Великих Моголов и повлияли на то, как в середине XVI в. двор начал воспринимать этот регион.

В период между IX и XV вв. Кашмир был частой темой в ряде арабских географических трудов¹(Ahmad, 1989) (Ahmad & Vano, 1984), а также в рассказах ‘аджаиб². В книге ‘*Ajaib i Hind* Нахуда Бузург ибн Шахрияра³ рассказы о Кашмире перемежались рассказами об обращении раджи в ислам (ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi & Buzurg, 2000, p. 2)⁴ до описания ущелья между горами, в котором хранился большой запас бриллиантов несравненной красоты, защищенных кольцом огня, и до невидимой для человеческого глаза рыночной площади, где джинны собирались для покупок, продажи и сплетен (2000, pp. 2-3)⁵. Арабские географические трактаты и рассказы ‘аджаиб сформировали различные эпистемы литературы путешествий и различных миров (Zadeh, 2010) (Antrim, 2012). Эти рассказы были основаны на удаленности Кашмира от места рассказчика или читателя. В то же время, они наделяли регион рядом характеристик и делали его узнаваемым в более крупных географических пространствах. «Китаб фи тахкик ма ли-л-Хинд» Аль-Беруни и «Зафар-наме» Йазди были популярными текстами при дворе Великих Моголов.

«*Китаб аль Хинд*» Аль Беруни был написан при дворе Газневидов в XI в. Аль-Беруни посетил Индостан с армией Махмуда⁶. В своей пространной работе об Аль-Хинде Аль-Беруни дал подробное описание Кашмира. Он особо обращал внимание на два аспекта региона. Прежде всего это было географическое описание региона: маршруты и перевалы; основные виды транспорта; происхождение и течение рек Джайлам и Синд; город, который он назвал Кашмир

¹ Кашмир упоминается в ряде арабских географий. Среди них следует назвать Al Baladhuri (d 892), *Futuh al-Buldan*, Ibn Khurdadhbih (d 912), *Kitab al Masalik wa'l Mamalik*, Gardizi, *Zayn-ul Akhbar*, Al-Mas'udi (d 956), *Muruj al Dhahab*, Al-Idrisi (d 1156), *Kitab Nuzhat al-Mushtaq fi Khtiraq al-Afaq*.

² См. Дискуссию по поводу жанра ‘*Ajaib* в (Ahmed M. 2016) (Behl, 2006), (Zadeh, 2010).

³ Nakhuda Buzurg ibn Shahriyar – персидский путешественник, мореплаватель, писатель. Его перу принадлежит книга ‘*Ajayib i Hind* (Kitab Aja'ib al-Hind) – «Книга чудес Индии», которая представляет собой собрание различных рассказов арабских и персидских путешественников и мореплавателей в различные страны. В одном из подобных повествований рассказывается о поездке в Кашмир к одному из местных правителей, который тайно исповедовал ислам (прим. редактора).

⁴ Этот рассказ обычно классифицируют как «‘*ajajib*» потому, что этот конкретный текст датируют X в., что предшествует первому мусульманскому правителю Кашмира на несколько веков.

⁵ Интересно, что эта история пересказывается и более поздним автором Al Qalqashi (ум. 1418). Правда, в более поздней истории мы находим другие имена действующих лиц и другое название региона, обозначенного как Алор или Алуор. Относительно рассказа Al Qalqashi см.: (Zaki, 2009, pp. 51–52).

⁶ Речь идет про Махмуда Газневи – эмир государства Газневидов. Правил с 998 по 1030 гг. Совершил около 17 военных походов в Индию (прим. редактора).

(Сринагар) и прилегающие районы (Sachau, 2003, pp. 150-152). В своем обсуждении топографических особенностей Аль-Беруни особо подчеркивал изолированность региона.

Во-вторых, он писал о Кашмире как о важном центре санскритской учености с сильной независимой местной традицией. Хотя он соперничал с другими центрами и школами санскритского образования, по мнению Беруни, инновационный характер Кашмирской академии был связан с ее географической изолированностью (2003, pp. 87, 94, 123, 125 67).

«*Зафар-наме*» Йазди была написана в начале XV в. как хроника Сахиба и Кирана¹ Тимура. В «*Зафар-наме*» мы находим краткое упоминание о Кашмире. Описывались география и климат Кашмира, рассказывалось о некоторых поселениях, ручьях, растительности, фруктах и цветах, упоминался город Сринагар, по которому, как и по Багдаду, протекала река, над которой возвышалось множество мостов – как постоянных, так и временных, настеленных на лодки. Также были указаны дороги, ведущие в долину, хотя, как сообщал читателям текст, каждая из них была отмечена особым набором непреодолимых сложностей (Elias & Denison, 1973, p. 432). В этом трактате особо подчеркивалась труднодоступность региона, скрытого за высокими горами.

Эти тексты постулировали Кашмир как изолированное место. Парадоксально, но эта риторика, представленная в арабских географических трактатах, рассказах жанра *'аджаиб*, «Китаб аль-Хинд» Аль-Беруни и в персидских традициях тимуридского двора, черпала свои истоки в сообщениях странствующих путешественников и проводников торговых караванов. Кашмир появлялся в этих различных текстовых вымыслах из-за его важной роли в торговых сетях, религии и политике. Он располагался в стороне от традиционного Шелкового пути и был частью торговых сетей, которые простирались от Центральной Азии до Ладакха и доходили до Биджапура и Голконды в Декане. С конца XIII в. на его территории располагались ряд суфийских орденов, которые зародились в Центральной Азии и действовали в регионах Западных и Центральных Гималаев. Суфийские святые путешествовали между Балхом, Бадахшаном, Кашмиром, Киштаром, Ладакхом, Яркендом и Тибетом и имели тесные связи с Хармином² (Меккой и Мединой).

¹ Сахиба и Кирана (Сахиб Киран) – досл. «господин (благоприятного) сочетания» – эпитет Тимура, обозначающий, что Тимур родился под знаком благоприятного сочетания звезд (прим. редактора).

² Хармин (перс. *Харман*, араб. *Харамайн*) – обобщающий термин для городов Мекка и Медина. Харамайн – двойственное число от *харам* – «священное место» (прим. редактора).

В 1539-1540 гг., когда Хумаюн был окружен Шер-Шахом, он обратился за рекомендациями к своим советникам. Мирза Хайдар Дуглат¹ предположил, что следует завоевать Кашмир и что долина будет являться для императора безопасным убежищем (1973). Советники Хумаюна отвергли предложение Мирзы на том основании, что Кашмир изолирован и труднодоступен и что Хумаюн окажется там в ловушке. Эти споры и принятие решений при дворе Великих Моголов в середине XVI в. основывались на образе непримиримости, сформировавшемся на традициях старых текстов.

В 1540 г., когда Хумаюн искал убежища при дворе Сефевидов, Мирза Хайдар повел небольшой отряд в Кашмир. Выступая посредником в междоусобных распрях правящей элиты в регионе, Мирза смог установить контроль над этим регионом. В период своего десятилетнего правления в Кашмире он создает «Тарих-и Рашиди» (Anooshahr, 2014) (Faruqui, 2012)². Хотя текст лишь вкратце касался долины, описание Кашмира, сделанные Мирзой Хайдаром, разрушали привычный строй старых представлений об этой территории. Его рассказ о Кашмире выходил за границы региона, устанавливая эквивалентность, сравнение и современность происходящих там событий процессам и событиям в других частях Центральной и Южной Азии.

В конце XVI в., когда Акбар потребовал подчинения от кашмирских правителей, он сослался на завоевание Кашмира Хайдаром, сделанного от имени Хумаюна, как на основание для притязаний Моголов на Кашмир.

Эти дискуссии в арабских и персидских традициях повлияли на политические действия и интеллектуальные контакты с Кашмиром при дворе Акбара.

3. РАННИЕ ДИСКУССИИ О КАШМИРЕ ПРИ ДВОРЕ АКБАРА

В 1586 году, после ожесточенного сражения, армии Моголов вошли в Сринагар. Хотя окончательное установление власти Моголов в регионе заняло гораздо больше времени, имперские хроники

¹ Мирза Хайдар Дуглат (Дулати) был на службе у султана Саида Кашгарского. В 1533 г. он возглавил армию в успешном завоевании Кашмира, однако, вынужден был покинуть Кашмир и вернуться Кашгар по просьбе своей армии. После смерти султана Саид-Хана Мирза Хайдар потерял расположение двора. Он отправился в Кабул, где и присоединился к своему двоюродному брату Бабуру. После смерти Бабура он поступил на службу к Мирзе Камрану. Когда Хумаюн искал союзников, Мирза Хайдар присоединился к нему (прим. редактора).

² Исследователи анализируют *Тарих-и Рашиди* в более широком контексте политической идентичности моголов.

провозгласили вступление в Сринагар моментом завоевания Кашмира (Fazl, 1872, p. 774) (Ahmed N., 1992, p. 617). Завоевание и аннексия были актами территориальной экспансии, но в случае Кашмира земля была не просто местом битвы. В имперских нарративах даже сам ландшафт – гористая местность, трудные дороги и неблагоприятный климат – представлял собой вызов и должен был быть покорен.

Ранние описания Кашмира при дворе Акбара наводят на мысль об имперском центре, исследующем недавно завоеванную провинцию и постепенно устанавливающим над ней власть. Императорские хроники, такие как «Тарих-и Альфи» муллы Ахмада бен Насруллы Таттави, «Акбар-наме» и «Айн-и Акбари» Абу-ль Фазла и «Табакат-и Акбари» Низам-уд-дина Ахмада, представляют собой детальные статистические отчеты по региону. В этих хрониках, особенно в «Акбар-наме» и «Айн-и-Акбари» Абу-ль Фазла, рассуждения о Кашмире содержат этнографические заметки, краткую историю, географические подробности, описания обычаев, предания, рассказы о чудесах, теистических и философских традициях.

Эти отчеты о недавно завоеванной провинции были подготовлены в рамках многоуровневого процесса, который включал наблюдения и исследования региона, а также указания на связи с существующими интеллектуальными традициями в других регионах. В своих рассуждениях о Кашмире придворные летописцы опирались на арабские и персидские традиции, а также на труды предшественников Могольского правления, такие как «Тарих-и-Рашиди» Мирзы Хайдара. Они также основывались на региональных интеллектуальных традициях, как письменных, наподобие «Раджатарангини», так и устных.

В третьем *дафтаре*¹ «Айн-и-Акбари», в «Отчете о двенадцати провинциях» (*Ахвал-и-давазда-Субах*) (Fazl, 1872, pp. 562-589), Абу-ль Фазл дал подробный отчет о провинциях империи и о том, как они формировались на момент написания. Сведения о Кашмире в *Айне* можно разделить на три отдельные части. Прежде всего, это этнографическое и географическое описание региона. Вторая часть представлена в виде уведомлений, организованных в табличной форме – с перечислением доходов, доминирующих каст, численности кавалерии и пехоты каждого округа. В третьей части приводится краткая история региона.

¹ Дафтар (перс.) – «книга», «тетрадь», из арабского «дафтар», восходит к греческому «diphthera» -- «обложка», «сверток», «кожа». Но слово «дафтар» получило в ряде регионов Индии еще одно значение – «отчет», «кадастр», «папка сшитых вместе официальных документов» (прим. редактора).

Рассказ Абу-ль Фазла о Кашмире начинался с простого изложения фактов о климате региона, лучших маршрутах в долину и т.д. В процессе собирания сведений о различных местах Абу-ль Фазл записывал местные предания, которые, в некотором роде, определяли сакральную географию региона. *Айн* представляет нам описание домов, базаров, пищевых традиций, одежды и тканей, а также транспортных средств региона. Фазл отметил, что кашмирский язык является доминирующим языком региона, и что санскрит по-прежнему используется в литературе. Он заметил, что Кашмир имеет давнюю традицию обучения, но пренебрежительно отозвался о музыке региона. Он оставил комментарии о наличии различных религиозных групп. В работе имеется также подробное описание города Сринагара, с его длиной и шириной, основных отраслей и производств, указание местоположения, наличия воды в городе и т. д.

В третьей части своего описания Кашмира Абу-ль Фазл дает краткую справку по истории Кашмира. Этот синопсис, особенно касательно ранней истории региона, основывался на новом переводе *Раджатарангини*. Пересказ Фазля истории региона начинался с истории возникновения долины как большого озера, возникновения института царствования и завершался завоеванием армией Акбара.

Пересказывая вкратце историю Кашмира, Абу-ль Фазл рассказал об инцидентах, произошедших с несколькими правителями, позаимствовав при этом сведения из *Раджатарангини*. Эти правители были представлены как образцы хорошего и плохого царя. Но, что еще важнее, они формировали особую среду, с помощью которой Абу-ль Фазл излагал вопросы морали и добродетели в осуществлении царствования. Согласно ему, институт царствования, который в первоначальном нарративе возник из стремления к миру и справедливости, достиг кульминации в установлении над Кашмиром власти Акбара.

Хроники, созданные при дворе Великих Моголов в конце XVI в., в некотором смысле, создавали империю. С помощью описаний, помещенных в «дворцовых хрониках», образ Кашмир отошел от старых паттернов, ассоциируемых с замкнутостью и неизвестностью. Создавая краткие географические, этнографические и исторические отчеты о регионе, Абу-ль Фазль и другие придворные летописцы сделали Кашмир узнаваемым для двора, вписав его в пределы имперской ойкумены.

4. ВО СЛАВУ КАШМИРА

В то время, как придворные хроники собирали информацию о Кашмире, регион становился частью поэтических и литературных образов двора Великих Моголов. Концепция Кашмира как *джаннат назира* впервые зародилась в придворных литературных произведениях в конце XVI в.

Касыда Урфи Ширази, «Дар-Васф-и Кашмир» (Во славу Кашмира), начиналась словами:

Nar Sokhteh jani ke be Kashmir dar ayad

*Gar Murgh kabab ast ke ba-bal wa pur ayad*¹ (Shirazi, n.d., p. 31)

В этой касыде Урфи описал Кашмир как страну, своей красотой облегчающую душу и обладающую чудесной способностью омолаживать и оживлять.

Когда в 1589 г. Акбар отправился в Кашмир, вместе с ним отправился туда и прославленный придворный поэт Файзи². В своей касыде «*Дар Таусиф-и Кашир ва Тахният и Фатех ан ва Мадах-и Акбар Падишах*»³ Файзи описал превосходства региона и приветствовал его завоевание армиями Акбара. Он прославлял Кашмир как землю, особенно благословенную – как своей красотой, возрождающую душу, так и своей удачей, приведшей ее в благожелательные объятия Акбара Падишаха (Ashraf, n.d., p. 42)

В этой касыде Файзи описал Кашмир как «*аджаб карнамах и такдир*» – чудесное творение судьбы (n.d., p. 42). Концепция *та'джуб* (чуда, восхищения, удивления) оставалась важной частью реакции на Кашмир, но природа чуда изменилась: в традициях *'аджаиб* IX-XI вв. беспокойство, вызванное недоступностью Кашмира, окруженного горами, выражалось в рассказах об опасности, скрывающейся за горными преградами. В поэзии могольского двора в конце XVI в. *та'джуб* был выражен красотой ландшафта Кашмира. Поэзия двора соткала из высоких гор, целебного климата, источников, ручьев и озер, зелени долины литературный образ райской красоты Кашмира.

В первой половине XVII в. Кашмир оставался отдельной темой придворной литературы. Большинство крупных придворных поэтов, такие, как Салим Техрани, Мохаммад Ян Кудси (ум. 1646), Талиб Амули (ум. 1652), Зафар-Хан Ахсан (ум. 1670), Мир Илахи (ум. 1653),

¹ «Каждая сгоревшая душа, пришедшая в Кашмир [возрождается] / даже курица, превращенная в шашлык, становится целой»

² Подробные сведения о Файзи см.: (Alam & Subrahmanyam, 2012) (Kinra, 2015).

³ Название этой касыды может быть переведено как «Описание Кашмира, Поздравление по случаю его завоевания и восхваление падишаха Акбара»

Тугра Машхади (ум. 1667-1668) и другие, имели в своем творчестве (Tikku, 1971, pp. 83–157) прекрасные стихи о Кашмире. Эти стихи все еще говорили о регионе в терминах *чуда*. Но теперь они выражали удивление садами и зданиями, построенными могольской элитой. Сады были описаны как райские, а ландшафт долины стал достойным фоном для этих имперских творений.

В связи с этим следует упомянуть и «Маджма' уль Афкар» – «собрание могольских инша» (Kinra, 2015, p. 186), датированное началом XVIII в. (Chander, 2009–2010, pp. 114-156). Оно представляло собой образцы плачей, элегий, поздравительных писем, соболезнований больным, хвалебных писем по случаю успешных построек покровителя, собраний, выигранных битв и т. д. Оно также содержало копии специальных официальных писем, таких, как письма Хумаюна Байрам-Хану, Джахангира шаху Аббасу и Шах-Джахана Мулле-Шаху¹. В этой коллекции *инша* был отдельный раздел о Кашмире. В него вошли отрывки из «Амль-и-Салиха» Мухаммада Салиха Камбоха, «Падишах-наме» Табатабая, длинный отрывок из *рисаля* Маулана Шайды и письмо Муллы Тугры Кази Захиду. Часть, принадлежащая перу Камбоха, была *сафар-наме* (путевой отчет) и описывала путешествие Шах-Джахана в Кашмир. Из «Падишах-наме» Табатабая в *Маджму* попало описание Сринагара. Другие разделы *Маджмы* содержали панегирик красоте региона и ироническое описание опасностей горных дорог. Эти отрывки делили литературный образ кашмирского «райского места» на несколько тем: путешествие в долину, труднодоступность, красота региона и чудеса сада.

Как уже говорилось, литературный образ Кашмира как *джаннат назира* возник в дворцовой поэзии Великих Моголов в конце XVI-начале XVII вв. В этот период поэзия и другие произведения двора Великих Моголов были посвящены ландшафту и природным особенностям региона. Но к середине XVII в. образ Кашмира как «райского места» был дополнен садами, разбитыми могольскими правителями.

Все эти различные нарративы, от придворных хроник до дворцовой поэзии, содержали многочисленные фантазии о Кашмире. Тексты конца XVI-начала XVII веков нанесли этот регион на карту, а также создали словарь, с помощью которого можно было говорить о нем, что сделало его частью дворцовой и общеимперской истории. Эти тексты были частью процесса установления власти Моголов в

¹ *Majma' ul Afkar*, Khudabakhsh Oriental Library, ms. HL 840. См. Chander Shekhar (2009–10), *Hadis i Kashmir dar Nuskheh e Khatti Majma' ul Afkar' in Qand i Parsi*, Nos 47–48, pp 114–56.

регионе. В то же время они отражали беспокойство империи по поводу прочности своей власти в этой отдаленной провинции.

5. ТРЕВОГИ ИМПЕРИИ

В 12-м год своего царствования (1617 г.), во время своего путешествия по Гуджарату, Джахангир получил два различных сообщения из Кашмира, о чем он особо написал в своих воспоминаниях. В первом говорилось о рождении двух девочек в доме торговца шелком, они появились на свет с зубами и соединенными от спины до пояса. Жизнь этих сиамских близнецов была короткой (Hashim, 1940, p. 231).

В другом донесении императору сообщали о вспышке чумы в Кашмире. Регион был опустошен эпидемией. Джахангир подробно рассказал об этом недуге: в первый день человека мучила головная боль, его лихорадило и шла кровь из носа. На второй день больной умирал. Если кто-то из домочадцев заболел, за ним последуют все остальные обитатели дома. Любой, кто приблизится к больному или мертвому телу, будет заражен. Чума была смертельно опасна.

Один человек умер, и его тело положили на солому, чтобы обмыть. Случайно корова съела немного этой соломы и умерла. После этого несколько собак съели часть коровьего мяса, и все они умерли. Все стало так плохо, что ни отцы не приближаются к своим сыновьям из страха смерти, ни сыновья не приближаются к своим отцам. (Jahangir, 1999, p. 254)

Конец эпидемии ознаменовался таинственной цепочкой событий. Однажды утром, когда чума была в самом разгаре, люди в городе и его окрестностях проснулись и обнаружили символы, нарисованные на их дверях.

Три больших круга, один поверх другого, два средних и один маленький. Также было два пустых круга. (1999, p. 254)

После этого часть города, где зародилась чума, сгорела дотла. Огонь и появление этих символов ознаменовали спад эпидемии.

В этих записях о сообщениях из Кашмира Джахангир предстает перед нами в двух плоскостях: и как суеверный человек, и как ученый (Mottahedeh, 1997, p. 37).

Записи Джахангира об этих любопытных событиях были отмечены полнотой деталей и создавали параллели с его привычными регулярными наблюдениями природных и других явлений¹. В то же время Джахангир описывал эти события как странные или с оттенками ужаса (*граиб*) (Hashim, 1940, p. 252). Он заканчивает свое описание чумы и пожара словами, что эта история «не согласуется с канонами разума, и мой интеллект не может принять ее» (1940, p. 252).

Поразительно, что два инцидента, зафиксированные Джахангиром, дошли до него понаслышке, хотя и были переданы двору *ваки' нависом* (автором новостей)² из этого региона. Они достигли падишаха, когда он и его двор путешествовали по провинции Гуджарат. Все эти истории – рождение сиамских близнецов, появление странных символов в период катастроф – вызывали элементы фантастики и перекликались с жанром *'аджаиб ва граиб* (Zadeh, 2010) (Bates, 2005), (Ghadessi, 2011).

Ахмед Азиф полагает, что рассказы в жанре *'аджаиб и граиб*³ были характерными чертами пограничных земель – территорий, которые располагались на периферии больших империй, но занимали центральное место в их самосознании (Ahmed M., 2011)⁴.

Элементы фантастики в этих историях представляли собой отчетливую эпистему, которая усиливала дистанцию между *субой*⁵ Кашмира и двором падишаха. Она измерялась не в милях и метрах, а маркировала Кашмир как удаленное место, где может произойти необъяснимое и непознаваемое. Эти истории резко контрастировали с записями Джахангира о Кашмире. В «Джахангир-наме» описания и обсуждения региона были тщательно проанализированы с помощью методов исследования и наблюдения, т.е. знания Джахангира об этом регионе основывались на реально увиденном.

Эти же истории, напротив, являлись сообщениями. Появление их в *Tuzuk*⁶ отражало напряженность между множественностью представлений о Кашмире в имперских хрониках. В то время как

¹ По вопросу рационализма у Джахангира см.: (Koch, 2009) and (Lefevre, 2007).

² Ваки' навис – специальная должность при дворе Великих Моголов, также как и *акхбар навис*, *ваки' навис* должен был подавать новости падишаху и еще некоторым вельможам о происходящем в стране. Акхбар навис (от араб. *кхабар* – «знать») обязан был подавать официальную информацию, а ваки навис сообщал самые разнообразные новости в государстве, порой даже существующие на уровне слухов (прим. редактора).

³ У Манана Ахмеда «*'аджаиб и гараиб*» (прим. редактора).

⁴ Перевод данной работы на русский язык см. (Ахмед, 2019) (прим. редактора).

⁵ «Суба» (хинди) – «провинция» (прим. редактора).

⁶ *Tuzuk* – *Tuzuk-i-Jahangiri* (*Tuzuk-e-Jahangiri*) – автобиография Джахангир Шаха, известная также как *Джахангир-наме* (прим. редактора).

подробные сообщения в имперских летописях делали регион узнаваемым, расстояние между регионом и императорским двором вызывало беспокойство о контроле над ним.

6. ИМПЕРАТОРСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В КАШМИР

К началу XVII в. для императоров, членов семьи падишаха и двора стало установившейся практикой путешествовать в Кашмир. Эти императорские поездки в Кашмир были тесно переплетены с литературными образами Кашмира как *джаннат назира*. Акбар посещал Кашмир трижды (в 1589, 1593 и 1597 гг.). Джахангир, будучи императором, пять раз (в 1619, 1622, 1624, 1625 и 1627 гг.), а Шах-Джахан делал это столько же раз, если не больше. Во время своего пребывания в долине императоры посещали зрелища, знакомились с местными новинками, отправлялись на охоту. Они путешествовали по долине, в основном, по воде, сидя в специально сконструированных лодках, и разбивали лагерь в садах.

Во время своих трех поездок в Кашмир Акбар обследовал регион и определил некоторые места как значимые. Акбар разбивал лагерь и провел некоторое время в окрестностях озера Дал, около Шихабуддинпура¹, Ахвала², Вирнага³, у озера Вулар⁴ и в Пампоре⁵. В правление Джахангира императорский лагерь совершал более длительные и обширные путешествия и исследовал местные знания и природные явления. Джахангир приказал исследовать глубокие пещеры в Бурзахоме (Chadurah, 1991, pp. 12-13) и изучить лекарственные свойства шафрана (Jahangir, 1999, p. 433). В правление Шаха-Джахана императорские процессии следовали графику, установленному в предыдущие периоды. Первая поездка Джахана в Кашмир в качестве императора началась из Агры в феврале 1634 г. Он

¹ Шихабуддинпур – город к северу от Сринагара, расположенный на слиянии р. Витасты и реки Инд (называемой местными Синдху). Царь Шихабуддин (1354 – 73) основал этот город на этом месте в XIV веке. Абу-ль Фазл называет этот город Шадпур, теперь известен как Шадипур.

² Известный сегодня как Ачабал или Ачуал (Achhwal) – город, расположенный к югу от Сринагара. Он был известен своими родниками. С XVII в. вокруг этих источников было создано несколько садов. Регион получил название Сахибабад после того, как Джаханара заложил там сады.

³ Вернаг, известный также как Вирнаг, расположен к югу от Сринагара. Родник в Вернаге традиционно считается истоком реки Джелум. В XVII в. Джахангир превратил родник в небольшой пруд и разбил там сады. Шахджахан перестроил эти сады и дал этой области название Шахабад.

⁴ Озеро Вулар (Wular) расположено к северу от Сринагара. Оно играет важную роль в естественной гидрологии Кашмира и находится на пути течения реки Джелам по долине. В XV веке царь Заинул Абинидин построил в середине озера остров, который назывался Заин Ланк.

⁵ В санскритских текстах Кашмира Пампоре назывался Падмапурой. Он известен своими полями шафрана в Кашмире.

отправился в путешествие по равнинам Северной Индии в Лахор, откуда начинался подъем в горы. Маршрут в долину был выбран таким образом, чтобы обеспечить прибытие в долину вовремя и увидеть весну и цветение местных растений. Император вернулся в Индостан после того, как все дары региона – от цветения весенних цветов до осеннего созревания шафрановых полей – были собраны. В то же время обратный путь нужно было совершить до того, как путников настигнут зимний холод и снег.

Во время правления Акбара императорские процессии объезжали регион, в основном, осматривая достопримечательности. Во времена правления Джахангира на ряде этих объектов началось строительство. Джахангир, например, разделил земли на берегах озера Дал между членами императорской семьи и знатью. Вдоль берега озера были разбиты сады.

К середине XVII века Кашмир стал действительно восхитительным. В отчетах об этих путешествиях Кашмирская земля больше не рассматривалась как удаленная. Напротив, акт ее посещения и осмотра был центральным в имперских отношениях с *джаннат назиром* Кашмира. Когда Шах-Джахан, например, отправился в Кашмир на 18-м году царствования (1645-1646 гг.), он настоял на том, чтобы Нусрат Юнг¹, который собирался заступить на свою должность в Декан, сопровождал его в долину. Лахори писал, что:

Поскольку Нусрат Юнг никогда не бывал в Кашмире, ему было приказано сопровождать правителя. Говорили, что он должен увидеть зеленеющую Долину, цветущие деревья и, насладившись прелестями Долины, вернуться в Декан (1868, р. 218).

Эта императорская директива предписывала Нусрату Юнгу наслаждаться Кашмиром, т.е. Т.е., сопровождая императора во время своего первого визита в эти края, он должен был продемонстрировать радость императору.

В 1639-1640 гг., во время посещения Долины, Шах-Джахан пригласил *ильчи* (эmissаров) из дворов Рума и Бухары посетить Кашмир (1868, р. 197). Эти эmissары стали зрителями особого представления могольского величия. В садах на берегу озера Дал за каскадами воды горели лампы, демонстрируя собой два символа

¹ Нусрат Юнг – Зульфикар Хан Нусрат Юнг (1657-1713) – знатный вельможа Могольского двора. Был назначен губернатором Декана (прим. редактора).

красоты, воду и свет, для создания праздничного зрелища. Лахори описывает это следующим образом:

Накануне 24-го (Раби уль-авваль), перед императорским гаремом, был отдан приказ украсить сады Фараха и Фаиза Бакиша¹ – самых прекрасных мест в этом городе. От цветников до начала стены и до берега, в каждом из двух садов, по обе стороны от Шаха Нахара² и со всех сторон водоемов были размещены лампы. После этого к дереву через небольшие промежутки были привязаны разноцветные фонарики. За потоками каскадной воды, были расставлены лампы в мраморных подставках, создавая ощущение чуда. Император прибыл с севера, раздавая золотые монеты, служба бедным ... и до последнего пахара³ вечер проходил в удовольствиях, распространяемых повсюду в саду, после чего все вернулись в императорский дворец (1868, р. 199-200).

Путешествуя по Кашмиру, императоры постоянно меняли его ландшафт. В 1620 г., на обратном пути в Лахор, Джахангир был поражен красотой источника и водопада возле деревни Бахрамгала (Jahangir, 1999, р. 349). Он приказал соорудить смотровую площадку, на которой можно было сидеть и наблюдать за зрелищем. Надпись на камне отмечала дату его посещения. Эбба Кох говорит о практике Джахангира претендовать на природу как свою собственность, делая постоянный отпечаток на ней художественными средствами «с помощью архитектуры, скульптуры и надписей» (Koch, 2009, pp. 161-162). Присваивая себе природные объекты, Джахангир, по ее словам, выделял их «династическими отпечатками» (2009, р. 168). В более поздние периоды, когда Шах-Джахан посещал Долину, императорские хроники обсуждали место, построенное Джахангиром для просмотра водопада. Бахрамгала была отмечена императорским вмешательством в свое пространство.

¹ Фарах Бакш и Фаиз Бакш – части большого садового комплекса, называемого также Шалимар Багх. Сад Шалимар был построен по приказу императора Джахангира в 1619 г. для его любимой жены Нур Джахан. Сад расположен на террасах, протянувшихся с северо-востока на юго-запад. Своеобразной осью сада стал центральный канал, соединяющий водоемы сада с озером Дал (прим. редактора).

² Шах Нахар – центральный канал сада Шалимар – своеобразная ось, во круг которой и был разбит сад (прим. редактора)

³ Пахар (пехер) – традиционная единица времени в Северной Индии, равная трем часам. Сутки состояли из 8 пахаров. Слово *пахар*, вероятно, восходит к индийскому *пехра* – «стража» (ср. *пехредар* – стражник) (прим. редактора)

Императоры давали новые названия местам во время своего путешествия по долине, при этом новые имена заимствовались из особых событий или конкретного человека, связанного с присутствием Моголов в регионе. Инч был переименован в Исламабад. Шах-Джахан во время своего визита в Инч приказал уничтожить место паломничества (*зиярат*). Мир бахши Ислам Хан¹ получил эту территорию в *туул*² (Lahori, 1868, pp. 47-48). Название Исламабад увековечило и имя человека, и событие.

Мачи Бхаван был отдан в качестве джагира Ямин уд-Дауле Асаф-Хану. Он провел обширное строительство в этом районе, построив резервуары, каналы и сады. Шах-Джахан переименовал место в Асафабад (1868, p. 50). Он также переделал сад, разбитый Джахангиром в Вирнаге, воздвиг павильоны, выходящие окнами в сад и прорыл каналы, по которым текли воды из источника в Вирнаге. Он дал этому саду имя Шахабад (1868, pp. 52-53).

Практика переименования маркировала пространство имперским присутствием, вмешательством и помещением в него своих приближенных. Она создала новые политические и культурные ассоциации между Кашмиром и империей Великих Моголов. Такие названия, как Исламабад и Шахабад, резонировали с другими местами империи. Сходство названий не указывало на сходство характеристик этих мест. Значение и важность этих имен можно было обнаружить только в рамках истории Великих Моголов. В то же время места в Кашмире по-прежнему продолжают сохранять старые и новые названия. На местном уровне история перестраивания этих мест Моголами оказалась связана с более старыми ассоциациями этого пространства.

Императорские поездки в Кашмир разрушили прежние представления об изолированности региона. Рассказы об этих путешествиях отражают восстановление чувства удивления, связанного с Кашмиром. Оно стало декорацией для имперских творений, в результате которых к середине XVII в. эти места начали восприниматься как райские.

¹ Ислам Хан – Шейх Алауддин Чисти – близкий друг и соратник Джахангира. Был губернатором (субухдар, назим) Бенгалии, отсюда его титул *мир бахши*. Шейх Алауддин был также прославленным генералом, и за свою преданность получил от Джахангира имя Ислам Хан (прим. редактора).

² Туул – т.е. джагир – лен (прим. редактора)

7. МОГОЛЬСКИЕ САДЫ КАШМИРА

Рассуждения о могольских садах Кашмира, в основном, вращались вокруг эстетических и визуальных практик двора Великих Моголов. Эти сады рассматривались как пространства, удаленные и изолированные от управления. Вместе с тем, можно сказать, что эти сады представляли собой особую практику организации пространства, с помощью которой власть империи Моголов встраивала в себя ландшафт Кашмира. Метафора рая на земле взывала к философскому идеалу благодатного могольского *бадшахи*¹. Сады стали пространством, где этот идеал был реализован на Земле. Планировка, расположение водных путей, выбор деревьев и растений, использование симметрии, а также дикой природы в этих садах составляли особый эстетический вокабуляр. Высокие горы служили фоном для этих садов, вода из родников, ручьев и рек направлялась в проходящие через них каналы, изливаясь фонтанами и собираясь в резервуары. В этих садах росли такие цветы, как *лале* (тюльпаны) и *наргис* (нарциссы), и такие деревья, как чинар, осина, тополь, яблоня и вишня.

Покровительство и участие в сооружении этих построек отражали соперничество в сферах власти Моголов. Они также представляли собой проникновение государства Моголов в локальные общественные пространства, народную память и местную политику. Эти сады использовались в имперских механизмах власти и времяпрепровождения. Со временем сады стали восприниматься как поселения, с такими названиями, как Зафарабад и Сайфабад.

Багх-и-Фаиз Бакш и Фарах Бакш, известные, как Шалимар Багх, были самыми знаменитыми садами Моголов. Район Шалимар, с его природным источником, расположенный на берегу озера Дал, был местом паломничества (Fazl, 1872, p. 366). Раджа Правар Сен, который считался основателем города Сринагара, первым разбил на этом месте сад. Хотя сад давно исчез, деревня, возникшая на этом месте, сохранила название Шалимар (Hasan, n.d., p. 286).

Распределяя землю вокруг озера Дал между придворными дворянами, Джахангир передал этот участок Шах-Джахану, с указанием построить сад на этом месте. Шах-Джахан назвал сад Багх-и-Фаиз Бакш. Сад был построен по принципу «горного сада», с террасами, организованными в трех отдельных частях. Самой высокой

¹ Бадшахи (урду) – «монарх», т.е. *падишах* или *падишах* (прим. редактора).

частью сада был сад *зенана*¹, который был устроен для уединения женщин дворца (Villiers-Stuart, 1913) (Ruggles, 2008). Вторая зона была предназначена для придворных. Третья, общественная, часть была заложена позже (2008, p. 216): в 1630-х гг. Шах-Джахан добавил еще один сад к существующему и назвал его Фарах Бакш. Это и была третья часть сада – общественная.

Лучшим из садов является Фарах Баки, который был построен по приказу императора. Цветущая земля этого сада подобна вечнозеленому раю; воды Шах-Нара, текущие по садам, напоминают воды Сальсабила и Каусара; плоды сада – самые вкусные в мире; здания дворцов похожи на безупречный рай. Архитектором этого чуда является император Сахиб-и-Киран Сани. (Lahori, 1868, p. 24).

Описание Лахори возвышало этот сад до подобия рая. Сахиб-и-Киран Сани, Шах-Джахан, спроектировал этот сад. Зелень сада, цветение цветов и великолепные здания напоминали образы рая. Шах Нахр, канал, по которому текла вода из старого источника, сравнивался с Сальсабилем и Каусаром, источником и каналом, по которым вода текла через рай.

Хотя, по указанию Шах-Джаханана, эта часть берега озера Дал была преобразована в новое пространство, старое название «Шалимар» сохранилось и стало привычным для этих садов. Шалимар, или Шалимар Багх, проводил линию преемственности между царем, основавшим город Сринагар, и императором Великих Моголов, превратившим его в райские сады.

Со временем само слово «шалимар» стало нарицательным – синонимом садов Великих Моголов. Когда Шах-Джахан разбил сады в Лахоре, он назвал их Багх-и-Фаиз-Бакш и Фарах-Бакш. Они получили свою известность под именем Шалимар Багх. Точно так же через некоторое время Шалимар Багх появился в Дели во время сооружения Шахджаханабада². Повторение имени Шалимар в названии садов Моголов по всей Северной Индии вызывало в памяти сады Кашмира, а также образы рая.

Итак, названия мест в Кашмире относятся к событиям и людям, связанным с присутствием Моголов в регионе. Измененные названия

¹ *Зенана* или *занана* – в Индии часть дома или домохозяйства, предназначенные для уединения женщин.

² В 1639 г. Шах-Джахан решил перенести столицу своей империи из г. Агры в Дели. Сооружение города было закончено в 1648 г. Его и называли Шахджаханабад, т.е. «Город Шаха-Джаханана», но вскоре его сын Аурангзеб снова перенес столицу в Агру (Акбарабад).

привносили присутствие Моголов в повседневное воображение этих мест, а также наполняли их историями других местностей. Когда такие названия, как Шалимар и Сахибабад, оказывались в других частях империи, они специально вызывали в памяти образы *джаннат назири* Кашмира. Этот образ к середине XVII в. стал частью имперского вокабуляра саморепрезентации.

Могольские сады Кашмира встраивали природу в тщательно продуманные пространства. При строительстве этих садов были существенно изменены местные географические особенности. Родники были обустроены, каналы прорыты, небольшие реки отведены. Эти сады стали также местами садоводческих экспериментов. Были пересажены различные растения, а фруктовые деревья, такие, как вишни, гуавы и яблоки, были привезены из других частей империи. В основе описания плодов Кашмира лежали тщательные записи о размере и качестве плодов, сравнивающие их с плодами из других провинций. Были внедрены новые методы садоводства, такие, например, как прививка.

Покровительство строительству зданий и садов было сферой конкуренции среди представителей власти. Во время своих путешествий из Агры в Лахор, а затем и в Кашмир, Шах-Джахан модифицировал или реконструировал ряд зданий и садов, разбитых Джахангиром. Его реконструкция в Вирнаге была лишь одним из примеров. Лахори пояснял, что творения Джахангира не были по вкусу Шаху-Джахану (Lahori, 1868, pp. 11-12). В сложной политике родословной и наследования, а также в стремлении маркировать свое наследие, изменение эстетических канонов стало предметом самовыражения и самореализации.

Когда Асаф-Хан построил примыкающий к Фаизу и Фараху Бакшу новый сад – Нишат-Багх, тот стал соперничать по красоте с садами Шах-Джахана. Рассказывают, что Шах-Джахан возжелал сад Асаф-Хана, но тот упорно не предлагал его в дар правителю. Капризный император приказал отключить подачу воды в сад (Villiers-Stuart, 1913, pp. 167-168). Конфликт в этом вопросе касался вопросов собственности – не только на землю, но и на чудесное творение.

Зафар-Хан «Ахсан»¹ в свой первый срок на посту губернатора Кашмира реконструировал зиярат в Задибале. В Задибале находилась дарга² Нурбахшийского святого мира Шамсы Ираки¹, являвшаяся

¹ Зафар-Хан «Ахсан» был назначен на пост губернатора Кашмира в 1633 г. (прим. редактора).

² Дарга – надгробие святого в исламе (прим. редактора).

местом поклонения шиитов долины. Он разбил на этом месте сад и дал ему название Хасанабад. Таким образом, эти сооружения Зафар-Хана ознаменовали вмешательство в местную политику региона, а его сад приобрел политическую и религиозную значимость. В 1635 г., когда в результате межконфессиональных конфликтов в Сринагаре вспыхнули беспорядки, Хасанабад был разграблен (Mattoo, 1988, pp. 150-151).

Джаханара Бегум² владела тремя садами в Кашмире: садом Джавахир Хана Хаджа Сара³ на острове в озере Дал, Багх-и-Нур Афшан⁴, заложенным Нур Джахан на берегах Джелама, и садом в Сафапуре, который первоначально был основан Мирзой Хайдаром (Lahori, 1868, p. 195). Джаханара разбила сад в своем джагире в Ахвале и переименовала его в Сахибабад, основываясь на своем титуле Бегум-Сахиб. Использование Джаханарой своего титульного имени в акте переименования сада было политическим жестом. Когда Джаханара Бегум разбивала сады в Чандни Чоук в Шахджаханабаде, она также дала им имя Сахибабад. Имя вписывало ее присутствие в очень публичное и городское пространство главной улицы столицы империи. Структура ее садов в Чандни Чоук напоминала кашмирские. Подобно тому, как она выражала свои права на сад в Ахвале, так и ее сад в Чандни Чоук указывал на ее притязания на власть.

Эстетические традиции создания садов в Кашмире были основаны на литературных образах Кашмира как *джанната назира*. Со временем, в поэзии двора, сады Моголов превратились в места райской красоты. Разбивая сады, могольская элита превращала Кашмир в особое пространство, вписывая власть Великих Моголов в местный ландшафт, встраивая ее в местную память и историю. Можно сказать, что создание садов было не просто знаком имперского

¹ Мир Шамс-уд-дин Мухаммад Ираки (1440–1515) был последователем суфийского ордена Нурбакши. Он первым начал проповедовать шиизм в Кашмире, создав там суфийскую ханаку (обитель), которую позднее уничтожил правитель Кашмира Мирза Мухаммад Хайдар. О его встречах с Мухаммадом Ираки есть упоминания в его «Тарих-и-Рашиди» (прим. редактора).

² Принцесса Джаханара Бегум была старшей и одной из самых любимых дочерей Шаха-Джахана. Во время его затчения Аурангзебом она добровольно отправилась за своим отцом и продолжала заботиться о нем до самой его смерти (прим. редактора).

³ Джавахир Хан Ходжа Сара (ходжасара) – влиятельный евнух при дворе Моголов. Он был назир – управляющий при дворе. Пользуясь своим влиянием, Джавахир Хан создал великолепный сад на острове в центре оз. Дал (прим. редактора).

⁴ Существует несколько садов с названием Багх-и-Нур Афшан. Один из них старейший в Индии сад был разбит в Агре еще Бабуром. Он называется Арам Багх (Рам Багх), и с ним связано множество дворцовых историй. Любимая жена Джахангира Нур Джахан, увлекавшаяся садами, перестроила его и назвала Багх-и-Нур Афшан, т.е. «сад излучающий свет» или «сад сияющего света». Тем самым она изменяла не только сам сад, но и его название *Гуль Афшан* – «Сад, брызжащий цветами». Еще один великолепный сад с таким же названием был заложен ею в Кашмире на реке Джелам (прим. редактора).

контроля. Сады были частью пространственной практики империи, с помощью которой она территориально закреплялась в отдаленной провинции Кашмир.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С самых ранних упоминаний о Кашмире регион пробуждал связанное с ним чувство исключительности. Повествовательные традиции Кашмира периода раннего средневековья наполняли его ландшафт сакральностью. Может показаться, что идея священной земли перешла в метафору Кашмира как *рая* в традициях Великих Моголов в ранний период истории Нового времени (Zutshi, 2014).

Я считаю, что обращение к образам *рая* в повествованиях о Кашмире было не просто описательным приемом, так же, как и не было продолжением старого представления о Кашмире, как о священной земле. Кашмирский *джаннат назир* был особым литературным и политическим образом, который возник в конце XVI в. при дворе Великих Моголов и развивался в течение всего XVII в. Это был дискурс власти, который формировал институты управления и пространственную практику империи. В свою очередь, эти практики территориально встраивали империю Моголов в пространство региона.

Кашмир не был обычной пограничной областью, не был ни проницаемым, ни подвижным. Напротив, Кашмир – *джаннат назир* был закрытой границей, местом, где заканчивались путешествия. Образ Кашмира – *рая на земле* – стал одним из способов выражения имперской власти на пограничных землях.

Кашмир остается для нас сегодня значимым словом – как место соперничества национализмов, политической борьбы, глубоких страданий и страха. По иронии судьбы, этот Кашмир оказывается рядом с сильной визуальной памятью о Небесной земле (Kabir, 2009)¹. Можно сказать, что, хотя ландшафт долины зарождался в разных дискурсивных традициях, наше сегодняшнее его восприятие берет свое начало в очень специфичном могольском образе Кашмира как *джаннат назира*.

¹ Исследователь подробно обсуждает противоречивые, но в тоже время смежные политические и общественные дискурсы, в которых Кашмир выступает как «Территория Желания».

Список литературы

- Ahmad, S. M. (1989). *Arabic Classical Accounts of India and China*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies.
- Ahmad, S. M., & Bano, R. (1984). *Historical Geography of Kashmir*. New Delhi.
- Ahmed, M. (2008). The Many Histories of Muhammad bin Qasim: Narrating the Muslim Conquest of Sindh. *Unpublished PhD thesis*. University of Chicago.
- Ahmed, M. (26 March 2011 г.). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic & Political Weekly*, XLVI(13), 60-65.
- Ahmed, M. (2016). *A Book of Conquest: The Chachnama and Muslim Origins in South Asia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Ahmed, N. (1992). *The Tabaqat i Akbari, A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty Eighth Year of the Reign of Akbar, tr B N De (reprint)*. Delhi: Low Price Publication.
- Alam, M., & Subrahmanyam, S. (2012). *Writing the Mughal World*. Ranikhet: Permanent Black.
- Anooshahr, A. (2014). Mughals, Mongols and Mongrels: The Challenge of Aristocracy and the Rise of the Mughal State in the Tarikh i Rashidi. *Journal of Early Modern History*(18), 559–577.
- Antrim, Z. (2012). *Routes and Realms: The Power of Place in the Early Islamic World*. New York: Oxford University Press.
- Ashraf, A. D. (Ред.). (n.d.). *Diwan i Faizi*. Lahore: Idarah Tahqiqat Pakistan, Danishgah i Punjab.
- Bamzai, P. N. (1962). *A History of Kashmir: Political, Social and Cultural, from the Earliest Times to the Present Day*. Delhi.
- Bates, A. (2005). Good, Common, Regular and Orderly: Early Modern Classifications of Monstrous Births. *Social History of Medicine*, 18(2), 141-158.
- Bazaz, P. N. (1967). *Kashmir in Crucible*. Delhi.
- Behl, A. (2006). The Magic Doe: Desire and Narrative in a Hindavi Sufi Romance, circa 1503. In R. M. Eaton, *India's Islamic Traditions* (pp. 711–750). Delhi: Oxford University Press.
- Bernier, F. (1992). *Travels in the Mogul Empire, AD 1656–1668*. (V. A. Smith, Ed., & A. Constable, Trans.) Delhi.
- Bokhari, A. (2009). Gendered 'Landscapes': Jahanara Begum's (1614–80) Patronage, Piety and Self-Representation in 17th Century Mughal India. *Unpublished PhD Dissertation*. University of Vienna.
- Chadurah, H. M. (1991). *History of Kashmir*. (R. Bano, Ed.) Delhi.

- Chander, S. (2009–2010). Hadis i Kashmir dar Nuskheh e Khatti Majma' ul Afkarin Qand i Parsi. *Nos 47–48*.
- Cox, W. (2013, April–June). Literary and Historical Consciousness in Kalhana: A Hypothesis. *ndian Economic and Social History Review*, 50(2), <https://doi.org/10.1177/0019464613487097>.
- Elias, N., & Denison, E. R. (1973). *Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia*. Patna.
- Farooque, A. K. (1977). *Roads and Communications in Mughal India*. Delhi: Idarah i Adabiyat i Dehli.
- Faruqui, M. (2012). *The Princes of the Mughal Empire, 1504–1719*. New York: Cambridge University Press.
- Fazl, A. A. (1872). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. Blochmann, Ed.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Fazl, A. A. (2001). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. S. Jarrett, Trans.) Delhi: Low Price Publication.
- Fazl, A. A. (2005). *Ain i Akbaried Sir Syed Ahmad*. Aligarh: Sir Syed Academy.
- Ghadessi, T. (2011). Inventoried Monsters. *Journal of the History of Collections*, 23(2), 267–281.
- Hasan, K. P. (n.d.). Tarikh i Hasan, Srinagar: Research & Publication Division. *J&K Archives Vol s I*.
- Hashim, M. (Ed.). (1940). *Gurgani, Nuruddin Mohammad Jahangir Jahangirnama*. Tehran: Intesharat Bunyad Farhang i Iran.
- ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi, & Buzurg, N. (2000). *Ajaib i-Hind*. (M. M. Zadeh, Trans.) Tehran.
- Jahangir. (1999). *Jahangirnama: Memoirs of Jahangir, Emperor of India*. (W. M. Thackston, Trans.) New York.
- Kabir, A. J. (2009). *Territor y of Desire: Representing the Valley of Kashmir*. Ranikhet: Permanent Black.
- Kaw, M. A. (2001). *The Agrarian System of Kashmir, 1586–1819 AD*. Srinagar.
- Kinra, R. (2015). *Writing Self, Writing Empire: Chander Bhan Brahman and the Cultural World of the Indo-Persian State Secretary*. Oakland: University of California Press.
- Koch, E. (1997). “The Mughal Waterfront Garden” in Attilio Petruccioli, *Gardens in the Times of Great Muslim Empires*. Leiden, New York: E. J. Brill.
- Koch, E. (2001). *Mughal Art and Imperial Ideology*. New Delhi: Oxford Universit y Press.
- Koch, E. (2006). *The Complete Taj Mahal and the Riverfront Gardens of Agra*. London: Thames & Hudson.

- Koch, E. (2007). Middle East Garden Traditions: Unity and Diversity: Questions, Methods and Resources in a Multicultural Perspective, Michael Conan (ed), Volume 31, Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture. *My Garden Is Hindustan: The Mughal Padshah's Realization of a Political Metaphor*.
- Koch, E. (2009). Jahangir as Francis Bacon's Ideal of the King as an Observer and Investigator of Nature. *Journal of Royal Asiatic Society*, 19(3), 293-338
<https://doi.org/10.1017/S1356186309009699>.
- Kumboh, M. S. (1959). *Shahjahnama, also known as Amal i Salih*. Lahore.
- Lahori, A. H. (1868). *Badshahnama* (Vol. II). (M. K. Ahmad, & M. A. Rahim, Eds.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Lefevre, C. (2007). Recovering a Missing Voice from Mughal India: The Imperial Discourse of Jahangir (r. 1605–1627) in his Memoirs. *Journal of Economic and Social History of the Orient*, 50(4), 452-489.
- Majma' ul Afkar. (n.d.). Khudabakhsh Oriental Library. *ms, HL 840*.
- Mattoo, A. M. (1988). *Kashmir under the Mughals 1586–1752*. Srinagar.
- Moin, A. A. (2012). *The Millennial Sovereign*. NYC: Columbia University Press.
- Mottahedeh, R. P. (1997). Ajaib in the Thousand and One Nights. In R. G. Hovannisian, & G. Sabagh (Eds.), *The Thousand and One Nights in Arabic Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parmu, R. K. (1969). *History of Muslim Rule in Kashmir*. Delhi.
- Prasad, I. (1956). *Life and Times of Humayun*. Calcutta.
- Rogers, A. (2003). *The Tuzuk i Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. (H. Beveridge, Ed.) New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers.
- Ruggles, D. F. (2008). *Islamic Gardens and Landscapes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sachau, E. C. (Ed.). (2003). *Al Beruni's India*. New Delhi: Indialog Publications.
- Shahbadi, M. M. (1974). *Raj Tarangini [Tarikh i Kashmir]*. (S. Afaqi, Ed.) Rawalpindi.
- Shirazi, U. (n.d.). *Kulliyat Urfi Shirazi, (ed), Jawahari, Kitabkhana e Shinasi*.
- Shulman, D. (2013). Preface: Kalhana's Rajatarangini: What Is It? *Indian Economic and Social History Review*, 50(2).
- Sufi, G. M. (1996). *Kashir, Being a History of Kashmīr from the Earliest Times to Our Own*. New Delhi.

- Tikku, G. L. (1971). *Persian Poetry in Kashmir 1339–1846: An Introduction*. Los Angeles: University of California Press.
- Villiers-Stuart, C. M. (1913). *The Gardens of the Great Mughals*. London.
- Zadeh, T. (2010). The Wiles of Creation: Philosophy, Fiction and the ‘Aja’ib Tradition. *Middle Eastern Literatures*, 13(1), 527-556
<https://doi.org/10.1080/14752620903566095>.
- Zaki, M. (Ed.). (2009). *Arab Accounts of India (During the Fourteenth Century)*. Delhi.
- Zutshi, C. (2014). *Kashmir’s Contested Pasts: Narratives, Sacred Geographies and the Historical Imagination*. Delhi: Oxford University Press.
- Ахмед, М. (2019). Зеркало Адама: фронтир в имперском воображении. *Журнал Фронтирных Исследований* (1), 83-101.
<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

OF TULIPS AND DAFFODILS: KASHMIR JANNAT NAZIR AS A POLITICAL LANDSCAPE IN THE MUGHAL EMPIRE¹

Anubhuti Maurya (a)

(a) Bharati College, Delhi University. C-4, Dada Satram Mamtani Marg, Janakpuri, New Delhi, Delhi 110058, India E-mail: anubhutimaurya@yahoo.com

Abstract

This article examines the emergence and evolution of the concept of Kashmir jannat nazir as a literary and political imaginary in the Mughal court. The author argues that this imaginary of Kashmir in the Mughal court drew upon older textual traditions like the literature and histories from Kashmir, corpora of Arab and Persian geographies compiled from the ninth century onwards, travel accounts, wonder tales and the chronicles of the Ghaznavid and Timurid courts. It emerged as literary imaginary over the sixteenth century. Through the seventeenth century it had entered into the imperial chronicles. By the middle of the seventeenth century, this imagination of Kashmir became a part of the political discourse in the Mughal court, part of their language of sovereignty and integral to the Mughal self-image. This article locates the imaginary of Kashmir Jannat Nazir within the politics of aesthetics as well as the politics of governance in the Mughal Empire.

A special attention the author pays to the mechanism of realization of this politics with the help of Garden architecture. The Gardens were a part of the spatial practice of the Mughal Empire, by which imperial authority was territorialised in the distant province of Kashmir.

Keywords

Kashmir, Mughal court, Imperial Gardens, jannat nazir, political discourse of places

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Earlier versions of this article were presented at seminars in Lady Shriram College, Delhi University and St Anthony's College, Oxford University. Anubhuti Maurya teaches history at Bharati College, Delhi University and is currently working towards completing her book, *The Making of Mughal Kashmir: Space, History and Authority in Early Modern South Asia*. As a print version, it was published in: *Economic & Political Weekly*, Vol. 52, No. 15, 15 Apr, 2017, pp. 37-44.

References

- Ahmad, S. M. (1989). *Arabic Classical Accounts of India and China*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies.
- Ahmad, S. M., & Bano, R. (1984). *Historical Geography of Kashmir*. New Delhi.
- Ahmed, M. (2008). The Many Histories of Muhammad bin Qasim: Narrating the Muslim Conquest of Sindh. *Unpublished PhD thesis*. University of Chicago.
- Ahmed, M. (2016). *A Book of Conquest: The Chachnama and Muslim Origins in South Asia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Ahmed, M. (2019). Adam's Mirror: the Frontier in the Imperial Imagination. *Journal of Frontier Studies*, (1), 83-101. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>
- Ahmed, M. (26 March 2011 г.). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic & Political Weekly*, XLVI(13), 60-65.
- Ahmed, N. (1992). *The Tabaqat i Akbari, A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty Eighth Year of the Reign of Akbar, tr B N De (reprint)*. Delhi: Low Price Publication.
- Alam, M., & Subrahmanyam, S. (2012). *Writing the Mughal World*. Ranikhet: Permanent Black.
- Anooshahr, A. (2014). Mughals, Mongols and Mongrels: The Challenge of Aristocracy and the Rise of the Mughal State in the Tarikh i Rashidi. *Journal of Early Modern History*(18), 559–577.
- Antrim, Z. (2012). *Routes and Realms: The Power of Place in the Early Islamic World*. New York: Oxford University Press.
- Ashraf, A. D. (Peд.). (n.d.). *Diwan i Faizi*. Lahore: Idarah Tahqiqat Pakistan, Danishgah i Punjab.
- Bamzai, P. N. (1962). *A History of Kashmir: Political, Social and Cultural, from the Earliest Times to the Present Day*. Delhi.
- Bates, A. (2005). Good, Common, Regular and Orderly: Early Modern Classifications of Monstrous Births. *Social History of Medicine*, 18(2), 141-158.
- Bazaz, P. N. (1967). *Kashmir in Crucible*. Delhi.
- Behl, A. (2006). The Magic Doe: Desire and Narrative in a Hindavi Sufi Romance, circa 1503. In R. M. Eaton, *India's Islamic Traditions* (pp. 711–750). Delhi: Oxford University Press.
- Bernier, F. (1992). *Travels in the Mogul Empire, AD 1656–1668*. (V. A. Smith, Ed., & A. Constable, Trans.) Delhi.

- Bokhari, A. (2009). Gendered 'Landscapes': Jahanara Begum's (1614–80) Patronage, Piety and Self-Representation in 17th Century Mughal India. *Unpublished PhD Dissertation*. University of Vienna.
- Chadurah, H. M. (1991). *History of Kashmir*. (R. Bano, Ed.) Delhi.
- Chander, S. (2009–2010). Hadis i Kashmir dar Nuskhah e Khatti Majma' ul Afkarin Qand i Parsi. *Nos 47–48*.
- Cox, W. (2013, April–June). Literary and Historical Consciousness in Kalhana: A Hypothesis. *ndian Economic and Social History Review*, 50(2), <https://doi.org/10.1177/0019464613487097>.
- Elias, N., & Denison, E. R. (1973). *Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia*. Patna.
- Farooque, A. K. (1977). *Roads and Communications in Mughal India*. Delhi: Idarah i Adabiyat i Dehli.
- Faruqui, M. (2012). *The Princes of the Mughal Empire, 1504–1719*. New York: Cambridge University Press.
- Fazl, A. A. (1872). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. Blochmann, Ed.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Fazl, A. A. (2001). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. S. Jarrett, Trans.) Delhi: Low Price Publication.
- Fazl, A. A. (2005). *Ain i Akbaried Sir Syed Ahmad*. Aligarh: Sir Syed Academy.
- Ghadessi, T. (2011). Inventoried Monsters. *Journal of the History of Collections*, 23(2), 267–281.
- Hasan, K. P. (n.d.). *Tarikh i Hasan*, Srinagar: Research & Publication Division. *J&K Archives Vol s I*.
- Hashim, M. (Ed.). (1940). *Gurgani, Nuruddin Mohammad Jahangir Jahangirnama*. Tehran: Intesharat Bunyad Farhang i Iran.
- ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi, & Buzurg, N. (2000). *Ajaib i-Hind*. (M. M. Zadeh, Trans.) Tehran.
- Jahangir. (1999). *Jahangirnama: Memoirs of Jahangir, Emperor of India*. (W. M. Thackston, Trans.) New York.
- Kabir, A. J. (2009). *Territor y of Desire: Representing the Valley of Kashmir*. Ranikhet: Permanent Black.
- Kaw, M. A. (2001). *The Agrarian System of Kashmir, 1586–1819 AD*. Srinagar.
- Kinra, R. (2015). *Writing Self, Writing Empire: Chander Bhan Brahman and the Cultural World of the Indo-Persian State Secretary*. Oakland: University of California Press.
- Koch, E. (1997). "The Mughal Waterfront Garden" in *Attilio Petruccioli, Gardens in the Times of Great Muslim Empires*. Leiden, New York: E. J. Brill.

- Koch, E. (2001). *Mughal Art and Imperial Ideology*. New Delhi: Oxford University Press.
- Koch, E. (2006). *The Complete Taj Mahal and the Riverfront Gardens of Agra*. London: Thames & Hudson.
- Koch, E. (2007). Middle East Garden Traditions: Unity and Diversity: Questions, Methods and Resources in a Multicultural Perspective, Michael Conan (ed), Volume 31, *Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture. My Garden Is Hindustan: The Mughal Padshah's Realization of a Political Metaphor*.
- Koch, E. (2009). Jahangir as Francis Bacon's Ideal of the King as an Observer and Investigator of Nature. *Journal of Royal Asiatic Society*, 19(3), 293-338
<https://doi.org/10.1017/S1356186309009699>.
- Kumboh, M. S. (1959). *Shahjahanama, also known as Amal i Salih*. Lahore.
- Lahori, A. H. (1868). *Badshahnama* (Vol. II). (M. K. Ahmad, & M. A. Rahim, Eds.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Lefevre, C. (2007). Recovering a Missing Voice from Mughal India: The Imperial Discourse of Jahangir (r. 1605–1627) in his Memoirs. *Journal of Economic and Social History of the Orient*, 50(4), 452-489.
- Majma' ul Afkar. (n.d.). Khudabakhsh Oriental Library. *ms, HL 840*.
- Mattoo, A. M. (1988). *Kashmir under the Mughals 1586–1752*. Srinagar.
- Moin, A. A. (2012). *The Millennial Sovereign*. NYC: Columbia University Press.
- Mottahedeh, R. P. (1997). Ajaib in the Thousand and One Nights. In R. G. Hovannisian, & G. Sabagh (Eds.), *The Thousand and One Nights in Arabic Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parmu, R. K. (1969). *History of Muslim Rule in Kashmir*. Delhi.
- Prasad, I. (1956). *Life and Times of Humayun*. Calcutta.
- Rogers, A. (2003). *The Tuzuk i Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. (H. Beveridge, Ed.) New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers.
- Ruggles, D. F. (2008). *Islamic Gardens and Landscapes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sachau, E. C. (Ed.). (2003). *Al Beruni's India*. New Delhi: Indialog Publications.
- Shahbadi, M. M. (1974). *Raj Tarangini [Tarikh i Kashmir]*. (S. Afaqi, Ed.) Rawalpindi.
- Shirazi, U. (n.d.). *Kulliyat Urfi Shirazi, (ed), Jawahari, Kitabkhana e Shinasi*.

- Shulman, D. (2013). Preface: Kalhana's Rajatarangini: What Is It? *Indian Economic and Social History Review*, 50(2).
- Sufi, G. M. (1996). *Kashir, Being a History of Kashmīr from the Earliest Times to Our Own*. New Delhi.
- Tikku, G. L. (1971). *Persian Poetry in Kashmir 1339–1846: An Introduction*. Los Angeles: University of California Press.
- Villiers-Stuart, C. M. (1913). *The Gardens of the Great Mughals*. London.
- Zadeh, T. (2010). The Wiles of Creation: Philosophy, Fiction and the 'Aja'ib Tradition. *Middle Eastern Literatures*, 13(1), 527-556
<https://doi.org/10.1080/14752620903566095>.
- Zaki, M. (Ed.). (2009). *Arab Accounts of India (During the Fourteenth Century)*. Delhi.
- Zutshi, C. (2014). *Kashmir's Contested Pasts: Narratives, Sacred Geographies and the Historical Imagination*. Delhi: Oxford University Press.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ФРОНТИРА: АНАЛИЗ ДВУХ КЕЙСОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИЛЕЗИИ¹

Горецкий Пётр (а)

(а) Департамент Истории, Университет Калифорнии, Риверсайд, 6609 Humanities and Social Sciences, США. E-mail: gorecki@ucr.edu

Аннотация

Статья представляет собой дальнейшие попытки автора определить место средневековой Польши (и ее конкретных местностей, особенно Силезии) в концептуальном контексте Европы и ее основных частей – прежде всего, Восточно-Центральной (в последнее время называемой просто Центральной) Европы. Цель данной работы состоит в том, чтобы определить различные аспекты, в которых Польша, а также входящие в ее состав территории и местные районы могут пониматься как часть «фронтيرا». В 2008 г. теоретическая конструкция «фронтир» была неоднозначной – и, на мой взгляд, остается таковой и сегодня. На определенном уровне, весь этот макрорегион Европы рассматривается как часть большой европейской «фронтальной» зоны, периферийной к более раннему и старому европейскому «центру». Конкретные места внутри макрорегиона представляют собой комплекс более локализованных «центров» и «их собственных фронтиров». На местном уровне «фронтир» – это местность, характеризующаяся весьма специфическими явлениями, такими, как система власти, колонизация, землепользование, а также связанные с ними конфликты и травмы. Два кейса из Силезии XIII в. – конфликт из-за доходов от десятины между герцогом Генрихом I и епископом Вроцлавским Лаврентием и эпизоды расширения поселений и господства в Генриковском регионе – служат примером в этих разнообразных, многослойных значениях средневекового «фронтiera».

Ключевые слова

Польша, Силезия, средневековый фронтир, крестьяне, споры, десятина, поселения, колонизация, Генриков, Генриковский монастырь, Генриковская летопись, Вроцлавское епископство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Более ранние версии этой статьи были представлены в виде доклада на Annual Meeting of the Medieval Academy of America, Vancouver, April 3-5, 2008, а затем в виде публичной лекции на кафедре Истории Средних веков Центрально-Европейского Университета, Будапешт, апрель 17, 2008. Мы выражаем глубокую признательность всем, кто участвовал в этой дискуссии, но особую благодарность Janos Bak, Patrick Geary, Anthony Perron, and Paul Knoll. Печатная версия этой статьи впервые появилась в журнале *Russian History/Histoire Russe*, 35, Nos. 3-4 (Fall-Winter 2008), pp. 463-478. Мы особо благодарны издательству Brill Publishing за разрешение опубликовать русский перевод этой статьи в нашем журнале.

В начале марта 1226 года папа Гонорий III отправил письмо трем прелатам с поручением разрешить спор между князем Генрихом Бородатым Силезским и епископом Лаврентием из Вроцлава, епархии, включающей это княжество (Appelt, 1968–71, p. 191)¹. Все прелаты находились в Мейсенской епархии и графстве Марчер, расположенном к западу от Силезии. Двое были цистерцианскими аббатами, третий – настоятелем мейсенского собора.

Заявителем был князь. Суть жалобы заключалась в том, что епископ Лаврентий за последние десять лет изменил оценку десятины, уплаченную жителями Силезии. Год спустя судейский представитель² опубликовал обстоятельный отчет о компромиссном урегулировании этого спора (Appelt, 1968–71, no. 281, p. 207).

Жалоба князя Генриха касалась трех вопросов. Во-первых, «под предлогом пересмотра десятины» епископ добивался «взысканий, противоречащих обычаям земли, соблюдаемым соседними епископами», то есть нарушения местного законного, давно укоренившегося стандарта (no. 261, p. 191)³. Во-вторых, новые требования изменили обязательства, которые были оправданно возложены предшествующими епископами Вроцлава на несколько конкретных категорий людей, определяемых главным образом с точки зрения подчинения княжеской власти (Górecki, 1992, pp. 23–26, 75–101)⁴. Предшественники Лаврентия:

¹ Об этом конфликте см.: (Górecki, 1993, pp. 1–3, 97–102, 104–105, 121–123). Три прелата были назначены судьями-делегатами, то есть судебными представителями папы, обладающими властью разрешать церковный спор; См: (James, 1995, pp. 127–28, 139) (Morris, 1989, pp. 573–575) (Sweeney, 1989, pp. 26–52)

² Судейский делегат (лат. «iudices delegati») – специальный представитель папы, направленный для решения спора. Институт судейских делегатов появился в XII в. при папе Пасхалии II. (прим. переводчика).

³ "gravat indebitis exactionibus nomine decimarum contra terre consuetudinem quam observant episcopi convicini".

⁴ Несколько кратких замечаний здесь об этом населении, предназначенных специально для тех читателей журнала, которые, вероятно, знакомы с (возможными) аналогами этих категорий жителей Киевской Руси. Во-первых, за одним исключением, названия этих групп, отмеченные ниже, не могут быть переведены на русский язык. Этим исключением является переводимое на русский язык латинское слово *aratores* – «пахари». Этот перевод не является проблематичным в семантическом смысле: мы можем не знать о том, кто были араторы, об особенностях их деятельности или статуса и тому подобное, но мы знаем, что слово «аратор» вполне можно перевести как «пахарь относительно всех остальных названий на разговорном славянском наречии XII–XIII вв.. мы можем делать более или менее спекулятивные предположения об их возможных значениях или семантических производных таких слов. Например, *popraźnicy*, по-видимому, восходит к польскому слову, обозначающему сжигание, *strózones* – к польскому слову, обозначающему охрану, но построение доказательств на таких ассоциациях широко признано неадекватным и ненадежным; поэтому альтернативные способы анализа возможных значений обсуждаются авторами, приведенными ниже в п. 18. Одна из тем моей собственной ранней работы заключалась в том, чтобы выявить значения этих (и подобных) классификаций раннего польского сельского населения путем сравнения названий групп, применяемых ими для обозначения друг друга. См.: (Górecki, 1992, pp. 23–26, 75–101)

*полностью освободили от десятины некоторых рабов того же самого князя [servi eiusdem ducis], обычно называемых smardi, и получили несколько ... рабов этого состояния, [вместе] с определенным имуществом, в качестве компенсации за [упущенную] десятину; [все же]... епископ, тем не менее, требует и получает десятину от них, против справедливости, и создает трудности и неудобства для [князя] и его [народа] [sibi et suis]*¹ (Appelt, 1968–71, no. 261, p. 191).

В своем документе, опубликованном в следующем году, судейский представитель добавил, что в их случае, даже без намека на то, что это было законно, «в результате злоупотребления вредным и древним обычаем некоторые люди [*homines*], обычно называемые *smardones*, *lazęki*, *strózones*, *poprażnicy* [и] пахари [*aratores*], не платили десятину» при предшественниках Лаврентия² (no. 281 (1227), 207).

В-третьих, новые оценки оказали негативное демографическое воздействие. Они (якобы) препятствовали ожидаемому и продолжающемуся урегулированию. Епископ «так огорчил людей [*homines*], желавших заселить леса и другие необработанные места на границах княжества и возделывать их, что они с неохотой селятся и возделывают эти места». Более того: «из-за трудностей, выпавших на их долю, те [поселенцы], которые уже пришли возделывать [эти места], уезжают и переселяются в другие районы». Эти демографические результаты привели «к значительному ущербу князя, потому что, в результате, сами места остаются пустынными ... границы его княжества оказываются заняты, и иногда возникают серьезные конфликты между ним и соседней знатью, на земли которых переселились его поселенцы [*eius coloni*]»³ (no. 261 (1226), 191).

¹ "[P]redecessores episcopi memorati quibusdam servis eiusdem ducis qui smardi wlgariter appellantur decimas omnino reimserint decimarum recompensatione receptis, dictus episcopus nichilominus ab eis decimas contra iusticiam exigit et extorqueat alias multipliciter existens sibi et suis difficilis et molestus".

² "ex abusu prave consuetudinis et antiquate quidam homines wlgariter appellati smardones, lazaky, strozones, popraznici, aratores decimam non solvent".

³ "homines volentes in sui ducatus finibus nemora et alia loca inculta inhabitare ac deducere ad culturam adeo agravat ... quod non solum ad incolenda et excolenda loca ipsa dubitant convenire, verum etiam hii qui ex hiis ad aliqua iam convenerant excolenda ea propter difficultates quas eis ingerit deserentes ad alias se transferunt regiones in ipsius ducis non modicum detrimentum cum per hoc non solum loca ipsa deserta remaneant, sed etiam ducatus sui termini occupantur et inter ipsum et vicinos nobiles ad quorum terras eius coloni se transferunt graves interdium discordie oriantur".

Компромисс, достигнутый год спустя, повлек за собой крупные уступки со стороны епископа и со стороны князя, а также разработку подробной схемы уплаты десятины. Судейский представитель изложил эти результаты в трех отдельных пространных положениях.

Во-первых, епископ Лаврентий «обещал ... не требовать в будущем десятины от каштеляний Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец и Влень, кроме тех, которые до сих пор обыкновенно платили жители этих каштеляний»¹ (no. 281 (1227), 207). Судьи использовали эти пять населенных пунктов в качестве образца для краткого исследования, распределив соответствующее население по нескольким критериям:

От Кросно [десятина будет состоять] из трех мер [зерна, причитающегося] от [каждого] гайда [mansus]; и это у германцев. А поляки заплатят, как платили до сих пор. Из Бытома люди князя [homines ducis]... будут платить медом, как [они платили] до сих пор. Свободные [люди] и евреи, где бы они ни пахали [землю]... в каштелянии Бытома платят десятину в полном объеме. Из Жаганы и Болеславца церковь будет довольствоваться мёдом, [и] из Вленя – беличьими шкурками² (no. 281 (1227), 207).

Во-вторых, князь Генрих, со своей стороны, уступил епископу обязанности, которых он добивался от перечисленных категорий «людей» [homines]: *smardones, łazęki, strózones, poprażnicy* и пахарей. Это население он «принудил» «властью [своего] правления [potestate principatus]» к полной уплате десятины во благо мира [pro bono pacis]»³ (no. 281 (1227), 207).

В-третьих, три судьи изложили этот подробный план практики десятины. Вот оно, во всей его полноте:

Везде, где можно поселиться в лесу [ubicumque silva locata fuerit], между границами Госьтеня и границами Отмухува, [серебряный] феертон должен быть оплачен [десятиной] от [каждого] надела [mansus], и церковь должна быть довольна

¹ "episcopus ... non alias decimas de castellaturis ... Crosten, Bytom, Zagan, Bolezlauech, Wlen se de cetero promisit petiturum quam hucusque homines illarum castellaturarum solvere consueverunt".

² "De Crosten tres mensuras se manso et hoc in Teutonicis, Poloni vero solvant sicut hactenus solverunt. De Bytom nomine decime ab hominibus ducis mel solveretur sicut hucusque. Liberi ... et Iudei ubicumque in ... Bytomiensis castellatura araverint decimam solvent ex integro. De Zagan et Bolezlauech nomine decime etiam contenta erit ecclesia, de Wlen cuticulis asperiolinis".

³ "prefatus dux ad plenam solutionem decimarum pro bono pacis ipsos astrinxit potestate principatus".

этим. [От этого обязательства] освобождается [каждый] шестой надел, принадлежащий собственнику [locator¹]. ... Если какие-либо наделы из ... наделов локатора отходят от него путем продажи, подарка или какого-либо другого отчуждения: если кто-либо из владельцев недвижимости [domines fundi], которым [отчужденные наделы] начисляются, желает сделать их [отчужденные наделы] арендуемыми для себя, они [отчужденные наделы] должны заплатить фиертон [епископальной] церкви [Вроцлава], как и другие [устоявшиеся наделы]² (по. 281 (1227), 207).

Здесь два населенных пункта, Госьтень и Отмухув, не выделенные в указанном выше обследовании, в рамках которого обговаривались конкретные категории людей, а указывают регион, характеризующийся особым видом учета пахотных земель – наделов [mansii], объединенных в шестерки, – и соответствующий способ учета обязательств. Из наделов, каждый шестой принадлежит локатору – управляющему поселения, который пользуется свободой от уплаты налога на надел: десятины. Земельные единицы, оцениваемые таким образом, считаются находящимися под управлением лорда, то есть представляют собой имущество (fundi) конкретных лордов (domini). Итак, эта схема является очень показательной, на самом деле, это обычное, стандартизированное повторение планов и фактической практики немецкой колонизации в княжествах Пяста, которая начиналась в Силезии, хотя и в небольшом количестве в этом же десятилетии и которая непрерывно нарастала после этого на протяжении долгого XIII в. (Górecki, 1993, pp. 99, 102–04) (1992, pp. 193–194, 199–202, 212–221, 237–242) (2007, pp. 47–50).

Эти два документа интересны по нескольким причинам. И в том, и в другом документе подробно говорится о населении, сильно различающемся по статусу, этнической принадлежности и подчинению лордам. Кроме того, последний документ отражает еще одно различие, а именно, доходы, с которых причиталась десятина, и единицы (земли), на которые начислялась десятина. Все это указывает нам на более широкий предмет, лежащий в основе экономики,

¹ Locator, т.е. непосредственный владелец надела, который потом сдает его в аренду. (Прим. переводчика)

² «A terminis ... Gostensibus usque ad terminos Othomochouiensis ubicumque solva locata fuerit fertio de manso solvetur, et hoc contenta erit ecclesia excepto sexto manso vel ampliori qui cesserit locatori. ... [S]i aliqui mansi de dictis mansis locatoris vendicione, donatione vel aliqua alia alienatione a locatore recesserint ad quemcumque dominorum fundi devenerint, si eos censuales sibi facere voluerit solvant ecclesie fiertonem sicut ceteri».

социальной структуры и господства, симптомами которых являются, в некотором смысле, эти классификации. Не менее важно и то, что оформление этого конфликта, в котором в конечном итоге участвовала и папская канцелярия, лежащие в его основе предубеждения о польской практике, касающейся десятины, и особенностей ее разрешения, включая выбор для этой цели самих судебных представителей, – все это аспекты одного сложного примера действия средневекового канонического права. Я анализировал эти темы в предыдущей работе и использовал для этого эти два документа (1992, pp. 101–105, 107–108) (1993, pp. 99, 102–04). Теперь позвольте мне перейти к другой теме, поднятой этими двумя записями: средневековый фронтир (Bartlett & MacKay, 1989) (Abulafia & Berend, 2002) (Curta, 2005) (Górecki, 2007, pp. 2–3, 7).

По крайней мере, с тех пор, как Арчибальд Льюис обратился к этой теме более полвека назад, восток Центральной Европы рассматривался, прежде всего, как фрагмент «фронтира», опоясывающего континент (1958) (Burns, 1989) (Górecki, 2003). С помощью своего рода дедукции этот взгляд был применен к отдельным регионам и местностям в пределах данного макрорегиона. В результате, когда эта часть континента концептуализируется как «фронтир», она обычно рассматривается как монолитная и как подлежащая «закрытию», понимаемому с точки зрения переноса – населения, методов, институтов и культуры – из одного или нескольких европейских «центров» в этот макрорегион в целом и в его составные части. Но когда, в качестве отправной точки, «фронтир» Европы рассматривается с точки зрения этих составных частей, этот «фронтир», как явление, начинает выглядеть совершенно иначе. Отдельные места, области и местности не являются прямыми гомологами или микрокосмами какой-либо одной, очень крупномасштабной модели «фронтира» или его «закрытию» и т. п.. Наши два документа помогают нам уточнить значения средневекового фронтира с более локализованной и текстурированной точки зрения.

Но вернемся к той сетке из пяти «каштеляний», в которой судьи разместили затрагиваемое население. Все пространственные точки отсчета, используемые судьями – Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец, Влень, Госьтень и Отмухув – были сегментами фронтальной зоны Силезии. Пять «каштеляний» включали в себя, приблизительно по прямой линии север-юг, дальний западный край провинции; в то время как Госьтень и Отмухув составляли ось восток-запад вдоль сопоставимой зоны на юге (Kondracki, 1998, pp. 125, 148, 151, 156, 163, 167, 170–171, 177, 220–222, 225–226) (Górecki, 2007a, pp. 261–263

(maps 2–4)). Поэтому все сельские жители, которым епископ Лаврентий делал уступку, находились именно на границе Силезии. Вместе они составляли, о чем свидетельствуют их индивидуальные категории, население, «желающее жить в лесах и других необработанных местах» Силезии, но неспособное сделать это.

Дальний западный край Силезии, определяемый пятью «каштеляниями» – Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец и Влень, – сам по себе представлял собой восточную часть более широкой зоны, протянувшейся с севера на юг и отделявшей две политики от относительно новых, находящихся под немецким господством владений, графств и епископств, расположенных к западу. Одним из них был Мейсен. Мейсен был местом и церковной вотчиной, откуда папа Гонорий набрал своих трех судейских представителей, которые впоследствии разрешили конфликт, как он и повелевал. Со своей стороны, епископ Лаврентий, вероятно, пытался внедрить в какой-то общий канонический стандарт законной практики десятины в период Четвертого Латеранского Собора (Górecki, 1993, pp. 7. 17–18, 53, 55, 93, 105–106, 112, 116)¹. Этот экуменический стандарт противоречил другому, хотя и не менее законному, а именно «обычаю страны, соблюдаемому соседними епископами» – предположительно, соратниками Лаврентия – суффраганами архиепископа Гнезнского².

Здесь мы имеем несколько совершенно различных, но точных значений фронта в региональном и локальном контексте: во-первых, это конкретная физическая территория, разделяющая политические единицы, составляющие (небольшую часть) Восточной Центральной Европы; во-вторых (когда мы радикально меняем геополитическую перспективу), это отдаленное пространство, в котором епископ Рима имел в своем распоряжении церковный персонал с целью распространения своего влияния еще дальше через это пространство и за его пределы; в-третьих, это местность для потенциального распространения нормативных, экуменических практик десятины – особенно установленная в самом этом пространстве одним из его епископов; и, в-четвертых, местность, где эта практика встретила успешное сопротивление, со ссылкой на другой, локально законный стандарт.

¹ Описание других примеров долгосрочного влияния Совета в других областях см.: (Jurek, 2009, p. 83).

² Архиепископство Гнезненское – старейшая католическая митрополия Польши. Была образована в 1000 г. и играла большую роль в истории страны. В этот период архиепископом Гнезским был Винцентий (1220–1232), назначению которого на пост архиепископа способствовал епископ Лаврентий и князь Генрих I Бородатый, хотя Рим был против этого назначения. (Прим. редактора)

Теперь вернемся к предполагаемому демографическому воздействию требований Лаврентия. Это воздействие проявлялось в нескольких направлениях, которые можно, по крайней мере аналитически, представить, как деятельность, направленную на трансформацию пространства. Как было показано, пункты назначения этих миграций представляли собой фронт в разных специфических смыслах этого слова. Во-первых, все они существовали в пределах одной большой зоны, которая, как мы видели, занимала самую западную часть княжества и епархии. Во-вторых, пункты назначения, в совокупности, были пространством, где ожидаемая миграция либо никогда не осуществилась, либо где-то она произошла, но впоследствии эти районы были оставлены. Но, возможно, самым интересным результатом является предполагаемое воздействие этой миграции, поскольку она переместилась в конечный пункт назначения – и конечную точку фронта – в те «другие регионы», куда «переселяются» пострадавшие поселенцы. Эти «другие районы» были явно расположены на краю или границах княжества Генриха: «в результате» этой конкретной миграции «границы княжества [Генриха] оказались заняты».

Здесь демографические последствия изображаются не как отсутствие или оставление поселений, а, наоборот, как своего рода перенаселенность. Этот избыток людей, очевидно, связан с властью: «Иногда возникают серьезные конфликты» между князем Генрихом и соседними феодалами, «на земли которых переселились поселенцы князя». Как уже говорилось, комплексная история миграции в буквальном смысле заканчивается на фронтире, понимаемом еще в другом смысле: внешний край эффективной княжеской власти, местность соперничества господства и зона расселения этого вездесущего мигрирующего населения, находящихся под властью «соседних феодалов».

Что касается сельского населения, то князь Генрих решительно и успешно сопротивлялся новым оценкам десятины епископа Лаврентия. Таким образом, как позднее сообщал Петр¹, Генрих был озабочен содействием миграции и новым поселениям в периферийных районах своего княжества. В целом колонизирующее население состояло из «свободных людей», «поляков», «немцев», «евреев», *локаторов* и, в более общих терминах, «поселенцев князя» или его «людей». В противоположность этому, те несколько категорий жителей, которых князь «принудил» к «полной уплате десятины» – и в отношении которых он присоединился к требованиям епископа –

¹ Автор «Генриковской книги» (прем. переводчика).

smardi, lazęki, strózones, poprażnicy, и «пахари», названные так по крайней мере в этих документах, – они не размещаются нигде конкретно: ни на краю герцогства, ни в его центре или в каких-то определенных местах. Колонизация выступает в качестве одного из критериев относительной важности – по крайней мере, с точки зрения князя – различных типов сельского населения, которые, как на снимке, «зафиксированы» для нас в 1226–27 гг..

Мы не располагаем точными знаниями и равнозначной информацией о значимости или особой важности отдельных категорий жителей, вошедших в оба этих списка¹. Одной из проблем является критическая неполнота документации. Например, дразнящее упоминание о «евреях», «пашущих землю», как об одном из колонизирующих народов, является, к сожалению, единственным упоминанием в документах о еврейских крестьянах, известное мне по княжествам Пястов (Gieysztor, 1986, pp. 15–21) (Wyrozumski, 1993, pp. 15, n. 10) (Górecki, 1993, pp. 99, 102). Сельское население, определяемое как «свободное» (*liberi*), используемое в качестве существительного, а не прилагательного, в значении «свободные люди», встречается в польских свидетельствах, но главным образом за пределами Силезии и, таким образом, за пределами правдоподобного объема представленных замечаний (Górecki, 1992, pp. 79, 102–103, 128–129, 140–141, 144, 154, 164, 166–170, 172–176, 180–181, 186–187). И так далее: та же проблема повторяется с другими категориями жителей, «зафиксированных» для нас, хотя бы вкратце, в этих записях.

Это подводит меня к «полякам» и «немцам», которые тоже появляются в 1227 г. среди крестьян-колонистов. По известным причинам, в течение долгого XIII в. «немцы» (*Teutonici*) стали самой важной колонизирующей группой в княжествах Пястов, особенно в Силезии. Но начиная с 1226 или 1227 г. этот исход не был столь уж неизбежен. Тем не менее, даже в этот ранний момент, немцы выделяются и становятся отличительными и важными элементом среди большего числа поселенцев двумя способами. Они упоминаются дважды: в каштелянии Кросно; и между Отмухувым и

¹ Общая и конкретная информация по этим группам излагается в: (Tymieniecki, 1959) (Buczek, 1974) (1975) (Tymieniecki, 1967) (1956) (Modzelewski, 1964) (1987, pp. 99–121, 207–230) (2000, pp. 118–128, 130–133, 136–147, 152–178, and the map supplement) (Górecki, 1992, pp. 3, 23–25, 67–108) (2007b, pp. 266–271) (2007, pp. 38–39, 44–46) (Curta, 2009, pp. 30–41). Одна из групп, *smardowie*, возможно, на уровне этимологии, схожа со смердами Руси, но трудно соотнести сходство этого слова с реалиями статуса и социального положения двух групп, обозначенных этим словом в документах. О трактовке другой Киевской кальки польской сельской категории такого рода – *czeladź* – см: (Свердлов, 1971, стр. 53–58).

Гошцинем. В этом последнем районе они представляли особую, эксклюзивную схему колонизации.

С другой стороны, что второе, менее важное население определяется, прежде всего, как подданное княжеской власти. Это особенно ярко выражено в отношении *смардов* – в документе их называют «рабами» князя – но это также является общей идентификацией совокупности групп, поскольку эти коллективные жертвы новых требований епископа Лаврентия идентифицируются как князь «и его [люди]» – *sui* – которые также, иначе называются *ego homines*, то есть людьми князя. Таким образом, это сельское население, наиболее четко определяемое как подданные княжеской власти – «люди» князя нескольких видов – вытесняется, с точки зрения князя, другим сельским населением, наиболее четко определяемым как недавние поселенцы и переселенцы.

На основании этих двух документов трудно соотнести фактическое население, перечисленное делегатом судей, – «немцев», «поляков», «свободных», «людей герцога», «евреев» – со множественностью значений или аспектов «фронта». Это один из тех моментов, когда эти значительные дедуктивные объяснения, которыми в конечном счете мы обязаны Арчибальду Льюису, пригодятся нам. Например, учитывая хорошо задокументированную миграцию немцев в княжества Пястов (и прежде всего в Силезию) в течение десятилетий после этого спора, мы могли бы легко предположить, что группа, особенно активная во внутренних миграциях, на которую жаловался князь Генрих, была «немцами». Если это так, то миграция немцев помещает этот спор в рамки «колонизации» европейских «фронтиров» несколькими «диаспорами», переселяющимися (прямо или в конечном счете) из какого-либо «основного» района или районов за его пределы¹.

Однако, на мой взгляд, такая широкая точка зрения, как правило, аксиоматически оставляет за кадром как ценные доказательства, так и альтернативные варианты объяснений. Проще говоря, нет никаких оснований предполагать, что по состоянию на 1226 или 1227 год категории населения, перечисленные вместе с немцами, не были (или, если на то пошло, они были) участниками демографической и политической динамики, на которую жаловался князь Генрих. Совсем другой источник передает нам несколько ярких образов именно таких

¹ Хотя его идеи несколько отличались от наших, но что касается «аристократии», моя концепция диаспоры напрямую восходит к (Bartlett, 1993, pp. 24–59). Большой вклад в проблему разовой «аристократической» миграции (в Барлеттовском смысле) можно встретить в (Jurek, 1998), обзор этой работы см. (Górecki, 2001, pp. 1059–1062).

отношений. Этим источником является нарративная история создания и обустройства цистерцианского монастыря в Генрикове, примерно в сорока километрах к югу от Вроцлава, составленная в 1268 г. или чуть позднее Петром – третьим настоятелем монастыря, незадолго до того ушедшим в отставку (Grodecki, 1949)¹. Еще будучи молодым монахом, Петр принимал участие в основании монастыря в 1227 году, но в некоторых частях своей истории он обращается к временам на несколько поколений отстоящим от до этой даты – вполне возможно, что даже к событиям, происшедшим в XII в., чтобы рассказать своим монахам историю этого места, людей и поселения в период трансформации. В этих разделах пред нами предстает локальный мир миграций, переселений и власти, что дает нам возможность более точно определить значение термина «фронтир».

Этот локальный мир занимал относительно узкое пространство, на самой границе территории, протянувшись на пятьдесят километров вдоль оси северо-восток – юго-запад. По состоянию на 1268 год конечными точками этой оси были два названных места: Генриков, расположенный на северо-востоке, и Шёнвальд, расположенный на юго-западе (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 118–121, 138–147) (Górecki, 2007a, pp. 101–105, 128–139, 263–264 (maps 4–5)). Генриков являлся фактическим местом монастыря. В течение своей долгой истории, поведанной нам Петром, Генриков был превращен, как выразился Петр, в единую «территорию» (или «надлежащее наследство») путем объединения более ранних, меньших владений (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 117–120) (Górecki, 1983, pp. 19–26) (1998, pp. 143–146). До этого объединения в этих владениях жило польское сельское население – местные крестьяне, проживавшие в различного типа поселениях – от деревень до (возможно) одиночных домохозяйств. Главное поселение существовало с самого раннего периода, до которого простиралась память аббата Петра. К началу 1220-х гг. значительная часть его населения потеряла землю, что позволило объединить Генриков в единое поместье.

В противоположность этому, в течение того же периода, пространство, которое впоследствии стало Шёнвальдом, было фронтирной зоной, простирающейся до «горной» области (*montana*) в предгорьях Судет – «Чешского леса», отделяющего Силезию от Богемии и возвышенности, называемой «Чешскими горами»; и одного

¹ Перепечатана с новым дополнительным введением под названием *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska* [The *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, or the Henryków Book*], (Matuszewski & Matuszewski, 1991). На английском см.: (Górecki, 2007a, стр. 91–202). Интересные дополнения можно найти в серии исследований (Grüger, 1978a) (1978b) (1977); более подробно см.: (Górecki, 2007).

участка *przesieka* – пояса леса, намеренно оставленного князьями Силезии в качестве вытянутой пограничной линии их княжества (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 138–147) (Górecki, 2007a, pp. 7, 67–68) (Kuhn, 1971, pp. 32–66). Между 1243 годом и временем аббатства Петра Шёнвальд и близлежащая горная местность привлекли интенсивное новое немецкое переселение, хотя если брать более ранний период его истории, здесь между 1221 и 1227 гг, по воспоминаниям Петра, жил лишь один единственный немецкий поселенец (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 134, 139, 147–148) (Górecki, 2007a, pp. 123–124, 129, 139–140, 222–223) (1998, pp. 142–145) (1993, p. 103) (1992, pp. 212–217). Таким образом, совершенно поразителен контраст в описании аббатом Петром двух географических пределов его локального мира: старого и относительно многочисленного польского поселения на северо-востоке и нового относительно разрозненного населения на юго-западе.

Я подчеркиваю слово «относительно», потому что Петр изобразил оба предела этого пространства – подчеркнуто включая его старую, давно заселенную – на тот момент – польскую часть, во всю оставшуюся лесистую и малонаселенную зону (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 120, 134, 144–147). Кроме этого, весь регион был местом для новых переселений, активно поддерживаемых князем Генрихом Бородатым, а до него – его отцом Болеславом Долговязым. Эти два «древних князя» «распределяли владения» (или «поместья») между «знатными и посредственными», а также и «крестьянами» (1991, pp. 134, 147). Эти общие утверждения трудно привязать к определенному пространству. В некоторых местах они, по-видимому, относятся ко всей Силезии; в других местах Пётр ссылается, более точно, на «район» или, альтернативно, «округ», «здесь» или на «территорию», включающую Генриков, и тому подобное. Как бы то ни было, Петр представляет место будущего монастыря и принадлежащие ему земли в терминах, соответствующих демографическим предположениям, изложенным в письме Гонория III от 1226 года. Пётр связал эти обобщения с десятками историй о конкретных местах и отдельных действующих лицах. Среди этого материала особенно интересны три примера, или три кейса. Два из них начались рано; во время правления Болеслава Долговязого, произошло то, что впоследствии стало «территорией» Генриков. Третий кейс имел место позже, при Генрихе Бородатом, в будущем Шёнвальде. Первыми двумя поселенцами были славяне по имени Богухвал (Boguchwał) и Гломб (Głomb); третьим был немец-одиночка по

имени Менольд (1991, pp. 134, 139, 147–148) (Górecki, 2007a, pp. 123–124, 129, 139–140, 222–223) (1998, pp. 142–145) (1993, p. 103) (1992, pp. 212–217). «[К]огда князья ... Силезии раздавали наследства и поместья во многих местах знатным и посредственным», там жил «некий чех по имени Богухвал», который «служил ... князю Болеславу», и кому «этот князь дал ... достаточно земли для четырех волов»¹ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 147). Таким же образом: «[в] те дни, когда ... князь Болеслав ... раздавал землю крестьянам в разных местах, он дал лес одному своему крестьянину по имени Гломб»² (1991, p. 134). Чуть позже Генрих Бородатый, выбрав участок леса, расположенный «у подножья Чешской горы», решил «основать там деревню» и поручил эту задачу «Менольду, первому управляющему деревни», который, после этого «управлял этой деревней [*regebat hanc villicationem*] под властью князя» (1991, p. 139). Петр классифицировал этих троих по различным критериям. Он помнил статус Гломба как «собственного крестьянина» князя (*rusticus suus proprius*), и как еще одного «крестьянина», завербованного Болеславом – факт, подтвержденный рассказами Петра о других лицах, все с польскими именами, которые разделяли с Гломбом статус «княжеских крестьян»³ (1991, pp. 119–120). Богухвал, напротив, отмечен как «чех» (*Bohemus*) – несколько расплывчатый термин, так как может указывать в разных комбинациях на место происхождения, язык и этническую принадлежность⁴, и как «служивший» князю и получивший пашню, в некотором смысле, в связи с этой «службой». Менольд описан со ссылкой на управление – как «первый староста

¹ "[I]n diebus antiquis cum domini ... Silensiensis provincie duces diversis in locis nobilibus et mediocribus hereditates et predia distribuerent, erat quidam Boemus nomine Bogvalus. Hic servivit ... duci Bolezlao antiquo.... Hic idem dux dedit ... Bogwalo de terra ad quatuor boves".

² "[I]n diebus illis cum ... dux antiquus Bolezlao ... diversis in locis suis rusticis terram distribueret, dedit ... silvam cuidam rustico suo proprio Glambo nomine".

³ Истории других личностей – Żuk, Krzepisz, и Kołacz – см. (Górecki, 1983, pp. 21, 24–25) (1998, pp. 141–142).

⁴ О значениях понятия *Bohemus* см. (Jurek, 1998, pp. 14, 211, 315). С этой точки зрения, Юрек имплицитно поднимает некоторые более глубокие проблемы классификаций такого рода – поляки, богемцы, тевтонцы, иудеи. Но в нашем случае возникает дополнительный вопрос о том, могут ли вообще такие категории, выраженные на латыни XII - XIII вв., быть осмысленно описаны как «этнические» на современном языке? Моё понимание, исходя из польских свидетельств, заключается в том, что в одном смысле этого слова ответ утвердительный, и поэтому я использую его здесь. Что бы они ни имели в виду, такие классификации, используемые в свидетельствах, ясно различают то, что их пользователи считали разными народами; таким образом, они относятся к «народу», этносу в точном смысле этого слова. Критерии, лежащие в основе этой классификации, как они использовались в историческом прошлом или историками, – критерии, охватывающие язык, идеи общего происхождения, такие признаки, как одежда или причёска, сознательное чувство идентичности и тому подобное, – могут быть текучими, спорными и крайне неустойчивыми, но этот факт не делает саму классификацию – ни тогда, ни сегодня – нереальной, анахроничной или бессмысленной.

деревни» (*primus villicus*), и, опять же по отношению к князю, – как действующий «под руководством князя».

Каждое из этих трех начинаний имело свои последствия. В совокупности эти истории знакомят нас – на самом локальном (точнее, индивидуализированном) уровне – с теми переселениями, расчисткой земель, заселением, возделыванием земли и оставлением ее, которое так беспокоило князя Генриха в период 1226 г.. Что интересовало Петра в Богухвале, так это первоначальный размер и последующее расширение земель, предоставленных князем. Первоначальный дар «земли на четырех быков» говорил о богатстве одного богатого польского крестьянского хозяйства в начале XIII века (Górecki, 1992, pp. 78–80, 82–84, 93–94). Кроме того, Богухвал своевольно резко расширил это поместье. Он быстро «присвоил для себя в лесу своего округа» дополнительную площадь, протяженность которой Петр оценил, как имеющую «вполне достаточно [земли] для трех больших плугов»¹ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 147). В результате этого дополнительного захвата поместье Богухвала увеличилось примерно в семь раз². Первоначальная инициативная деятельность Богухвала была быстрым и успешным продвижением к позиции богатого землевладельца. Тем не менее, в этом качестве он был земледельцем; и его история заканчивается милой виньеткой, изображающей его и его жену, совместно перемалывающими зерно домашней ручной мельницей³ (1991, стр. 147–418) (Górecki, 2007a, стр. 139–140).

«Княжеский крестьянин» Гломб фактически расчистил, а не захватил землю. В лесу, который он получил, Гломб «был первым [человеком], кто расчистил место, которое сегодня называется Большой Луг, *Wielka Łąka* по-польски»⁴ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, стр. 134). Петр не совсем конкретен относительно фактических ресурсов, используемых Гломбом – действительно ли это был луг или он представлял собой пахотную землю? Но он оставался там, по видимому, до конца своей жизни, и в этом же месте его сменилось

¹ "Bogwal Voemus usurpavit sibi in circuito suo de nemore plenarie ad tria aratra magna".

² Эта цифра, по общему признанию, весьма гипотетична. Он основывается на двойном предположении, что площадь земли, оцениваемая в четыре быка, по крайней мере условно, эквивалентна половине площади, вспаханной одним большим (предположительно отвальным) плугом; и что два способа оценки площади земли, быки и плуги, хотя, возможно, косвенно, относятся к конкретным физическим ресурсам, в честь которых они названы. Я объясняю эти два предположения в (1992, pp. 49–50, 79–81, 84).

³ Эта знаменитая семейная сцена является эталоном для превосходного изучения «Книги», см. (Matuszewski, 1981), а также: (Stone, 1984, p. 46)

⁴ "Hic ... rusticus Glambo primo exstirpabat illum locum qui nunc dicitur Magnum Pratum, in polonico vero Vela Lanca".

одно поколение его «наследников». В последующем, третьем поколении выдающимся жителем Великого Луга был Квецик (Kwiesik) – «крестьянин», «сын сына упомянутого Гломба» и, примечательно, еще некто, кто «превзошел по силе других» жителей этого поселения¹(1991, стр. 134).

В тот период эта группа крестьян столкнулась с трудностями. Квецика и остальных «наследников ... притеснял» на Великом Лугу «дед некоего Мойко «Мojko)»² (1991, стр. 134). Петр не указывает, в чем была суть «притеснения» этого угнетателя, или потомка Мойко. Мойко служит здесь в качестве ориентира для того, чтобы пояснить, что пошло не так с поселением, основателем которого был Гломб. В следствии этого «притеснения» группа во главе с Квециком переселилась. Квецик и другие переселились на несколько километров на восток, в тот самый район, который впоследствии стал «территорией» Генрикова. «После того, как Квецик ... уехал со своими наследниками ...из Великого Луга, он основал деревню на том месте, где сегодня стоит Монастырская усадьба»³ (1991, стр. 134).

Некоторое время спустя на новом месте Квецик вновь столкнулся с ожесточенным сопротивлением. На этот раз эффект был сокрушительным. Петр вспоминал, что «в те дни, когда монастырь только что был основан», то есть между 1222 и 1228 гг., Квецик был полностью искалечен ударами меча и «чрезвычайно беден телом и вещами» (1991, стр. 134). В данном случае настоятель не приписывал насилие кому-либо конкретно, за исключением заявления, что у преступника или преступников были мечи и что он или они использовали их эффективно, чтобы полностью нарушить систему поселения. Последствия привели к длительному периоду инвалидности Квецика, длительному проживанию в монастыре и разговорам с монахами (несомненно, включая самого молодого Петра), как выразился Петр, о «древностях этого района» (Górecki, 1998, pp. 140–42, 144–145, 151). Эта долгая, заключительная фаза жизни Квецика повлекла за собой полный и окончательный отказ от деятельности, которой он и его предки занимались на протяжении многих поколений: расчистки земли, создания деревень и местного лидерства.

¹ «Inter heredes ... rustici Glambonis erat ... quidam rusticus ceteris potentia eminentior. ... Hic idem Quetick erat rusticus, filius filii prefati Glambonis».

² «Postmodum ... heredes eiusdem rustici ab avo cuiusdam Moyconis in illo loco oppressi transtulerant se ad montem ubi nunc pomerium iuxta curiam claustrum constituit».

³ «Quetick primo recedens cum suis heredibus de Magno ... Prato locavit villam ubi nunc curia claustrum constituit».

Привлечение на службу Менольда также было безуспешным – и на самом деле, закончилось довольно быстро. Петр вспомнил, что, хотя Менольд «управлял этой деревенской общиной под властью князя ... в течение шести лет, он достиг очень мало», и что вскоре после этого его участок леса вернулся к Генриху, который затем, в 1228 году, предоставил «этот лес... монастырю» (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 139). Хотя Петр не сказал, что впоследствии случилось с Менольдом, он объяснил неудачу урегулирования в некоторых деталях. Эта конкретная попытка расширения поселения была сорвана именно той сложностью, с которой Гломб и Квецик столкнулись ранее и в других местах. Он был «сильно затруднен» в своих усилиях по вербовке новых людей «отцом [и дядей] графа Петра Петровицкого»¹ (1991, p. 139).

Здесь у нас есть еще одно свидетельство сопротивления расширению поселений – в данном случае двумя лицами, которых Петр идентифицировал не по своим именам, а по происхождению какой-то более поздней, неявно знакомой фигуры – в данном случае, графа Петра. По этому поводу аббат довольно много рассказал о двух преступниках и о характере их злодеяний.

«В старину», – вспоминал он, – земля здесь, у гор, была очень лесистая и почти совсем пустынная. ... И вот предки Петра, то есть его дядя и отец, прятались в этом лесу ... как разбойники, и очень редко или никогда не появлялись перед древними князьями. Посему, они применяли насилие к соседним беднякам, в свое удовольствие, как того хотели. Да будет известно, что из-за их жестокости в свою бытность древний князь по имени «Бородатый» не смог основать в этих лесах ни одной деревни (1991, pp. 144–145)².

Петр здесь представляет сопротивление двух братьев как часть более широкой модели геополитического давления, которое, в совокупности, полностью помешало созданию здесь поселений под властью князя. Здесь мы имеем дело с размытым, систематическим, но вполне точным образом проникновения на эту территорию, включающего, с одной стороны, князя и таких людей, как Менольд, а

¹ "quia inpedebatur valde a patre comitis Petri de Petrowiz et suo fratre".

² "Diebus antiquis ... erat terra ibi circa montana valde nemorosa et ... quasi omnino deserta. Unde predecessores Petri videlicet patruus suus et pater in nemore illo latitabant quasi quidam latrunculi et rarissime vel nunquam coram antiquibus ducibus apparebant. Unde exercuerunt in pauperes circumsedentes pro placito suo violentiam sicut voluerunt. Et sciendum quod dux antiquus cognomine Barbatus non poterat in illis silvis diebus suis propter eorum violentiam aliquam villam locare".

с другой – двух злых братьев. Таким образом, юго-западный край этого вытянутого пространства, определяющего владения и интересы монастыря, оказывается фронтиром в еще одном смысле: зоной политического и демографического противостояния.

Вернемся к папскому письму 1226 года. Конечно, сцена, на которую ссылается Петр, а именно то, что подразумевается под фразой «граница княжества», «оказалась занятой». Но «занятой» кем? И в каком смысле? Ответ труден, потому что Петр представляет эту сцену совершенно несимметричным языком. Одна сторона названа, другая безымянна. Одна сторона находится в указанном физическом пространстве, а другая ассоциируется с неопределенной открытой областью. Одна сторона связана с упорядоченной последовательностью действий, а другая – с глобальным отсутствием, а на самом деле, изменением порядка. Действительно, представление Петра о двух преступниках начинается с социальной и политической перестановки, обычных отношений и моделей подчинения. Он начинает с того, что указывает на то, чем два брата на самом деле занимались, поясняя, что они «прятались» и «очень редко или никогда не появлялись перед древними князьями» – интересный пример избегания как акта власти – избегание, которое явно и с большим успехом оспаривало способность князя, особенно в этом регионе, осуществлять свою волю.

И все же, несмотря на все эти дискурсивные различия, Петр представляет двух людей, находящихся по другую сторону политической пропасти, в качестве активных агентов – активных в отношении более крупных, также неуказанных, но, очевидно, существующих групп населения. Но против кого? Наиболее очевидно, что жертвы состояли из «соседних бедняков» (*pauperes circumsedentes*); Менольда; тех, кого бы Менольд ни завербовал переселиться на то место, которое он получил, если бы не эти набеги; и других, похожих на Менольда и его последователей – тех потенциальных поселенцев, которые в отсутствие набегов переехали бы в регион под княжеским господством, основали бы «деревни», которые князь Генрих хотел «основать» там, и набрал бы своих последователей.

Как и в случае с этими несколькими группами, определенными судебскими представителями с помощью ряда привычных местных терминов, люди поселились именно под княжеским господством – как «княжеские крестьяне» или, на недавно освоенный юго-запад, как «деревенские управляющие», действующие от княжеского «имени» – условно говоря, уязвимые. Чтобы высказать это иначе, когда

повествование о будущем Шёнвальде прочитывают в обратном направлении, угадывается, как аббат Пётр заполняет его, наполняет содержанием интригующий образ сдерживания или препятствия продвижения княжества в те многолюдные «границы», где, в результате этого и возник конфликт. Это дает нам еще один, близкий и фактурный взгляд на то, что для Генриха Бородатого, епископа Лаврентия, аббата Петра и, по-видимому, для других главных героев, с которыми они были связаны, мог значить средневековый фронтир.

Список литературы

- Abulafia, D., & Berend, N. (Eds.). (2002). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices*. Aldershot: Ashgate.
- Appelt, H. (Ed.). (1968–71). *Schlesisches Urkundenbuch, vol. 1*. Graz, Vienna, and Cologne: Hermann Böhlhaus Nachf.
- Archibald, L. (1958). The Closing of the Medieval Frontier, 1250–1350. *Speculum*(33), 475–483.
- Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350*. Princeton: Princeton University Press.
- Bartlett, R., & MacKay, A. (Eds.). (1989). *Medieval Frontier Societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Buczek, K. (1974). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(40), 50–105.
- Buczek, K. (1975). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(41), 1–79.
- Burns, R. I. (1989). The Significance of the Frontier in the Middle Ages. In R. Bartlett, & A. MacKay (Eds.), *Medieval Frontier Societies* (pp. 307–330). Oxford: Clarendon Press.
- Curta, F. (2005). Introduction. In F. Curta (Ed.), *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Studies in the Early Middle Ages. V. 12* (pp. 1–9). Turnhout: Brepols.
- Curta, F. (2009). The Archaeology of Early Medieval Service Settlements in Eastern Europe. In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 30–41). London: I.B. Tauris.
- Gieysztor, A. (1986). The Beginnings of Jewish Settlement in the Polish Lands. In C. Abramsky, M. Jachimczyk, & A. Polonsky (Eds.), *The Jews in Poland* (pp. 15–21). Oxford: Basil Blackwell.
- Górecki, P. (1983). Viator to Ascriptitius: Rural Economy, Lordship, and the Origins of Serfdom in Medieval Poland. *Slavic Review*(42), 14–35.

- Górecki, P. (1992). *Economy, Society, and Lordship in Medieval Poland, 1100–1250*. New York: Holmes and Meier.
- Górecki, P. (1993). *Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland, ca. 1100–1250*, *Transactions of the American Philosophical Society* 83.2. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Górecki, P. (1998). Communities of Legal Memory in Medieval Poland, c. 1200–1240. *Journal of Medieval History*(24), 127–154.
- Górecki, P. (2001). Review: Tomasz Jurek, *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. *Speculum*(76), 1059-1062.
- Górecki, P. (2003). "Tworzenie Europy" Roberta Bartletta w kontekście anglosaskich badań historycznych nad początkami i kształtowaniem się Europy». In R. Bartlett, *Tworzenie Europy. Podbój, kolonizacja i przemiany kulturowe, 950–1350* (G. Waluga, Trans., pp. 505–515). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Górecki, P. (2007). The Henryków Book and Its Contexts. In P. Górecki, *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155* (pp. 1–90). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007a). *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007b). Medieval Peasants and their World in Polish Historiography. In I. Alfonso (Ed.), *The Rural History of Medieval European Societies: Trends and Perspectives* (pp. 253–296). Turnhout: Brepols.
- Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga henrykowska. Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow*. Poznań and Wrocław: Instytut Zachodni.
- Grüger, H. (1977). Das Patronatsrecht von Heinrichau. *Cîteaux*(28), 26–47.
- Grüger, H. (1978a). *Heinrich Grüger: Heinrichau. Geschichte eines schlesischen Zisterzienserklosters, 1227–1977*. Cologne and Vienna: Böhlau Verlag.
- Grüger, H. (1978b). Das Volkstum der Bevölkerung in den Dörfern des Zisterzienserklosters Heinrichau im mittelschlesischen Vorgebirgslande vom 13.–15. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostforschung*(27), 241–261.
- James, A. (1995). *Brundage, Medieval Canon Law*. London: Longman.
- Jurek, T. (1998). *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Jurek, T. (2009). Matrimonium sub fide Judaica contractum: Were Mixed Christian-Jewish Marriages Possible in Late Medieval Poland? In P.

- Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 82–93). London: I.B. Tauris.
- Kondracki, J. (1998). *Geografia regionalna Polski*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kuhn, W. (1971). Der Löwenberger Hag und die Besiedlung der schlesischen Grenzwälder. In W. Kuhn, *Beiträge zur schlesischen Siedlungsgeschichte* (pp. 32–66). Munich: Delp.
- Matuszewski, J. (1981). *Najstarsze polskie zdanie prozaiczne. Zdanie henrykowskie i jego tło historyczne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Matuszewski, J., & Matuszewski, J. (Ред.). (1991). *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska*. Wrocław: Muzeum Archidiecezjalne we Wrocławiu.
- Modzelewski, K. (1964). La division autarchique du travail à l'échelle d'un état. L'organisation 'ministériale' en Pologne médiévale. *Annales*(19), 1125–1138.
- Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Modzelewski, K. (2000). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego, X–XIII wiek*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Morris, C. (1989). *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. Oxford: Clarendon Press.
- Stone, G. (1984). Honorific Pronominal Address in Polish Before 1600. *Oxford Slavonic Papers*(17), 45–56.
- Sweeney, J. R. (1989). Innocent III, Canon Law, and Papal Judges Delegate in Hungary. In *Popes, Teachers, and Canon Law in the Middle Ages*, eds. Sweeney and Stanley Chodorow, foreword by Stephan Kuttner (pp. 26–52). Ithaca: Cornell University Press.
- Tymieniecki, K. (1956). Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru joannitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studium z dziejów gospodarczych XII w. In K. Tymieniecki, *Pisma wybrane* (pp. 35–126). Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tymieniecki, K. (1959). *Smardowie polscy. Studium z dziejów społeczno-gospodarczych wczesnego średniowiecza*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Tymieniecki, K. (1967). «Łążeki». *Słownik Starożytności Słowiańskich*(3), pp. 113–114.

- Wyrozumski, J. (1993). The Jews in Medieval Poland. In J. B. Polonsky, & A. Link-Lenczowski (Eds.), *The Jews in Old Poland, 1000–1795* (pp. 13–22). London: I.B. Tauris.
- Свердлов, М. Б. (1971). Об общественной категории «челядь» в Древней Руси X–XII веков. В *«Проблемы истории феодальной России»*. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина (стр. 53–58). Ленинград: издательство Ленинградского университета.

AMBIGUITIES OF THE FRONTIER: TWO CASE STUDIES FROM MEDIEVAL SILESIA¹

Piotr Górecki (a)

(a) Department of History, University of California, Riverside, 6609 Humanities and Social Sciences,
USA. E-mail: gorecki@ucr.edu

Abstract

The article develops my long-term interest in locating medieval Poland (and its specific localities, especially Silesia) in the conceptual context of Europe and its major subdivisions – specifically East Central (more recently called simply Central), Europe. The aim is to specify the various senses in which Poland, and the places and local regions comprising it, can be understood to have been a part of a «frontier». In 2008, «frontier», as a construct, was ambiguous – and in my view remains so today. On one level, this entire macroregion of Europe is viewed as part of a large European «frontier» zone, peripheral to an earlier and older European «core». Specific places within the macroregion present a complex of more localized «cores» and their own «frontiers». Most locally, the «frontier» is a terrain of highly specific phenomena, such as lordship, colonization, land use – and, related to all of them, conflict and trauma. Two examples from thirteenth-century Silesia – a conflict over tithe revenues between Duke Henry I and Bishop Lawrence of Wrocław, and episodes of expansion of settlement and lordship in the Henryków region – serve as a case study in these varied, multilayered meanings of the medieval «frontier».

Keywords

Peasants, medieval frontier, tithes, settlement, colonization, dispute, Poland, Silesia, Henryków, Henryków Book, Henryków monastery, diocese of Wrocław

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Earlier versions of this article were delivered at the Annual Meeting of the Medieval Academy of America, Vancouver, April 3-5, 2008, and as a public lecture at the Department of Medieval Studies, Central European University, Budapest, April 17, 2008. Warm thanks are due to the discussants on both occasions, above all Janos Bak, Patrick Geary, Anthony Perron, and Paul Knoll. The original version appeared in *Russian History/Histoire Russe*, 35, Nos. 3-4 (Fall-Winter 2008), pp. 463-478. We thank Brill Publishing for the permission to publish this translation.

References

- Abulafia, D., & Berend, N. (Eds.). (2002). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices*. Aldershot: Ashgate.
- Appelt, H. (Ed.). (1968–71). *Schlesisches Urkundenbuch, vol. 1*. Graz, Vienna, and Cologne: Hermann Böhlhaus Nachf.
- Archibald, L. (1958). The Closing of the Medieval Frontier, 1250–1350. *Speculum*(33), 475–483.
- Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350*. Princeton: Princeton University Press.
- Bartlett, R., & MacKay, A. (Eds.). (1989). *Medieval Frontier Societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Buczek, K. (1974). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(40), 50–105.
- Buczek, K. (1975). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(41), 1–79.
- Burns, R. I. (1989). The Significance of the Frontier in the Middle Ages. In R. Bartlett, & A. MacKay (Eds.), *Medieval Frontier Societies* (pp. 307–330). Oxford: Clarendon Press.
- Curta, F. (2005). Introduction. In F. Curta (Ed.), *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Studies in the Early Middle Ages. V. 12* (pp. 1–9). Turnhout: Brepols.
- Curta, F. (2009). The Archaeology of Early Medieval Service Settlements in Eastern Europe. In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 30–41). London: I.B. Tauris.
- Gieysztor, A. (1986). The Beginnings of Jewish Settlement in the Polish Lands. In C. Abramsky, M. Jachimczyk, & A. Polonsky (Eds.), *The Jews in Poland* (pp. 15–21). Oxford: Basil Blackwell.
- Górecki, P. (1983). Viator to Ascriptitius: Rural Economy, Lordship, and the Origins of Serfdom in Medieval Poland. *Slavic Review*(42), 14–35.
- Górecki, P. (1992). *Economy, Society, and Lordship in Medieval Poland, 1100–1250*. New York: Holmes and Meier.
- Górecki, P. (1993). *Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland, ca. 1100–1250, Transactions of the American Philosophical Society* 83.2. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Górecki, P. (1998). Communities of Legal Memory in Medieval Poland, c. 1200–1240. *Journal of Medieval History*(24), 127–154.
- Górecki, P. (2001). Review: Tomasz Jurek, *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. *Speculum*(76), 1059–1062.

- Górecki, P. (2003). "Tworzenie Europy" Roberta Bartletta w kontekście anglosaskich badań historycznych nad początkami i kształtowaniem się Europy». In R. Bartlett, *Tworzenie Europy. Podbój, kolonizacja i przemiany kulturowe, 950–1350* (G. Waluga, Trans., pp. 505–515). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Górecki, P. (2007). The Henryków Book and Its Contexts. In P. Górecki, *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155* (pp. 1–90). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007a). *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007b). Medieval Peasants and their World in Polish Historiography. In I. Alfonso (Ed.), *The Rural History of Medieval European Societies: Trends and Perspectives* (pp. 253–296). Turnhout: Brepols.
- Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga henrykowska. Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow*. Poznań and Wrocław: Instytut Zachodni.
- Grüger, H. (1977). Das Patronatsrecht von Heinrichau. *Cîteaux*(28), 26–47.
- Grüger, H. (1978a). *Heinrich Grüger: Heinrichau. Geschichte eines schlesischen Zisterzienserklosters, 1227–1977*. Cologne and Vienna: Böhlau Verlag.
- Grüger, H. (1978b). Das Volkstum der Bevölkerung in den Dörfern des Zisterzienserklosters Heinrichau im mittelschlesischen Vorgebirgslande vom 13.–15. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostforschung*(27), 241–261.
- James, A. (1995). *Brundage, Medieval Canon Law*. London: Longman.
- Jurek, T. (1998). *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Jurek, T. (2009). Matrimonium sub fide Judaica contractum: Were Mixed Christian-Jewish Marriages Possible in Late Medieval Poland? In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 82–93). London: I.B. Tauris.
- Kondracki, J. (1998). *Geografia regionalna Polski*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kuhn, W. (1971). Der Löwenberger Hag und die Besiedlung der schlesischen Grenzwälder. In W. Kuhn, *Beiträge zur schlesischen Siedlungsgeschichte* (pp. 32–66). Munich: Delp.

- Matuszewski, J. (1981). *Najstarsze polskie zdanie prozaiczne. Zdanie henrykowskie i jego tło historyczne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Matuszewski, J., & Matuszewski, J. (Ред.). (1991). *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska*. Wrocław: Muzeum Archidiecezjalne we Wrocławiu.
- Modzelewski, K. (1964). La division autarchique du travail à l'échelle d'un état. L'organisation 'ministériale' en Pologne médiévale. *Annales*(19), 1125–1138.
- Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Modzelewski, K. (2000). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego, X–XIII wiek*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Morris, C. (1989). *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. Oxford: Clarendon Press.
- Stone, G. (1984). Honorific Pronominal Address in Polish Before 1600. *Oxford Slavonic Papers*(17), 45–56.
- Sweeney, J. R. (1989). Innocent III, Canon Law, and Papal Judges Delegate in Hungary. In *Popes, Teachers, and Canon Law in the Middle Ages*, eds. Sweeney and Stanley Chodorow, foreword by Stephan Kuttner (pp. 26–52). Ithaca: Cornell University Press.
- Tymieniecki, K. (1956). Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru joannitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studium z dziejów gospodarczych XII w. In K. Tymieniecki, *Pisma wybrane* (pp. 35–126). Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tymieniecki, K. (1959). *Smardowie polscy. Studium z dziejów społeczno-gospodarczych wczesnego średniowiecza*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Tymieniecki, K. (1967). «Łazęki». *Słownik Starożytności Słowiańskich*(3), pp. 113–114.
- Wyrozumski, J. (1993). The Jews in Medieval Poland. In J. B. Polonsky, & A. Link-Lenczowski (Eds.), *The Jews in Old Poland, 1000–1795* (pp. 13–22). London: I.B. Tauris.
- Sverdlov, M. B. (1971). On the public category "servants" in ancient Russia X – XII centuries. In *"Problems of the history of feudal Russia". Collection of articles for the 60th anniversary of prof. V.V. Mavrodina* (pp. 53–58). Leningrad: publishing house of Leningrad University.

ПРИМЕЧАНИЕ: В ПАМЯТЬ О РИЧАРДЕ ХЕЛЛИ

Хотелось бы начать с выражения благодарности помощнику главного редактора Растяму Алиеву и его коллегам за приглашение представить мою работу для публикации в русском переводе в этом великолепном журнале. Это вдвойне значимо, потому что статья была первоначально опубликована в 2008 году в номере, посвященном Ричарду Хелли, одному из ведущих ученых, с мировым именем, занимающегося социальной, экономической и правовой историей России периода Московского княжества. Местом публикации в 2008 году стал номер журнала «Русская история», в котором были представлены статьи, великолепно собранные и отредактированные группой лучших бывших учеников Р. Хелли, специализирующихся на русской истории. Ричард умер через год после публикации¹. Как и оригинальная статья, этот перевод – моя скромная дань уважения великому историку, человеку и учителю; а теперь, кроме того, его памяти — к десятой годовщине его кончины – и в России, стране, изучению которой он посвятил свою яркую и плодотворную жизнь.

Исследовательские интересы Ричарда Хелли касались такой особой темы, которая органично соединяет политику и власть, общество и отдельные социальные группы (с особым акцентом на подчиненное население — крепостных и рабов, право и законодательство (в целом и в той мере, в какой это касается социального расслоения и статуса) и экономику Московской Руси. Результат был отмечен множеством книг, каждая из которых была новаторской по своему предмету, бесчисленными статьями и книжными обзорами. Учитывая мои собственные интересы к данной проблематике, еще с того времени, когда я был аспирантом (но не утраченного вплоть до сегодняшнего дня), в том же широком спектре тем (правда, относящихся к более раннему периоду Средневековой Европы и к территории, расположенной западнее), я был рад и польщен, когда после моего переезда в Чикагский университет в качестве докторанта, Ричард оказался моим консультантом.

Я не могу сказать достаточно о качестве полученного опыта. Слова не могут адекватно выразить то, насколько Ричард был важен для меня как учитель, наставник, советник, комментатор моей работы — безжалостно откровенный, но всегда поддерживающий — и, в

¹ Великолепный, подробный памятный текст был написан Peter Bowman Brown, «Richard Hellie, 1937–2009: Monument to Early Russian Studies», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 58 (2010), pp. 145–149.

последующие годы, коллега и друг. Мое аспирантское пребывание в Чикагском университете началось в 1983 году с работы в качестве его помощника в его занятиях английским переводом монументального Московского законодательного акта «Соборное Уложение 1649 года» – свода законов русского права, латинского перевода того периода и его собственной английской версии. Это было великолепное, чрезвычайно желанное знакомство с университетом, с ним как с ученым, учителем и, что не менее важно, как с образцом поразительного, творческого трудолюбия, а со временем и знакомства с теми многими коллегами-аспирантами (ныне активными в профессии), которых он увлек и привлек для учебы под его руководством.

Мне действительно есть, что еще сказать... в данный момент я хотел бы подчеркнуть три момента моего восхищения и благодарности этому человеку. Первое: работа и трудовая этика. Может, у меня и был один-два учителя, таких же требовательных, как Ричард, но не на столько. Будучи веселым и добродушным, он всегда демонстрировал самые высокие стандарты выполнения хорошей работы – стандарты, которых придерживался сам и требовал того же и от других, включая его студентов. Во-вторых, Чикагский университет. Для меня Ричард открыл дверь всему, что может предложить это великолепное учреждение: глубокой, подлинной атмосферы единения интеллектуального профиля и академического климата, а также контактов со многими другими замечательными учеными, коллегами Ричарда.

Третье: средневековая Польша. Ричард принадлежал к тому замечательному поколению американских историков, под руководством которых изучение истории России за все время ее существования достигло полной академической и дисциплинарной зрелости. Для него и его коллег создание этой области, очевидно, было длительным и сложным процессом. Я убежден, что именно этот процесс – этот курс развития новой, отдельной, перспективной области – и является причиной того, что мой интерес к другому, но близкому государству средневековой и раннего периода Новой истории Европы, был принят в начале 1980-х г. доброжелательно и радушно им лично и, благодаря ему, в Университете. Тот факт, что сегодня ранняя история Польши также является заметной и привычной темой у коллег, думающих и пишущих на английском, в значительной степени произошло благодаря историкам поколения Ричарда и его энтузиазму. И теперь, оглядываясь на долгую работу и

влияние Ричарда, мне кажется, особенно уместным совершить полный круг и почтить его память словами по-русски.

*Петр Горецкий
Калифорнийский университет, Риверсайд*

A NOTE: IN MEMORY OF RICHARD HELLIE

I begin with special thanks to Rastyam Aliev and his colleagues for their invitation to submit my work for publication in Russian translation in this splendid journal. This is doubly poignant, because the article was originally published, in 2008, in a festschrift for Richard Hellie, one of the top scholars worldwide of the social, economic, and legal history of Russia in the Muscovite period. The venue of publication were that year's fascicles [выпуски] of the journal *Russian History*, superbly assembled and edited by a group of Richard's top former students specialized in Russian history. Richard died a year after that publication. Like the original article, this translation is my modest tribute to a great historian, human being, and teacher; and now, in addition, to his memory — at the tenth anniversary of his passing, and in Russia, the country to whose study he devoted his brilliantly productive life.

Richard Hellie's research interests are located at that very special place that joins seamlessly politics and power, society and social groups (with special emphasis on subordinate populations — serfs and slaves, law and legislation (generally, and insofar as it concerned social stratification and status), and the economy, of Muscovite Rus'. The output was marked by many books — each trailblazing on its subject — and innumerable articles and book reviews. Given my own interests as a graduate student (and ever since, right until today) in that same broad range of subjects (but earlier, and to the west, in medieval Europe), I was delighted and honored to move to the University of Chicago as a doctoral candidate, with Richard as my advisor.

I cannot say enough about the quality of the resulting experience. Words fail to express adequately how important Richard was, as a teacher, mentor, advisor, commentator on my work — ruthlessly candid, yet always supportive — and, in later years, colleague and friend. My graduate student stay at the University of Chicago began in 1983, with work as his research assistant on his English translation of the monumental Muscovite piece of legislation, the *Ulozhenie* of 1649 — collating the legal language of the Russian original, a near-contemporary Latin translation, and his own English version in progress. This was a great, immensely welcome

introduction to the University, to him as a scholar, teacher, and — no less importantly — as a model of prodigious, creative industriousness, and, over time, to those many graduate student colleagues (now active in the profession) whom he attracted and recruited to study with him.

There really is much, much more to say... At this moment, I would like to highlight three markers of my admiration and gratitude. First: work, and work ethic. I may have had a teacher or two as demanding as Richard; but none more so. While cheerful and easy-going, he always projected the highest standards of getting good work done — standards to which he held himself, no less (in fact, if anything, more) than others, including his students. Second: the University of Chicago. For me, Richard opened the door toward all that that great institution has to offer: a deep, genuine interdisciplinarity of its intellectual profile and climate, and contact with many other remarkable scholars, Richard's colleagues.

Third: medieval Poland. Richard was part of that great generation of American historians under whom study of the history of Russia, across its full time span, reached full academic and disciplinary maturity. For him and his peers, that creation of a field had obviously been a sustained, challenging process. I am convinced that that process — that course of development of a new, distinct, distinguished field — is why my own interest in a different but nearby polity of medieval and early modern Europe, found in the early 1980s a hospitable and welcoming place, with him individually, and, thanks to him, in the University. The fact that today early Poland, too, is a visible, well entrenched subject among colleagues who think and write in English, is in large measure thanks to historians of Richard's generation — and, of his temperament. And so now, as I look back at the long duration of Richard's work and impact, it seems especially apposite for me to move full circle, and celebrate him and his memory in Russian.

Piotr Górecki
University of California, Riverside

В ПАМЯТЬ О РИЧАРДЕ ХЕЛЛИ: ОТ РЕДАКЦИИ

Мы очень рады, что многоуважаемые П. Горецкий предложил нам свою статью по фронтиру в Польше. И не менее рады, что он решил посвятить ее памяти такого замечательного человека, как Ричард Хелли. Весьма символично, что именно во втором номере нашего журнала появляется этот материал. Родился он 8 мая 1937 г. и умер 24 апреля 2009 г. Таким образом, именно второй номер совпадает и с его временем рождения (именно 8 мая мы и пишем эту биографическую справку, что тоже весьма символично, но мы не стремились к этому, и так просто совпало), и в 24 апреля было десять лет со дня его смерти.

Читая некрологи или памятные послания от его друзей и учеников невольно удивляешься тому, что при всем личностном переживании об утрате друга и учителя они во многом единодушны в оценке его качеств: профессиональных и личностных.

Как полагают многие ученики и коллеги Хелли, именно его стараниям русистика перешла на новый более высокий уровень, особенно это справедливо для истории России допетровского времени.

Весьма символично в преддверии отмечаемого Дня Победы, обратить внимание на то, что советской и русской историей Р. Хелли заинтересовался еще в детстве, читая книжки про советских партизан. Но так ли это на самом деле, сложно сказать, с уверенностью можно только утверждать, что интерес к русской истории он пронес всю свою жизнь. Это проявилось и в огромном количестве книг и статей, написанных по истории России, и в собирании уникальной коллекции книг, посвященных этой его любимой теме. Говорят, что у него была самая большая личная библиотека книг, посвященных нашей стране.

Но для памяти Ричарда Хелли в нашем журнале был еще один повод, имеющий непосредственное отношение к нам, – его работа в качестве главного редактора журнала «Russian History». В 1992 г. коллектив журнала выпустил специальный тематический номер, посвященный русскому фронтиру. Номер вышел по материалам конференции, которая состоялась в мае 1992 г. в Чикагском Университете. Организаторами конференции были Ричард Хелли и член нашей редакции Майкл Ходарковский из Университета Лойолы (Чикаго).

Видно, что редакция журнала «Russian History» долго и основательно готовилась к этому номеру – в 1992 г. был выпущен

только один – именно этот номер Vol. 19, No. 1-4, вместо традиционных 4 номеров. Он так и назывался – «Frontier in Russian History» – «Фронтир в русской истории». Ричард Хелли написал пространное вступление к этому номеру, и специальную статью: «The Impact of the Southern and Eastern Frontiers of Muscovy on the Ulozhenie (Law Code) of 1649 Compared with the Impact of the Western Frontier», в которой анализировал влияние фронта на Уложение 1649 г..

Номер этот был составлен из статей как зарубежных, так и российских ученых, принявших участие в вышеупомянутой конференции.

Как нам кажется, данный номер явился значительным вкладом в обсуждении проблемы фронта в российской истории. Авторы этого номера пытались анализировать эту проблему с разных сторон, каждый рассматривал ее применительно к той тематике, которую изучал. Материал охватывал огромный период с 800 по 1800 гг.. Читая эти статьи и особенно вступительную статью Р. Хелли, понимаешь сколь сложная задача стояла перед редакцией, так как им приходилось лавировать с разными подходами, разным пониманием этой сложной проблемы, разной трактовкой исторических процессов и т.д.

Зная, как сложно даются такие номера, можно только восхищаться той работой, которую провела редакция журнала под руководством Р. Хелли.

Смерть Хелли 24 апреля 2009 г. явилась настоящей утратой, не только для членов его семьи и его друзей, но и для американской, да и российской науки.

Так что, как нам кажется, есть все основания почтить память этого замечательного ученого именно в майском номере нашего журнала.

Редакция Журнала Фронтирных Исследований
 08.05.2019

IN MEMORIAM RICHARD HELLIE: FROM THE EDITORS

We are very glad that the Dr. P. Górecki offered us his article on the Frontier in Poland. And not less pleased that he decided to dedicate it to the memory of such a wonderful person like Richard Hellie. It is very symbolic that this information appears in the second issue of our magazine. He was born on May 8, 1937 and died on April 24, 2009. Thus, the second number coincides with his birth date (on the 8 of May we write this biographical

note, which is also very symbolic, but we did that without any intents – it was simply coincided), and on the 24 of April it was ten years since the date of his death.

While reading obituaries from his friends, colleagues and former students we were surprised that at all personal experience about the loss of their friend and the teacher they in many respects are unanimous in an assessment of his qualities: professional and personal.

Many former students and colleagues of Hellie believe, it was due to his efforts that Russian studies moved to a new higher level, especially it is true for the history of Russia of the pre-Petrine period.

It is very symbolic on the eve of the victory Day, to pay attention to the fact that R. Hellie's interest in the Soviet and Russian history began in his childhood, when he was reading books about the Soviet partisans. It is difficult to say with certainty if it had been so in reality, we can only be sure that he carried this interest in Russian history for his whole life. This was manifested in a huge number of books and articles written by him on the history of Russia, and in the best collection in the USA of unique books devoted to his favorite topic – he had the largest personal library of books about Russian history.

But for the memory of Richard Hellie in our Journal was another reason that is directly related to us – his work as the Editor-in-Chief of the Journal «Russian History» – in 1992, the Journal published a special thematic issue dedicated to the Russian Frontier. The issue was based on the materials of the conference, which took place in May 1992 at the University of Chicago. The conference was organized by Richard Hellie and a member of our editorial team Michael Khodarkovsky from Loyola University (Chicago).

It is clearly seen that the editorial Board of the «Russian History» for a long time and thoroughly prepared this issue – in 1992 they published only one issue – Vol. 19, No. 1/4, instead of the traditional 4. It's title was – «Frontier in Russian History». Richard Hellie wrote a lengthy Introduction to this issue and a special article: «The Impact of the Southern and Eastern Frontiers of Muscovy on the Ulozhenie (Law Code) of 1649 Compared with the Impact of the Western Frontier».

The issue was composed of articles by both foreign and Russian researchers who took part in the above-mentioned conference.

It seems to us that this issue was a significant contribution to the discussion of the Frontier problem in Russian history. The authors of this issue tried to analyze this problem from different points of view, each of them considered it in relation to the topic that he studied. The material covered a huge period from 800 to 1800. While reading these articles, and

especially the introductory article by R. Helly, you understand how difficult the task was for the editor, as they had to maneuver with different approaches, different understanding of this complex problem, variety of interpretations of historical processes, etc.

Knowing how difficult it is to prepare such issues, we can only admire the work that was carried out by the Editorial Board of the «Russian History» under the leadership of R. Helly.

Helly's death on April 24, 2009 was a real loss, not only for his family and friends, but also for American and Russian science.

May 08, 2019.

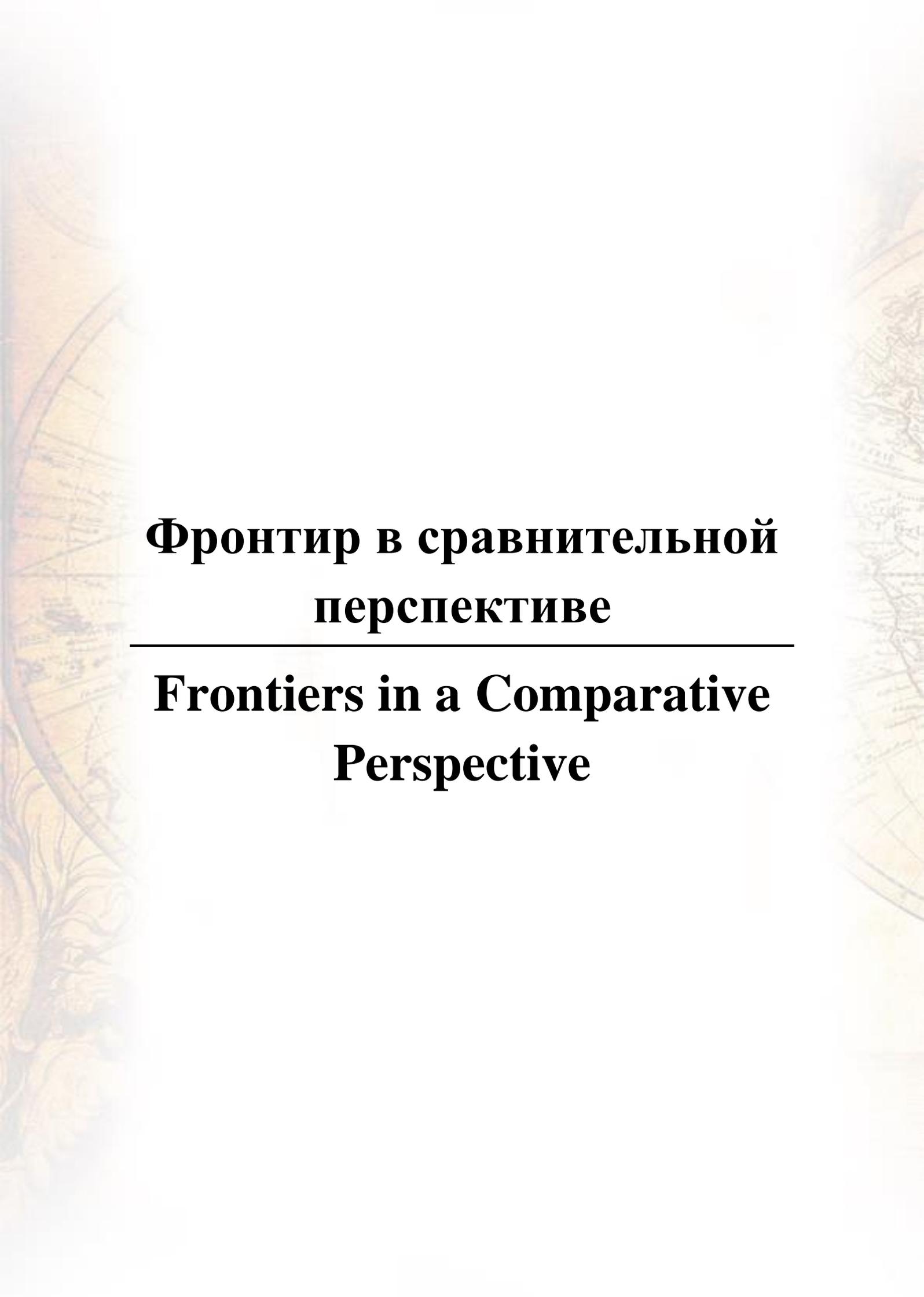
Editorial Board of Journal of Frontier Studies

Список значимых трудов Ричарда Хелли / The List of significant works of Richard Helly

- Helly R. (1988). *The Ulozhenie (Law Code) of 1649. Volume 1*. Irvine, CA: Charles Schlacks, Publisher.
- Helly R. (Ed.). (1995). *The Frontier in Russian History*. Los Angeles: Charles Schlacks, Publisher.
- Helly R. (1985). *The Plow, the Hammer, and the Knout: Essays in Eighteenth-Century Russian Economic History*, by Arcadius Kahan. Chicago: The University of Chicago Press.
- Helly R. (1998). *Холоство в России 1450-1725*. Moscow: Academia.
- Helly R. (1999). *The Economy and Material Culture of Russia 1600-1725*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Helly R. (1969). "The Law Code of 1649" and "Muscovite-Western Commercial Relations." In *Readings in Russian Civilization*, ed. by Th. Riha, 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press, pp. 154-72.
- Helly R. (1977). The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model. *Russian History*, 4(1), 1-22.
- Helly R. (1979). The Stratification of Muscovite Society: The Townsmen. *Russian History*, 6 (2), 119-75.
- Helly R. (1987). Edward Keenan's Scholarly Ways. *The Russian Review*, 46, 137-50.
- Helly R. (December 1989). The Manumission of Russian Slaves. *Slavery and Abolition*, 10 (3), 23-39.
- Helly R. (1989). Rewriting Pre-Mongol Russian History Once Again. *Russian History*, 16 (1), 67-76.

- Helly R. (1992). The Impact of the Southern and Eastern Frontiers of Muscovy on the Ulozhenie (Law Code) of 1649 Compared with the Impact of the Western Frontier. *Russian History*, 19 (1-4), 99-115.
- Helly R. (1995). Great Wealth in Muscovy: The Case of V. V. Golitsyn and Prices of the 1600-1725 Period. *Harvard Ukrainian Studies*, 19, 226-270.
- Helly R. (1998). Russia. In *A Historical Guide to World Slavery*, ed. by S. Drescher and S. Engerman. New York and Oxford: Oxford University Press, pp. 344-46.
- Helly R. (2002). Migration in Early Modern Russia, 1480s-1780s. In *Free and Coerced Migration: Cultural and Economic Determinants and Consequences*, ed. D. Eltis. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 292-323, 418-24.
- Helly R. (December 2005). The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory*, 44, 88-112.

**Фронтир в сравнительной
перспективе**

**Frontiers in a Comparative
Perspective**

ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА: РОССИЯ И ТАНЗАНИЯ¹

Феденок Юлия Николаевна (а), Буркова Валентина Николаевна (б)

(а) Сектор кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН, 119991, Москва,
Ленинский пр., 32а. E-mail: fedenok.julia@gmail.com

(б) Сектор кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН, 119991, Москва,
Ленинский пр., 32а. E-mail: burkovav@gmail.com

Аннотация

Кросскультурное исследование традиционных норм и современной организации пространства жилого дома показало, на основе собранного полевого материала в России и Танзании, что на изменения организации жилого пространства дома, происходящие под влиянием глобализации и пропаганды западного образа жизни, влияют исходная культура, религия, климатические условия, средства массовой информации и экономическое положение населения. Существенные изменения в XX веке привели к серьезным трансформациям структурирования пространства русского дома. Ориентация на создание в жилом доме комфортных условий детям и молодежи, а не старшему поколению, является отражением перехода российского общества от типа постфигуративной культуры к типу кофигуративной. В Танзании такого перехода не произошло, так как подавляющая часть населения продолжает жить за чертой бедности. В городском обществе сохранность традиционных норм структурирования жилого пространства значительно больше, что связано с проживанием танзанийцев в домах традиционного типа и с незавершившимся процессом урбанизации.

Гендерные различия в восприятии и организации пространства дома универсальны: девушки, по сравнению с юношами, гораздо лучше воспринимают этнокультурную модель организации пространства дома и, вероятно, в дальнейшем транслируют её последующим поколениям. Однако в танзанийской выборке гендерные различия намного более сглажены, что объясняется очень низким экономическим положением танзанийцев.

Влияние СМИ на организацию жилого пространства гораздо более значительно в России, нежели в Танзании.

Ключевые слова

Структурирование пространства, индивидуальное пространство, традиционная и современная организация жилого пространства, дом мечты, Россия, Танзания

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено в рамках НИР №01201370995 «Кросскультурные и междисциплинарные исследования».

1. ВВЕДЕНИЕ

Понятие «дом» для человека имеет много смыслов – кров, убежище, место жительства, теплый домашний очаг, воплощение идеи интимности и личного пространства (Баак ван, 2005). Происхождение базисного представления о жилище можно проследить со времен палеолита, когда становится заметной организация человеком жилого пространства, как в плане его технического оснащения, так и его символизации (Leroi-Gourhan, 1965). В традиционном обществе жилище – один из ключевых символов культуры, имеющий структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства, а стратегии поведения человека связаны с тем, находится человек внутри или снаружи дома (Байбурин, 1983).

Организация и использование пространства является одним из важных факторов культурной идентичности человека (Тишков, 2004). В ходе историко-культурного развития формируется определенная модель жилища, свойственная тому или иному народу, причем такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы.

В современном мире различия домов и внутренней обстановки обусловлены экономическими и социальными отношениями, формами семейной жизни, культурно-бытовыми традициями (Мартынова, 2004). При этом экономическое положение оказывает влияние на структуру взаимоотношений в семье, а представления об идеальном, комфортном доме формируется у человека в процессе социализации, под влиянием культуры, семьи, окружения сверстников, и средств массовой информации (Феденок, Бутовская, 2012; Феденок, Буркова, 2016).

Однако структурирование пространства дома не является чем-то неизменным и трансформируется под влиянием таких факторов, как новые хозяйственные и природные условия, доступность строительного материала, изменения системы отопления жилого дома, социально-экономические отношения, иноэтничное окружение, влияние СМИ и др.

2. ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе представлены результаты изучения традиционных этнокультурных норм организации пространства жилого дома в кросскультурном сравнении, выявлены трансформации традиционной структуры дома под влиянием глобализационных процессов и иноэтничной среды. Традиционно изучение структуры

жилого пространства в основном ограничивается описанием дома, его планировки, хозяйственных построек и внутреннего убранства (см. подробнее Буркова, Бутовская, 2017; Феденок, 2015). Зачастую за рамками исследования остается непосредственно организация жилого пространства населяющими его людьми. В данном исследовании мы фиксировали не только внутреннюю организацию дома, но и местоположение членов семьи в доме, их взаимное расположение в зависимости от их статуса, возраста и пола.

Для кросскультурного сравнения были выбраны две страны: Российская Федерация и Объединенная Республика Танзания. Выбор Танзании для сравнения с Россией неслучаен. Танзания представляет собой регион, в котором в условиях всеобщей глобализации и активной пропаганды ценностей западной цивилизации до сих пор продолжают сохраняться традиционные представления в самых разных сферах жизни, в том числе нормы пространственного поведения и организации дома. При этом изучение представлений об организации жилого пространства и её трансформации в современных африканских городах ранее не проводилось, несмотря на многочисленные работы по изучению изменений, происходящих в социальной сфере при миграции населения в города (см. подробнее Буркова, Бутовская, 2017).

В данном исследовании нами был использован комплекс методов, применяемых в социальной антропологии и этологии человека: 1) метод глубинных полуструктурированных интервью, разработанный авторами ранее (Феденок, 2009); 2) невключенное наблюдение за поведением респондентов в домах, осмотр современных и сохранившихся домов, построенных в более ранние годы (с фотофиксацией), зарисовка схем жилых помещений, в том числе и по воспоминаниям пожилых респондентов; 3) для понимания социокультурных установок молодежи в восприятии жилого пространства мы разработали методику изучения «дома мечты», используя рисуночный метод, предложенный «пионером» исследований восприятия и организации пространства человеком Э. Холлом (Холл, 1997). На заключительном этапе было проведено кросскультурное сравнение полученных данных и их анализ в сопоставлении с результатами исследований других авторов.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ

Традиционная русская изба строилась в виде четырехугольника и в настоящее время продолжает сохранять эту форму (Большакова,

2015). В такой организации усматривают типологическое единство с четырехчленной моделью мира, что является воплощением «христианского пространства» (Агапкина, 2012). Изба была основным жилым помещением для крестьянской семьи, численность которой могла достигать до 20 человек. В ней готовили пищу, спали, занимались домашними работами, пряли, ткали, а зимой держали скот и птицу. Условия домашней жизни русских крестьян отличались теснотой и скученностью. Для рационального использования сравнительно небольшой площади (обычно 4x4 метра) избы устанавливались строгие правила использования её пространства: каждый угол избы имел свое назначение, регламентировалось половозрастное распределение пространства. В повседневном быту соблюдалось подчеркнуто уважительное отношение к главе семейства, подчинение младших старшим, женщин – мужчинам. В конце XIX – начале XX века, в связи с распадом больших патриархальных семей, внутрисемейные отношения становятся демократичными, а весь уклад семей стал отличаться меньшей регламентацией взаимоотношений. Но все же в первой половине XX в. у русского населения сохранялись многие издавна устоявшиеся черты структурирования пространства дома, что диктовалось традиционной системой отопления, расположением русской печи, типовым набором мебели.

В данном исследовании было собрано 27 глубинных интервью у русских мужчин и женщин в возрасте от 61 до 99 лет, 25 глубинных интервью и 130 рисунков «домов мечты» у русских школьников из г. Москвы, г. Новосибирска и г. Тольятти.

Исследование, проведенное среди пожилых людей (рожденных в 1920-е – начале 1940-х годов XX в.), показало, что в малых семьях, находящихся на грани нищеты, внутрисемейные отношения были более демократичные, чем в крепких расширенных семьях, а весь семейный уклад отличался менее жесткой регламентацией. Многие респонденты отмечали, что в детстве и юности воспринимали нормы пространственной организации дома как нечто неизменное и не могли подумать, что в конце жизни увидят столь серьезные трансформации самой концепции организации внутреннего пространства дома и внутрисемейных правил поведения в доме. Особо подчеркивали респонденты, что авторитет отца (главы семьи) был незыблем, его мнение никоим образом не оспаривалось, в отличие от того поведения, которое они наблюдают сейчас у своих внуков и правнуков. Женщины отмечали, что сами стали воспитывать своих детей по-другому, давая больше свободы и уходя от жесткой

регламентации поведения в семье. В отличие от современных российских молодых людей, зачастую в самых мелких деталях представляющих свой будущий дом, респонденты, родившиеся в первой половине XX в., в молодости даже и не думали, как будут жить и какие у них будут дома (Феденок, Бутовская, 2012).

Если городские дома и квартиры русских первой половины XX в. за счёт бытования русской печи и специального места для размещения икон, аналогичное переднему углу в крестьянских избах, по внутренней организации пространства не отличались от сельского дома (Будина, Шмелёва, 1989), то начиная с 1960-х г., когда началось массовое жилищное строительство средствами государства, структурирование жилого пространства претерпело колоссальные трансформации. Унифицированная планировка квартир сыграла огромную роль в функциональном распределении жилой площади и выработала на всем постсоветском пространстве общие черты организации пространства дома. Уже в 1960-е г. сложилась та организация, которая во многом сохраняется в современных российских квартирах до настоящего времени. Функциональная нагрузка жилых помещений городских квартир стала меняться в зависимости от времени суток, смены будней выходными или праздниками, половозрастного состава семей, их социального положения и профессии. Например, зал или гостиная – комната для совместного отдыха всех членов семьи или приема гостей, служащая также столовой в праздники и спальней ночью.

Опросы русских школьников старших классов о структурировании жилого пространства квартир показали, что в настоящее время в большинстве семей места, а по возможности и комнаты, четко закреплены и маркированы за каждым членом семьи. Разделение жилого пространства определяется количеством комнат и половозрастным составом семьи. Нахождение в том или ином помещении конкретного человека определяется типом самого помещения и временем суток. Например, в комнате родителей дети могут находиться днем, пока последние на работе.

В современных российских квартирах образуются «женские», «мужские» и «детские» («подростковые») пространства. Так, в небольших квартирах старшие женщины в семье (мать, бабушка) зачастую предпочитают находиться на кухне. Женским пространством нередко является и ванная комната, в которой женщины проводят довольно длительное время, и которая в таких случаях служит механизмом регулирования приватности в семье. Мужским пространством зачастую является уголок перед телевизором

в гостиной или в спальне, а также компьютерный стол. Дети чаще всего имеют отдельную комнату или свой уголок в общей комнате. В детских комнатах при совместном проживании сиблингов по возможности каждому выделяется кровать (диван-кровать/кресло-кровать), реже для экономии пространства для детей дошкольного и младшего школьного возраста ставится двухъярусная кровать.

Нередко при нарушении границ приватности возникают напряжение и даже конфликты между родителями и детьми. Так, подростки упоминают, что не любят, когда родители заходят к ним в комнату, равно как и родители выгоняют своих детей из своих спален в детские комнаты. Приватность границ достигается тем, что в некоторых семьях не принято заходить в комнаты детей или родителей без стука. Однако такое положение вещей встречается в семьях, в которых есть возможность разместить детей в отдельных комнатах.

Совместная трапеза членов семьи – неотъемлемая часть русской культуры (Громыко, Буганов, 2007). Наши данные показывают, что она в большей степени сохраняется в провинции. В столице нередко респонденты отмечают, что едят всей семьей только по выходным, в будни же едят каждый у себя в комнате и перед своим телевизором, что зачастую объясняется разным распорядком дня каждого из членов семьи. В то же время именно в Москве подростки чаще отмечают жесткую фиксацию мест за каждым членом семьи в случаях совместной семейной трапезы. На наш взгляд, это является не столько традицией, сколько большей индивидуализацией отношений в столице, что ведет к жесткому разграничению пространства.

Места за обеденным столом, если они жестко не зафиксированы за членами семьи, распределяются хаотично, по принципу кто какое место успеет занять. В традиционной русской избе почетное место располагалось в «красном» (переднем) углу и находилось под иконами. В современных русских семьях оно потеряло свою ориентацию ко входу в связи с ликвидацией печи как структурообразующего начала жилища. Однако понятие «почетного места» сохранилось в понимании самого удобного и престижного местоположения за обеденным столом и в конкретных условиях квартиры может варьировать относительно окна, входа и удаленности от плиты. Часто это место располагается напротив входа или около окна, а также на короткой стороне обеденного стола, сохраняя понятия «во главе стола».

«Красный» угол в современных российских квартирах не сохранился по той же причине (отсутствие печи как

структурообразующего начала). Однако его элементы встречаются в интерьерах пожилых людей, причем чаще всего в кухне-столовой как воплощении избы в связи с совпадением двух функций – приготовления пищи и её принятия. Такой современный «красный» угол воспроизводит традиционный, зачастую без особых изменений: угловая полочка с иконами, в том числе с расшитым языческими символами рушником, сохранившимся до настоящего времени (Криничная, 2009). Он может быть ориентирован относительно входа в кухню-столовую или по отношению к месту приготовления пищи (плите).

Однако чаще функцию «красного» угла в кухне-столовой принимает телевизор, устанавливаемый в свободном углу, нередко для удобства просмотра передач напротив стола (фото 1). Он может быть как подвешен на стену, так и поставлен на холодильник, на определенном возвышении от глаз, что придает ему еще большее сходство с «красным» углом. Таким образом, телевизор в современных домах является структурообразующим началом, заменившим печь или очаг в традиционном доме (Цивьян, 1988).

**Фотография №1. Красный угол в современном сельском доме, с Утянка
Новосибирская область**

Наши данные показывают, что расположение членов семьи перед телевизором является более значимым фактором, чем расположение за столом во время совместной трапезы. В подавляющем большинстве русских семей при совместном просмотре телепередач у каждого есть жестко зафиксированное место – они располагаются на диване и креслах в гостиной (зале) и распределяются между членами семьи по мере взросления детей. Нарушение таких личных зон воспринимается довольно болезненно и приводит к напряжению и конфликтам как со стороны родителей, так и детей.

В современных русских семьях при приеме гостей и рассаживании их за столом уже никто не придерживается традиционных норм. В подавляющем большинстве гости сами садятся на приглянувшиеся им места, а хозяева занимают стулья и табуреты по остаточному принципу. Если приходят в гости супруги, то чаще они рассаживаются вокруг стола парами. Если в семье и принято во время будничного принятия пищи придерживаться понимания почетного (то есть самого удобного) места, то во время приема гостей это уходит на второй план, а глава семьи отдает свое место гостям.

Если гости остаются ночевать, их укладывают спать на свободные спальные места. Если свободных мест нет, тогда чаще всего хозяева уступают свои места пожилым и почетным гостям, а молодым гостям, особенно родственникам, недавно вошедшим в состав семьи (зяткам, снохам и т.п.), выделяют спальные места на полу. Таким образом, в правилах гостеприимства у русских до сих пор сохраняется ряд традиционных этноэтикетных норм (лучшие места уступают гостям с учетом их возраста и социального статуса).

Наше исследование представления о «доме мечты» показало, что для современных русских городских подростков характерен высокий вес социальных установок, внедряемых при помощи СМИ и формирующих у молодежи представления об успешной взрослой жизни. Рисуя идеальные дома, старшие школьники часто изображают нефункциональные помещения, забывая о необходимых деталях жилого дома (кухня, туалет, ванная комната и др.). Традиция проживания молодых семей с родителями мужа сохраняется в провинциальных городах, где большинство юношей отметили этот факт на своих рисунках. В столице только незначительная часть девушек согласны проживать с родителями мужа в будущем.

В представлениях подростков об идеальном доме прослеживаются четкие гендерные различия в организации внутреннего пространства, в том числе с предпочтением тех или иных людей в качестве совместных жильцов: юноши, изображая идеальный

дом или квартиру в настоящем времени, чаще населяли его своей родной семьей, а изображая в будущем – семьей по браку. Девушки в будущем мечтают о своей крепкой семье с мужем и детьми, а в настоящем предпочитают указывать, что хотят жить отдельно от родителей.

Сравнивая столицу с другими российскими городами, можно отметить, что гендерные различия рисунков одинаковы во всех городах, а ориентация на благосостояние в будущем и стереотипные представления о том, как должны жить обеспеченные люди, более гипертрофированы в малом городе, где подростки стремятся наполнить свои «дома мечты» максимальным числом изображений предметов роскоши и богатства (рис.1-2). Такие предметы в реальной жизни для них менее доступны, чем для школьников из крупных городов (Феденок, Бутовская, 2012).

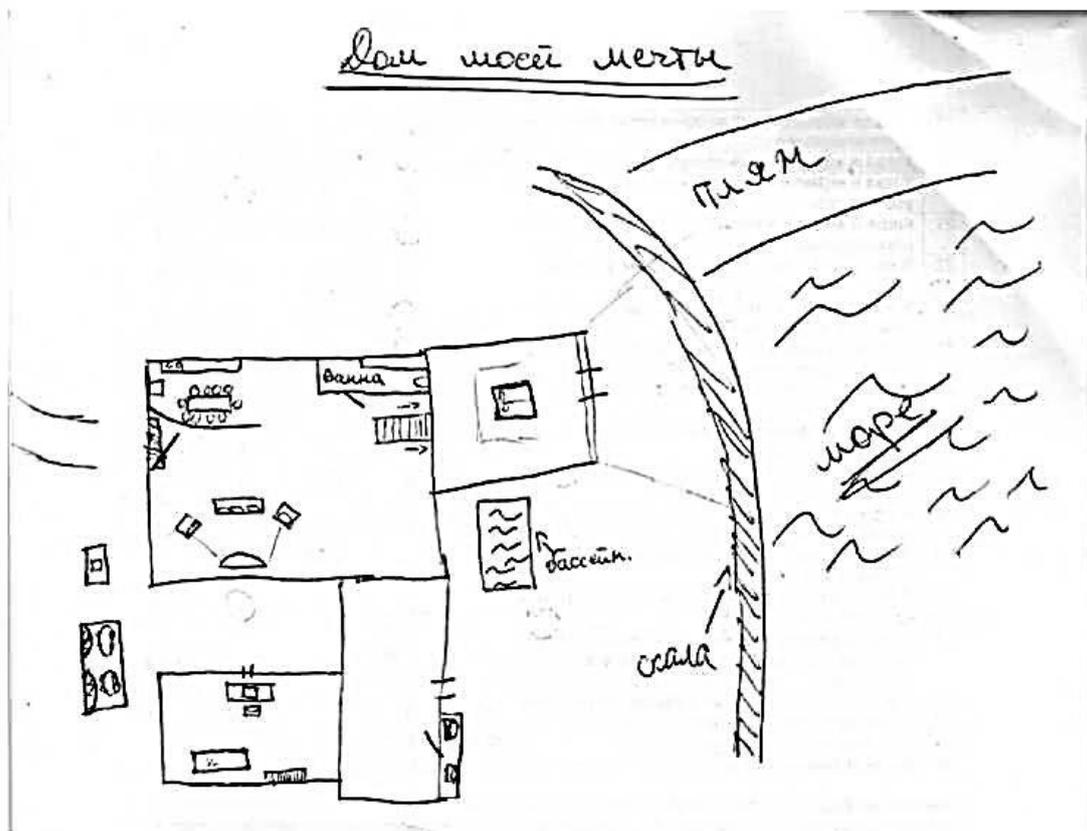

Рисунок №1. «Дом мечты» юноши 15 лет, г. Москва

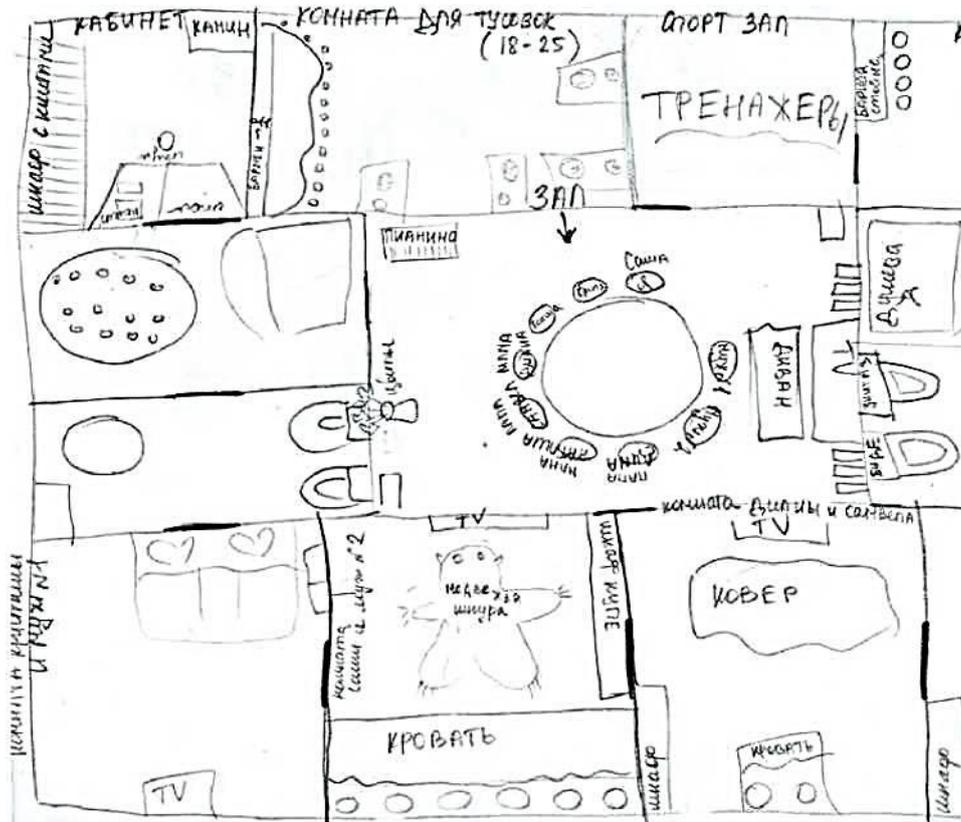

Рисунок №2. «Дом мечты» девушки 16 лет, г. Новосибирск

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В ТАНЗАНИИ

В условиях глобализации и пропаганды «западных» ценностей в Республике Танзания, тем не менее, и в настоящее время в самых разных сферах жизни сохраняются традиционные взгляды и нормы поведения. Поскольку Танзания является аграрной страной, для нее естественно преобладание сельского населения. В экономическом и демографическом смысле Танзания является одной из беднейших стран мира и относится к 10% беднейших мировых экономик в пересчете на душу населения. Наряду с экономическим, важным фактором, оказывающим непосредственное влияние на все сферы жизни, в том числе структурирование пространства жилого дома, его внешний вид и внутреннее убранство, является фактор этнический. По официальным данным, в стране проживает 51 045 882 чел., представляющих собой более 130 различных этнических групп (CIA, 2018). Многие из них продолжают жить в традиционных домах; прежде всего, это относится к охотникам-собирателям и скотоводам.

Условно по этническому фактору танзанийцев можно разделить на несколько групп: нилотские народы (масай, датага, пакот, луо и др.), кушитские народы (иракв), народы банту (ньямвези, сукума, ньятуру, ирамба, иранги, мбугве, хехе, чагга, ирамба, куриа, суахили, зарамо и др.), охотники-собиратели или бушмены (хадза, сандаве). Разные условия социализации данных этнических групп, в первую очередь, зависящие от типа хозяйствования, ведут к различиям в их поведении.

Английский исследователь В. МакКим, на основании полевых исследований в 1964-65 гг., выделил в Танзании пять базовых типов домов, в зависимости от формы и строительных материалов и этнического происхождения: 1) хижина-улей, 2) круглый дом с конической крышей, 3) прямоугольный дом «тембе», 4) «масайский» дом, 5) прямоугольный дом с соломенной крышей (McKim, 1985: 61). Как правило, первый тип характерен для охотников-собирателей; тембе и масайский дом – для скотоводов; остальные – для земледельцев (см. подробнее Буркова, Бутовская, 2017).

В настоящее время, по нашим наблюдениям, большая часть земледельцев продолжает жить в прямоугольных жилых постройках, сделанных из саманного самодельного кирпича, в лучшем случае оштукатуренных грязью или глиной. Крыша конструируется по традиционному типу из соломы и пальмовых листьев, а у более зажиточных хозяев покрыта листами железа (фото 2) (Буркова, Бутовская, 2017). Внутри дома интерьер и обстановка представляют собой скудный набор необходимых вещей – кровати, табуретки, стол, посуда, шкаф или полки. В среднем такой дом состоит из 2-3 комнат, в одной из которых может находиться очаг (кухня).

В большинстве случаев «кухня» (очаг) находится снаружи – на пороге дома под навесом или просто во дворе (фото 3). При ограниченной площади жилища межличностные отношения частично нормализуются тем, что много времени люди проводят на улице (Кулемзин, 1999). В Африке данное «правило» еще более актуально, как в силу благоприятного климата, так и большого количества людей, живущих в одном доме. В городских условиях африканского мегаполиса, в условиях еще большей скученности и тесноты, а также при отсутствии системы центрального водоснабжения и канализации, кухни и туалеты также вынесены на улицу, и зачастую используются сразу несколькими семьями; большую часть времени жители проводят вне дома.

Фотография №2. Дом фермера, г. Дар-эс-Салаам

Фотография №3. Очаг на крыльце дома, г. Дар-эс-Салаам

Размещение людей внутри дома ограничивается одной малой семьей (супруги и их дети). Мы редко наблюдали ситуацию, когда в доме проживали другие родственники – родители супругов, братья, сестры. Распределение людей в комнатах имеет выраженную половую сегрегацию – разнополые дети, начиная с 10-12 лет, спят в отдельных комнатах, а в крайне бедных семьях – на разных кроватях. Супруги спят в отдельной комнате, зачастую с малолетними детьми. Все иные родственники или гости делят спальные помещения по гендерному принципу – мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Положение членов семьи и гостей во время приема пищи разнообразно и зависит от этнической и религиозной принадлежности.

В наших опросах и наблюдениях участвовали танзанийцы африканского происхождения, в основном бантуязычные народы, бедного слоя населения из экономической столицы Танзании – г. Дар-эс-Салаам. Всего было опрошено 76 респондентов от 18 до 67 лет.

Расположение домов в городе очень тесное, зачастую стены одно-, двухэтажных домов прилегают друг к другу без каких-либо зазоров с очень плотной застройкой. Опрошенные нами респонденты населяют дома такого типа. Дом/квартира представляют собой 1-, 2-, редко 3-комнатное помещение, в котором, как правило, проживает расширенная семья – родители, их дети (от 1 до 4) со своими семьями. Только 5 человек указали на совместное проживание с представителями старшего поколения. Иногда дети жили со своими тетками или дядьями, живущими в городе, – родители отправляли их в город на учебу.

Другим распространенным типом домов является длинный одноэтажный многоквартирный дом, комнаты которого соединены общими стенами. Как правило, в таких домах арендуют комнаты приехавшие из сельской местности в поисках заработка мигранты. Тяжелый труд на земле в сельской местности не привлекает молодежь, и они переселяются в города в поисках «легких денег».

Внешне дома представляют собой побеленные «мазанки» из глины или саманного самодельного кирпича. Пол обычно остается земляным, самое большее – покрыт керамической дешевой плиткой или бетонирован. Окна не застеклены, в лучшем случае стоят москитные сетки. В многоэтажных квартирных домах присутствует электричество, водопровод и канализация, в одноэтажных домах – только электричество, но низкий уровень доходов не позволяет пользоваться даже существующими и подключенными услугами. Чем дальше дома отдалены от центра города, тем ниже становится

плотность заселения и увеличивается площадь занимаемого пространства, при этом уменьшается доступ к водоснабжению, канализации и электроэнергии.

Обстановка внутри дома минимальна – кровати, табуретки, стол, посуда, шкаф или полки. В среднем такой мазаный дом состоит из 2-3 комнат, в одной из которых находится очаг (кухня). Очаг представляет собой либо 3 камня с углями между ними, на которых стоит кастрюля/котелок, либо металлический очаг, внутрь которого кладутся угли (фото 3). Стандартный набор мебели – табуретки, сделанные из лозы стулья, пластиковая дешевая мебель, деревянные кровати. Широко распространена недорогая алюминиевая и пластиковая посуда, пластиковые ведра и канистры. Для освещения часто используются керосиновые лампы. В более благополучных семьях принято украшать дом текстильными изделиями, картинками или фотографиями из журналов, надписями с благопожеланиями. В более зажиточных семьях встречаются буфеты с посудой, особое место в которых уделено праздничной посуде и посуде для гостей, появляются диваны и кресла (фото 4).

Фотография №4. Интерьер жилого дома, г. Дар-эс-Салаам

Экономическая бедность большинства танзанийцев не позволяет жить в больших домах даже в пригородных районах. Кроме того, количество членов семьи, проживающих в одном доме, значительно

больше по сравнению с Россией. Однако пространственная организация дома регламентируется и в свете дефицита мест. Прежде всего это касается половозрастной сегрегации – взрослые члены семьи спят отдельно от младших (за исключением кормящих матерей), до определенного возраста все дети спят вместе на одной кровати, а потом их разделяют. Если в доме появляются гости, спальня также делится по гендерному признаку – мужчин кладут спать с мужчинами, женщин – с женщинами. Если мест не хватает, отправляют ночевать к соседям или друзьям.

За столом соблюдается застольный этикет. Глава семьи (дед, отец, мать в случае развода) занимает главное место за столом. Женщина, как правило, большую часть трапезы обслуживает сидящих за столом, особенно если присутствуют гости. Дети могут принимать пищу как одновременно за столом со взрослыми, так и отдельно. Много зависит от религиозной направленности семьи – христиане, мусульмане или представители традиционных верований определенной этнической группы. При большом количестве членов семьи дети зачастую едят на полу. Закрепление за определенными членами семьи столовых приборов наблюдается лишь при достаточном экономическом уровне. В бедных семьях, да и вообще традиционно для Африки, принято есть из одной посуды (кастрюли, миски) и руками. Также, за неимением средств, танзанийцы часто едят на полу как внутри дома, так и снаружи – на крыльце или около дома на земле (траве).

Экономический фактор является основополагающим и при исследовании «дома мечты» среди танзанийских школьников. В отличие от российских школьников, представления танзанийских детей и подростков более «приближены к реальности», в которой они живут – никто не мечтает жить в другой стране и все 100% опрошенных представляют себя в будущем живущими в одноэтажных простых домах (не квартирах), очень похожих на дома их родителей, только большего размера и с большими удобствами (рис.3-4). Такое положение дел объясняется тем, что 84,2% танзанийской городской популяции живет в трущобах, без воды и других удобств. Из опрошенных 89 детей и подростков 58 человек не имеют дома телевизора (65%), в кино не ходят, так что говорить о массовом влиянии СМИ на стереотипные представления об «идеальном доме» по западному образцу можно говорить с определенными ограничениями.

Что касается количества комнат, которые хотели бы иметь танзанийские школьники в будущем доме, ответы распределились

следующим образом: 5 комнат (21% опрошенных), 4 и 6 комнат (по 17%), и 3 комнаты (14%). Максимальное количество нарисовал 16-летний мальчик (14 комнат) (рис.3). Интересно отметить, что в реальной жизни наиболее часто встречаются 3-комнатные (29% опрошенных), 2- и 4-комнатные дома (по 15%), но плотность населения таких домов довольно высокая: 5 человек (27%), 6 (15%) и 7 (16%) человек в одном доме.

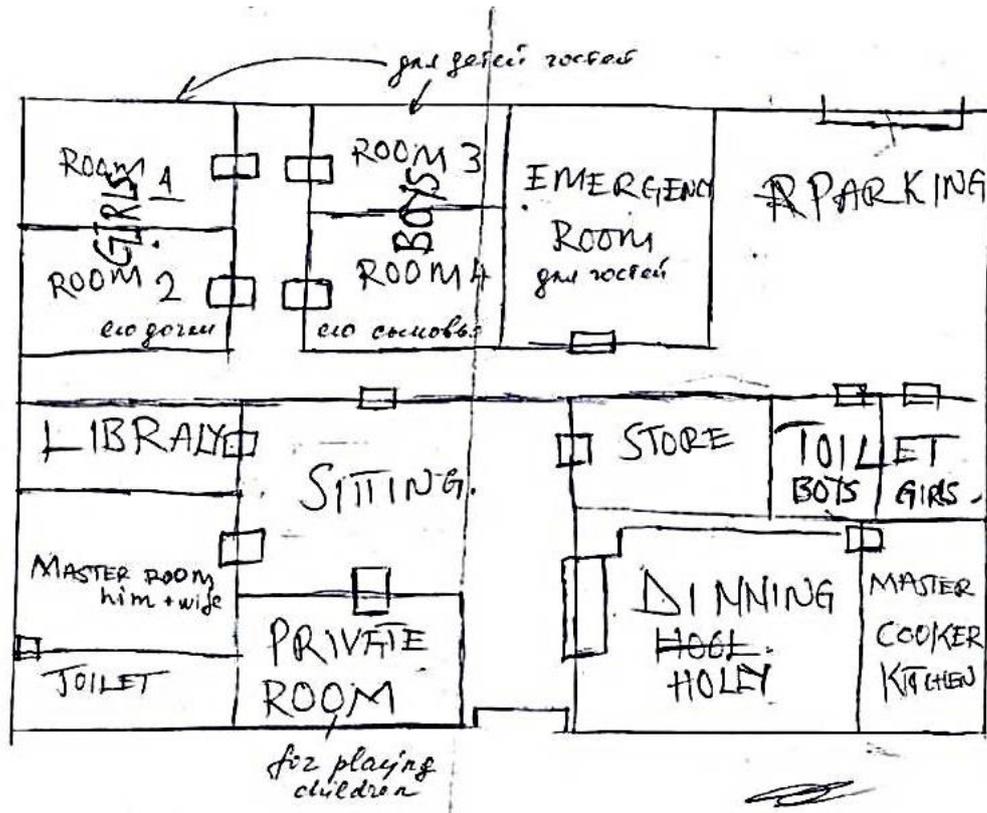

Рисунок №3. «Дом мечты» юноши 18 лет, г. Дар-эс-Салаам

Основой идеальных домов танзанийцев являются спальни и гостиная, гостевая комната. Большинство опрошенных (64,6%) не указали в своих домах кухню, что демонстрирует как некоторую незрелость подростков в плане обустройства быта, так и то, что место кухни (очага) в реальной жизни находится снаружи дома или в одном из углов комнаты. Следует отметить, что преобладающее большинство танзанийцев продолжают готовить пищу на углях.

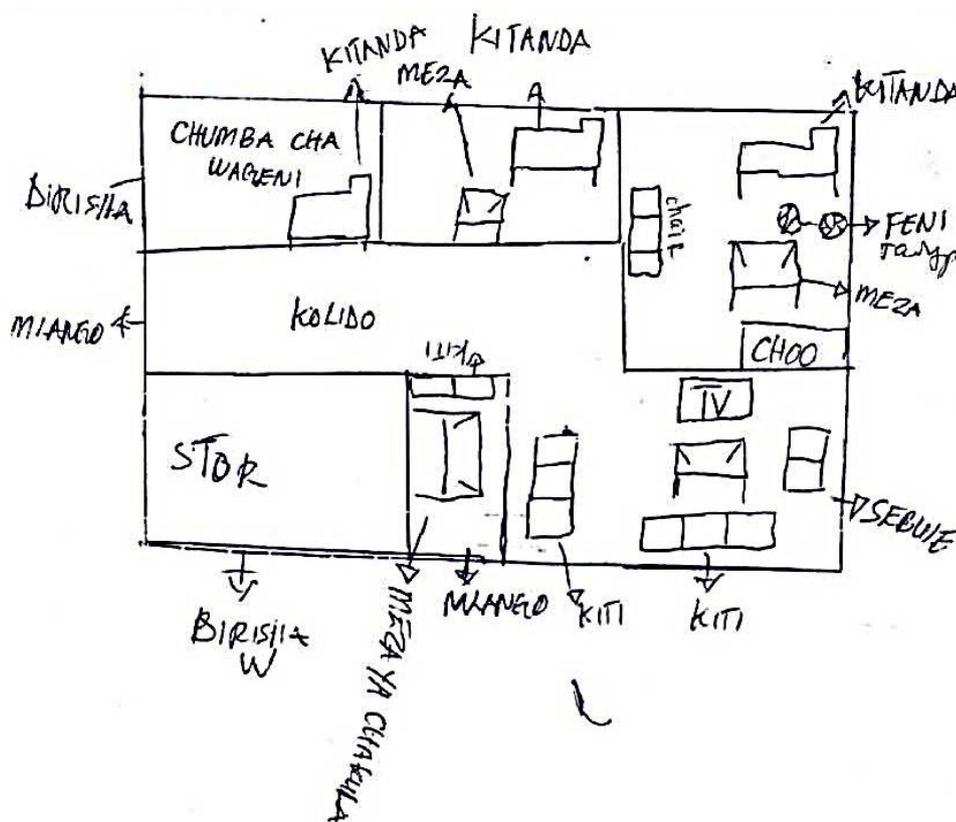

Рисунок №4. «Дом мечты» девушки 14 лет, г. Дар-эс-Салаам

Также некоторые респонденты в своих «идеальных» домах не размещают туалетные (32%) и ванные (47%) комнаты, забывая о такой немаловажной детали. Это обстоятельство также обусловлено экологическими причинами – туалет и душ в 100% случаев опрошенных детей и подростков в их реальной жизни находился на улице, в лучшем случае представляя из себя небольшой домик.

Гостиная является важной деталью дома, так как само ее существование уже подразумевает некий достаток. Ее нарисовали 88,9% опрошенных школьников. Как правило, в центре гостиной нарисован квадратный стол, вокруг которого стоят кресла и небольшой диван. Кроме того, неизменный атрибутом гостиной является телевизор. Он символизирует экономический достаток семьи. Столовую, как отдельную зону для приема пищи, мечтает видеть у себя дома незначительная часть танзанийских юношей и более половины всех девушек – 11 человек. 70,9% нарисовали комнаты для гостей, их них 25,5% указали на разделение таких комнат по полу. Такое разделение по гендерному принципу присутствует и в комнатах (спальнях) для детей. Такое положение вещей имеет место и в реальной жизни.

Функциональная нагрузка комнат не различается в зависимости от пола респондентов и не отличается большим разнообразием. 23% опрошенных школьников (19 мальчиков и 4 девочки) нарисовали также помещение для хранения разнообразных вещей (кладовку) и 40,5% (24 мальчика и 8 девочек) – гараж. Помимо спален и гостиных, всего 2 мальчика указали, что хотели бы иметь компьютерную комнату, 5 мальчиков – кабинет, 3 мальчика – библиотеку, 1 мальчик – гардеробную. Никаких иных комнат, как это часто встречалось в российской выборке (спортзалы, музыкальные комнаты, джакузи, бильярдные и т.д.), нарисовано не было. В Танзании маркерами успешности и социального статуса служат исключительно количество комнат, наличие гостиной, телевизора, машины.

По наличию и составу семьи танзанийские школьники в 94,9% случаев изображают «идеальный дом» для семьи по браку (супруги и дети). 96% танзанийских детей и подростков указали на принадлежность комнат тому или иному члену семьи. Только 12% опрошенных нарисовали в своих домах комнаты для родителей, 9% – для братьев и/или сестер. Бабушек и дедушек не указывал никто. Гендерных различий по данному признаку не наблюдалось. Как указывал один из респондентов в интервью, в Танзании принято, что, если ты женишься/выходишь замуж, ты должен уйти из семьи своих родителей и обустроить свое жилье (фермер, 38 лет). В силу теплого климата и доступности строительных материалов, из которых построены бедные дома, данное правило вполне выполнимо. Таким образом, установки из реальной жизни полностью переносятся на образ того, кто будет жить в идеальном доме. Интересно отметить, что, несмотря на то, что 86,1% нарисовали наличие детей в доме, наличие супруга в доме отметили 68%, причем такой забывчивостью больше «страдали» девушки. Только 5% опрошенных указали, что имеют с супругом разные комнаты. Возможно, данное обстоятельство можно объяснить большей ориентированностью девушек на детей, чем на супруга, тем более, что в танзанийской реальности женщины зачастую остаются одни с детьми на руках. В рисунках очевидна установка на большое количество детей. В реальной жизни в семьях опрошенных детей и подростков 32% имели 4 ребенка в семье, 28% – 3, 18% – 5, 9% – 6 детей. Из них 80,9% проживали в полных семьях со своими родителями.

Что касается предметов интерьера, танзанийские школьники не отличались разнообразием: 39,2% не изобразили ничего из мебели, 43% изобразили мало деталей, 17,7% средне, 0% – много. Из представленной мебели были нарисованы столы (43% изобразило

квадратную форму, 8,9% – круглую, 1% – треугольную), кровати, кресла, табуретки, телевизоры. Несколько человек изобразили потолочные лампы и музыкальные проигрыватели. Гендерных различий найдено не было. Данное обстоятельство также объясняется тяготением в рисунках к реальной жизни, в которой ничего, кроме скудного набора вещей, танзанийцы не имеют. Форма стола обусловлена теми, что продают на местных рынках – исключительно квадратной или прямоугольной формы. Телевизор является неким отражением определенного экономического статуса – он был нарисован в 46,8% рисунков и расположен в гостиной. Ни в каких других комнатах больше телевизоров не изображалось, в отличие от российских школьников.

В целом можно говорить о том, что танзанийские дети и подростки, по сравнению с российскими, намного более приближены к реальной, окружающей их, жизни, в которой наибольшее значение имеет отсутствие материального достатка. Все их идеальные представления о доме проецируются с того дома, в котором они живут в реальном времени с родителями. Рисуя дом будущего, они мечтают о своей крепкой семье с мужем и детьми, отдельно от родителей.

5. ВЫВОДЫ

Проведенное исследование в двух странах (Россия и Танзания) показало, что на изменения организации жилого пространства дома влияют исходная культура, религия, климатические условия, СМИ и экономическое положение населения:

1) Гендерные различия в восприятии и организации пространства дома универсальны, но более сглажены в танзанийской выборке – данное обстоятельство объясняется очень низким экономическим положением танзанийцев, не оставляющим им никакого выбора.

2) На установки девушек (русских, а также мигрантов с Северного и Южного Кавказа) влияют условия их социализации. Видимо, девушки гораздо сильнее воспринимают этнокультурную модель организации пространства дома. Это в дальнейшем, вероятно, приведет к её трансляции будущим поколениям. В танзанийской выборке девушки также более нацелены на создание своей собственной семьи.

3) Произошедшая трансформация структурирования жилого пространства русского дома, начиная с эпохи массового строительства типового жилья в 1960-е годы, изменение системы отопления, улучшение экономического положения населения привело к

ориентации на создание комфортных условий детям и молодежи, а не старшему поколению. На наш взгляд, внутрисемейный этикет и организация жилого пространства у русских является отражением перехода российского общества от типа постфигуративной культуры к типу кофигуративной культуры (Мид, 1988). В Танзании такого перехода не произошло – 68% населения продолжает жить за гранью бедности. Основное пространство дома организовано по принципу его максимальной функциональности при большом количестве членов семьи. Климатические условия позволяют часть помещений (кухня, туалет, душ, кладовка) выносить вне дома.

4) Структурирование пространства дома у танзанийцев в большей степени зависит от экономических и климатических условий, тогда как размер дома и его наполнение всецело зависят от экономического дохода семьи; структура жилого пространства определена исключительно его функциональностью; набор необходимых вещей минимален. В связи с этим, гендерные различия хоть и наблюдаются по ряду параметров, однако сильно сглажены по сравнению с русскими.

5) Влияние СМИ на организацию жилого пространства гораздо более значительно в России, чем в Танзании. В целом, танзанийские дети и подростки намного более приближены к реальной, окружающей их, жизни, в которой наибольшее значение имеет отсутствие материального достатка. Все их идеальные представления о доме проецируются с того дома, в котором они живут в реальном времени с родителями. Рисуя дом будущего, они мечтают о своей крепкой семье с мужем и детьми, отдельно от родителей. В российской выборке мечты школьников о будущем доме намного более разнообразны – это могут быть дома за границей, дома на деревьях, дома совершенно разных форм и этажности. Только часть российских школьников указывает, что в идеальном доме будут проживать с супругом и детьми, другая часть подростков мечтает пожить в комфортных условиях только для себя.

6) В современном танзанийском городском обществе, по сравнению с российским, сохранность традиционных норм структурирования жилого пространства значительно больше. Это связано с проживанием танзанийцев в домах традиционного типа, с традиционным набором мебели и сохранившимся очагом для приготовления пищи, с разной экономической обстановкой в странах, а также с незавершившимся процессом урбанизации танзанийского населения и меньшим влиянием глобализационных процессов, в том

числе меньшей пропагандой западного образа жизни как символа престижности и успеха в африканской стране.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы полагаем, что в результате процесса глобализации и увеличения межэтнических контактов лучшее понимание влияния личного пространства может способствовать улучшению и повышению взаимного уважения представителей разных культур, предотвращению недопонимания, которое, по своей сути, является конфликтогенным. При изучении межкультурных различий пространственного поведения людей главной целью становится определение факторов, которые могли бы быть полезны для жизни и работы представителей различных культур в полиэтничных обществах.

Список литературы

- Агапкина Т. А. (2012). Угол. В Н.И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: в 5 т. (стр.341-345). Москва: Индрик.
- Баак ван Й. (2005). Дом и мир. *Антропология культуры*, 3, стр. 40-74.
- Байбуурин А. К. (1983). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
- Большакова Н. В. (2015). Оппозиция «внутренний — внешний» как отражение пространственной модели в славянских языках. *Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*, 1, стр. 118-125.
- Будина О. Р., Шмелёва М. Н. (1989). *Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР*. Москва: Наука.
- Буркова В. Н., Бутовская М. Л. (2017). Традиционный дом в Танзании: охотники-собиратели, скотоводы, земледельцы. В А.Ю. Желтов (Ред.), *Африканский сборник - 2017* (стр.220-241). СПб.: МАЭ РАН.
- Громыко М. М., Буганов А. В. (2007). *О воззрениях русского народа*. Москва: Паломник.
- Криничная Н. А. (2009). Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам). *Этнографическое обозрение*, 2, стр. 28-42.

- Кулемзин В. М. (1999). Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения. *Культурологические исследования в Сибири*, 1, стр. 13-14.
- Мид М. (1988). *Культура и мир детства: Избранные произведения*. Москва: Наука.
- Мартынова М. Ю. (2004). *Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю*. Москва: Изд-во РУДН.
- Тишков В. А. (2004). Культурный смысл пространства. *Этнографическое обозрение*, 1, стр. 14-31.
- Феденок Ю. Н. (2009) Трансформация структуры пространства дома в локальных этнических группах (на примере болгар села Криничное Республики Украина и татар поселка Октябрьский Челябинской области). *Традиционная культура*, 2(34), стр. 42-48.
- Феденок Ю. Н. (2015). Трансформация организации жилого пространства у русских: от традиции к современности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*, 4 (21), стр. 64-68.
- Феденок Ю. Н., Буркова В.Н. (2016). Структурирование жилого пространства дома в иноэтничной среде. *Вестник Томского государственного университета. История*, 2(40), стр. 119-126.
- Феденок Ю. Н., Бутовская М.Л. (2012). Образ идеального дома у современных городских подростков. *Развитие личности*, 3, стр. 169-174.
- Холл Э. (1997). Как понять иностранца без слов. В Фаст Д. (Ред.) *Язык тела*. Москва: Вече.
- Цивьян Ю. (1988). Проксемика: язык пространства. *Наука и техника*, 8, стр. 28-30.
- CIA (2018). *Central Intelligence Agency. The World Factbook. Tanzania*. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tz.html>
- Leroi-Gourhan A. (1965). *Le geste et la parole. La memoire et les rythmes*. Paris.
- McKim W. (1985). House Types in Tanzania: A Century of Change. *Journal of Cultural Geography*, 6(1). p.51-77.

TRADITIONAL AND MODERN ORGANIZATION OF LIVING SPACE OF HOUSE: RUSSIA AND TANZANIA

Yuliya Nikolaevna Fedenok (a), Valentina Nikolaevna Burkova (b)

(a) Sector of cross-cultural psychology and human ethology IEA RAS, 32a Leninsky av., Moscow, Russia 119991. E-mail: fedenok.julia@gmail.com

(b) Sector of cross-cultural psychology and human ethology IEA RAS, 32a Leninsky av., Moscow, Russia. E-mail: burkovav@gmail.com

Abstract

Cross-cultural study of traditional norms and modern structuring of space in a residential building showed, on the basis of the field material collected in Russia and Tanzania, that changing of the organization of the living space in dwellings that occurs under the influence of globalization and propaganda of the Western lifestyle is influenced by the initial culture, religion, climatic conditions, media and economic situation of the population. Substantial changes in the twentieth century have led to serious transformations in structuring of the inner space of the Russian house. Focus on creating comfort for children and youth, and not for the older generation in the residential space reflects the transition of Russian society from postfigurative culture type to cofigurative culture type. But there had been no such transition in Tanzania, since the vast part of the population still lives in poverty.

In modern Tanzanian urban society compared with Russian the preservation of traditional norms structuring of residential space is much stronger, which is related with the living of Tanzanians in the houses of traditional type and with incomplete process of urbanization.

The gender differences in perception and organization of home space are universal – girls, compared to boys, perceive the ethno-cultural model of space organization of the house much better, and probably they would transmit it to succeeding generations in the future. However, in Tanzanian case, gender differences are much smoother, due to the very low economic status of Tanzanians.

The influence of media on the organization of residential space is much more significant in Russia than in Tanzania.

Keywords

Structuring of space, individual space, traditional and modern organization of living space, house of my dream, Russian, Tanzanian

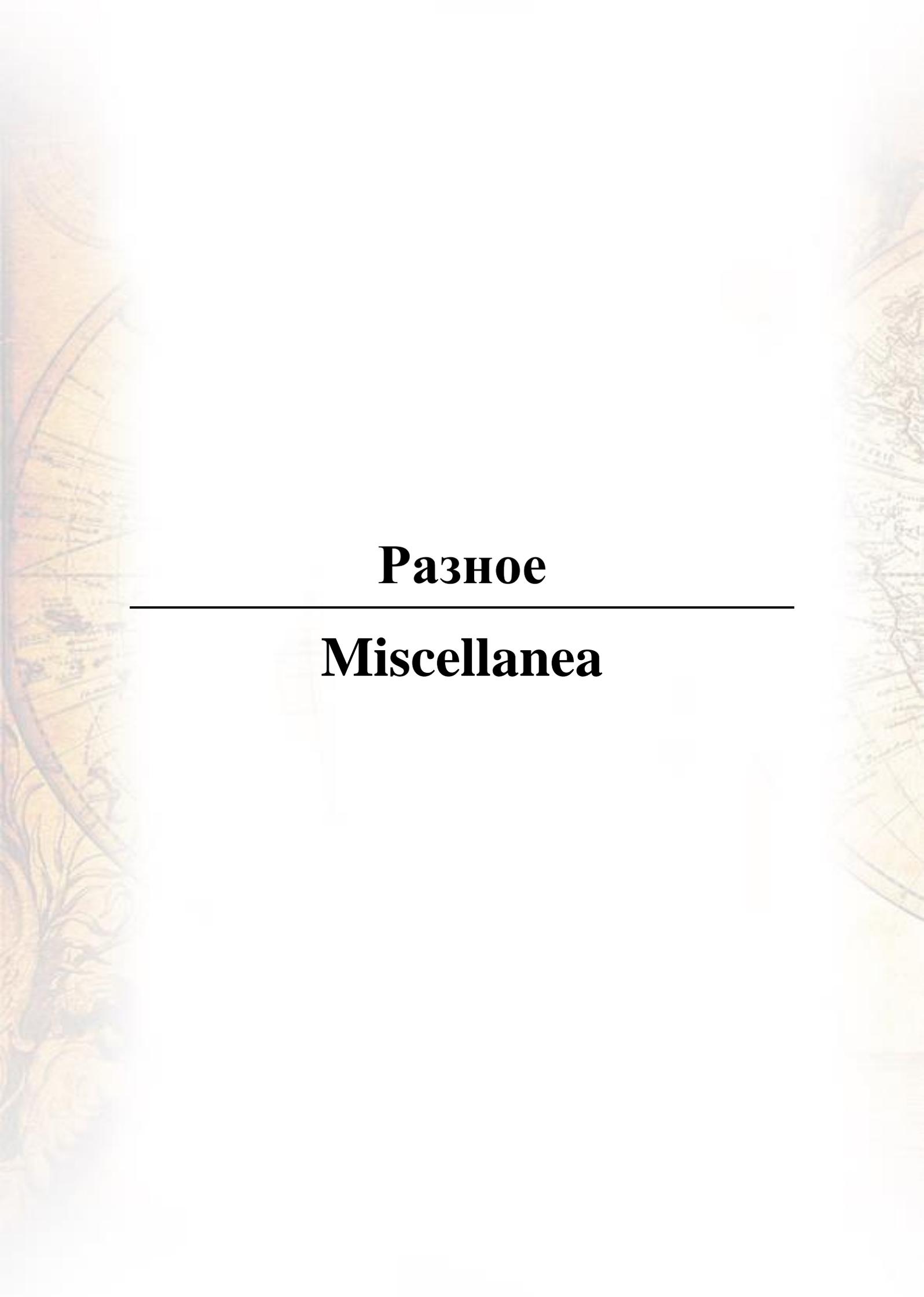
This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

References

- Agapkina T. A. (2012). Corner. In N.I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary* (pp.341-345). Moscow: Indrik.
- Baak van Y. (2005). Home and war. *Anthropology of culture*, 3, pp. 40-74.
- Bayburin A. K. (1983). *Dwelling in rites and performances of Eastern Slavs*. Leningrad: Science.
- Bolshakova N. V. (2015). Opposition "internal - external" as a reflection of the spatial model in the Slavic languages. *Bulletin of the Pskov State University. Series "Social and Human Sciences"*, 1, pp. 118-125.
- Budina O. R., Shmelyeva M. N. (1989). *City and Russian folk traditions: According to the materials of the Central District of the RSFSR*. Moscow: Science.
- Burkova V. N., Butovskaya M. L. (2017). Traditional house in Tanzania: hunter-gatherers, pastoralists, Традиционный дом в Танзании: охотники-собиратели, скотоводы, farmers. In A.Y. Geltov (Ed.), *African digest - 2017* (pp.220-241). Saint-Petersburg: MAE RAS.
- Gromyko M. M., Buganov A. V. (2007). *On the views of the Russian people*. Moscow: Palmer.
- Krinichnaya N. A. (2009). Red corner: about the origins and semantics of the sacral locus (according to North Russian materials). *Ethnographic Review*, 2, pp. 28–42.
- Kulemzin V. M. (1999). Traditional cultures of Siberia: popular consciousness and market relations. *Cultural studies in Siberia*, 1, pp. 13-14.
- Mead M. (1988). *Culture and the world of childhood: Selected Works*. Moscow: Science.
- Martynova M. Y. (2004). *The world of traditions and intercultural communication. To help the school teacher*. Moscow: Publishing house RUDN.
- Tishkov V. A. (2004). Cultural sense of space. *Ethnographic Review*, 1, pp. 14-31.
- Fedenok J. N. (2009) Transformation of the structure of the space of a house in local ethnic groups (on the example of the Bulgarians of the village of Krinichnoe of the Republic of Ukraine and the Tatars of the village of Oktyabrsky, Chelyabinsk Region). *Traditional culture*, 2(34), pp. 42-48.
- Fedenok J. N. (2015). Transformation of the organization of living space in Russian: from tradition to modernity. *Bulletin of the Kostroma State University named N.A Nekrasov*, 4 (21), pp. 64-68.

- Fedenok J. N., Burkova V. N. (2016). Structuring the living space of a house in a foreign ethnic environment. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2(40), pp. 119-126.
- Fedenok J. N., Butovskaya M. L. (2012). An image of a ideal home for modern urban adolescents. *Personal development*, 3, pp. 169-174.
- Hall A. (1997). How to understand a foreigner without words. In Fast D. (Ed.) *Language of the body*. Moscow: Veche.
- Tsivyan Y. (1988). Proxemics: the language of space. *Science and technology*, 8, pp. 28-30.
- CIA (2018). *Central Intelligence Agency. The World Factbook. Tanzania*. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tz.html>
- Leroi-Gourhan A. (1965). *Le geste et la parole. La memoire et les rythmes*. Paris.
- McKim W. (1985). House Types in Tanzania: A Century of Change. *Journal of Cultural Geography*, 6(1), pp. 51-77.

Разное

Miscellanea

ФОТОГРАФ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ИСКУССТВОМ¹

Монахова Йола Стоктон (а), Мещеряков Александр Юрьевич (б)

(а) Государственный колледж Буффало, 14222, США, Нью-Йорк, Элмвуд авеню,
Аптон Холл, 308D. E-mail: yolamyola@gmail.com

(б) Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.
E-mail: daomesheryakov@gmail.com

Аннотация

Данная работа представляет собой интервью с известным американским фотографом² и ученым Йолой Монаховой Стоктон. Й. Монахова – известный художник, работающий в области фотографии, автор книг о художниках, документальной и социальной практике. Родилась в Москве, выросла в Нью-Йорке, изучала сравнительную литературу в университете шт. Висконсин в Мэдисоне и получила две степени магистра в Колумбийском университете по итальянскому языку и изобразительному искусству. В период обучения итальянскому языку и искусству Й. Монахова работала фотожурналистом по всему миру: в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в бывшем Советском Союзе и в Соединенных Штатах. В настоящее время она является директором программы фотографии в SUNY Buffalo State. Ее работы были показаны на персональных выставках: Дом-музей Алисы Остин (*Alice Austen House Museum*); Фестиваль «LightField» в оперном театре Гудзона (*LightField Festival*); Биеннале фотографии в Тяньшуйе в Китае (*Photography Biennale of Tianshui, China*) и мн. др.

В 2018 г. Йола Монахова Стоктон посетила Астраханский государственный университет, где прочитала лекции и провела семинары по фотографии с темой «Раскрывая архивы». В своем интервью Монахова поделилась своим видением о значении фотографии, и роли ее в изучении истории. Она также рассказала об обучении фотографов в американских университетах.

Ключевые слова

Интервью, фотография, американский фотограф, американский фронт, идентичность, межкультурная коммуникация, Астрахань, Нью-Йорк, Буффало, Гавайи.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Интервью проводилось в рамках поддержки РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

² Редакция Журнала Фронтирных Исследований выражает благодарность Монаховой Йоле Стоктон за разрешение опубликовать её работы в данном номере.

А. Мещеряков: Добрый день, профессор Монахова! Спасибо, что согласились на это интервью.

Й. Монахова: Доброе утро!

А. Мещеряков: Вы проделали большой путь из США в Россию, читали лекции в Астраханском государственном университете. Ваша работа финансировалась научным грантом?

Й. Монахова: Меня часто спрашивали студенты в России какие доходы у американцев, у преподавателей в Штатах, как мы живем в рамках своей экономики. В Астрахани мне показалось, что уровень цен очень низкий, и если сравнить баланс расходов и доходов, то Америка и Россия очень похожи.

Вчера студентка с экономического факультета меня спросила о ставках в университетах, моей ставке. Как мне кажется, соотношение капиталистической экономики и функционирования университетов в США, как и в России очень схожее. В университете, где я работаю (там я начала работать два с половиной года назад), там я много преподаю, финансирования на исследование и времени часто не хватает. В бывшем моем колледже было гораздо лучше финансирование исследований, но постепенно его уменьшали. Не всегда легко найти грант на свои исследования в США. Как правило, многие гранты из крупных американских фондов ужасно тяжело получить.

А. Мещеряков: Почему вы выбрали Астрахань, Астраханский государственный университет?

Й. Монахова: В Астрахань я прилетела благодаря программе *Russia Programs Network (RPN)*, организованной в государственном университете штата Нью-Йорк. У этого университета штата очень много филиалов, и директор из другого филиала – администратор этого гранта, профессор лингвистики, предложил мне подать заявку, выбрать темы, по которым у меня возникает интерес, почитать лекции и вести семинары. Я отправила резюме, предложила темы, и Ольга Геннадьевна Егорова – с факультета иностранных языков пригласила меня в Астраханский государственный университет. Часть моего путешествия оплачивал не мой кампус университета, а государственный университет штата Нью-Йорка. А остальные

расходы на проживание и путешествие я оплачиваю сама, например, посещение драматического театра.

А. Мещеряков: Вам понравилась архитектура Астраханского драмтеатра? Там сохранилась интересная атмосфера.

Й. Монахова: Да там очень красиво. И интересно, что было много молодых людей, не то чтобы одни бабушки посещают театр. Там очень живая сцена. И рядом с нами сидели люди, которые заговорили о грузинской кухне. И один человек сказал – «Я грузин! Я рекомендую такой-то астраханский ресторан». И оказалось, что он певец. Там было несколько певцов из оперы «Турандот». Они посещали театр. Чувствовалось светское общество, другая культура, это было очень приятно и интересно.

А. Мещеряков: Во время Вашего пребывания в Астрахани, возможно этот город привлек Ваш интерес чем-то еще?

Й. Монахова: Вчера я была на астраханском рынке – Большие Исады. Там можно встретить очень много разных народов, но в основном я заметила, что большинство торговцев – это народы Кавказа. Также там большой выбор различных товаров, которых нет в США. В 2000 г. я была в Астрахани проездом. Я делала репортаж в Дагестане. И тогда я купила здесь банку черной икры и взяла ее с собой домой в США, мне было интересно попробовать что это за деликатес, о котором все говорят. Но к сожалению, икра оказалась очень соленой.

А. Мещеряков: Вы получали высшее образование в США?

Й. Монахова: Да. Мы уехали с родителями по израильской визе, когда мне не было еще 7 лет. Изначально я училась в Висконсинском университете в Мэдисоне. Бакалавра я получила по сравнительной литературе и по итальянского языка. Затем я поступила в аспирантуру по направлению итальянская литература, но думаю я не была к этому готова, и я улетела на 4 месяца в Бразилию и преподавала там английский язык. Потом в Нью-Йорке я поступила в аспирантуру и преподавала итальянский язык. Там я училась два с половиной года и начала посещать курсы по фотографии. Затем я поняла, что мне хочется углубить знания в фотографии, а по итальянской литературе я бы не сказала, что была сильна и была самым выдающимся

студентом. Летом 1998 г. я начала заниматься проектами. Я занималась итальянской литературой, а затем увидела возможности в фотографии и не вернулась к обучению в аспирантуре. Затем начала работать в сфере фотожурналистики, работала с 1999 по 2005 гг. международным фотожурналистом. Последний мой международный проект был в Белоруссии. Затем я путешествовала по России, поехала в Нижний Новгород. В это время случились события в Узбекистане в Андижане, где большое число людей было убито. Я сразу отправилась на то место по русской визе и для *The New York Times* я делала репортаж летом 2005 г. Потом я вернулась в США, к тому времени я подала на образовательную программу по направлению «искусство» в Колумбийский университет, второй раз, но уже на магистра искусства на 2-х летнее обучение. В США нельзя получить степень выше магистра по направлению «искусство». Сейчас появилось направление история искусства, по этому направлению можно стать доктором. Но нельзя стать доктором в направлении «творчество».

После этого я преподавала в нескольких университетах США в свободном виде искусство фотографии. В итоге я получила работу в городе Буффало (Buffalo) в штате Нью-Йорк, где я сейчас работаю.

А. Мещеряков: Какую дисциплину сейчас вы преподаете в Буффало?

Й. Монахова: Я преподаю курсы по фотографии и являюсь координатором (*fotograf program coordinator*) цифровой лаборатории фотографии, фотостудии, нанимаю других профессоров и разрабатываю курсы преподавания.

А. Мещеряков: Фотографии, которые вы показывали на своей лекции, отражали национальную культуру, гавайскую культуру, межкультурную коммуникацию американцев и местного населения Гавайи. Это тема близка к фронтирным исследованиям. Согласно американскому подходу, историю можно изучать по-иному, в Америке используют иные методы исследования?

Й. Монахова: Да. В США существует множество различных подходов в изучении истории и культуры. Например, мой хороший друг писал о том, как детская литература фронта влияла на ребенка и как именно определялось понятие о мальчике, т.е. что такое мальчик? В американском контексте, в контексте американского фронта.

А. Мещеряков: В истории США фотограф в XIX – начале XX вв. это была увлекательная работа. Когда американцы продвигались на Диком Западе, создавали первые колониальные поселения, они фотографировали природу, окружающую среду, человека на американском фронтире. И много фотографов из Европы и Америки создавали на фронтире свои работы. И я думаю, что много фотографий хранится в архивах США. Американцы большое внимание уделяют финансированию фотоискусства...

Й. Монахова: Я хочу посоветовать вам книгу, которая вам понравится. Писательница очень интересная, она пишет о культуре. Ее имя Ребекка Солнит (*Rebecca Solnit*), она из Калифорнии, живет в Сан-Франциско. Книга называется *River of Shadow* (Река теней). Она пишет о фотографe, который приехал из Англии, фотографировал ландшафты американского фронтира, а потом он был первый, кто зафиксировал момент, как выглядит лошадь в прыжке. До первых фотографий все думали, что у лошади во время бега конечности находятся спереди и сзади. А он первый показал, что они оказываются под лошадью в середине тела. Ребекка Солнит пишет о том, как завоевывалась Калифорния и о последнем индейце, из которого американцы сделали ужасную «выставку» из человека, т.е. из его тела¹.

А. Мещеряков: Говорят, что в период прихода большевиков, часть фотографий царской семьи была уничтожена.

Й. Монахова: Я интересовалась историей династии Романовых, вы знаете такого фотографа – Прокудин-Горский? Он один из первых, кто создал цветную фотографию. Он работал при императоре, на

¹ Здесь Монахова намекает на судьбу последнего представителя племени яхи по имени Иши. Практически все это племя было уничтожено, а он сам был обнаружен в 1911 г. в весьма трагичном состоянии, крайне изможденный, без знания английского языка или каких-то других индейских языков кроме языка яхи. Первоначально его содержали в клинике для душевнобольных, но затем антропологи забрали его к себе, и последние годы (он умер от туберкулеза в 1916 г.) он прожил в музее антропологии Калифорнийского университета. На самом деле жизнь среди традиционных предметов быта коренного населения Америки была наименее болезненной, по сравнению с предыдущим периодом, когда индейцы яхи подверглись геноциду. С одной стороны, с формальной точки зрения, он превратился в некоторое музейное пособие, но, с другой стороны, он находился под покровительством антропологов, ощущал на себе благожелательное внимание со стороны работников музея, посетителей. Но, конечно, это не отменяет трагичность его судьбы. Все эти события были описаны Теодорой Кребер – женой известного антрополога Альфреда Кребера, который проводил много времени с Иши, изучая язык этого племени и записывая его рассказы: Кребер Т. Иши в двух мирах: Биография последнего представителя индейского племени яна. М.: Мысль, 1970.

черно-белой пленке, создавал фотографию через три фильтра, т.е. три снимка одновременно. Он сделал много цветных снимков в Самарканде и Бухаре. Кстати, первая цветная фотография Л.Н. Толстого была сделана Прокудиным-Горским. Но при своей жизни, когда пришла русская революция он не смог завершить свое дело, соединить три фильтра и сделать технологию цветной фотографии. Физик, шотландец Джеймс Максвелл завершил дело Прокудина-Горского, создал цветную фотографию.

Вы знаете, в России создавали и панорамные фото. Создавали специальные выставки панорамных фото в России, например, советский фотограф Борис Михайлов. На немецком языке публиковались его книги. Его фотографии выставляли вместе с фотографиями царского времени.

А. Мещеряков: Я познакомился с вашими работами на вашем сайте, часть видел на вашей лекции. С помощью своих фотографий вы пытаетесь зафиксировать этнические аспекты, идентичность, культурную гибридность, природу человека, среду обитания. Какие методы вы используете? И ваша работа, ваша деятельность – это больше наука или искусство?

Й. Монахова: Вчера один господин задал мне вопрос: журналистка ли я или художник? Мое ремесло, моя деятельность, я думаю, это более широкое понятие. Мы часто говорим быть «под зонтиком искусства». Можно быть кем угодно, потому что, если вы ученый, вы можете использовать методы науки, и если вы ученый, вы не можете быть «под зонтиком искусства». Я как раз в последнее десятилетие заинтересовалась взаимоотношением науки и искусства. Существует много методов, и мы не должны ограничиваться чем-то одним. Как вы решаете, что включать, а что не включать в свои работы с эстетической точки зрения? Когда вы располагаете чувствами, вы не совсем ученый. И на другом уровне, материальном уровне, физически так получается, физически так выглядит, потому что это не просто многие вещи передать через текст. Ну конечно среди академиков тоже есть те, кто красиво пишет, те, которые убеждают, как, например, М. Фуко. На физическом уровне это выглядит очень эффективно, т.е. как ваша работа влияет на чувства в момент восприятия ее другим человеком. Какие-то вещи могут иметь хорошую интеллектуальную базу, но потом с точки зрения чувств восприятия они совершенно иные. Художники предоставляют себе больше свободы, и это сложно с точки зрения методологии

академической науки. Ведь ученым нужно, чтобы было вот так, как его научили. Или вот так – согласно действующим правилам. А художник очень изменчив. Всегда изменчив. Поэтому я работаю в разных пространствах. Проект, который вы смотрели «*The Nature of imitation*», где я фотографировала птиц я сотрудничала с учеными, которые изучают птиц. Они очень регламентированы в своих исследованиях, систематизировали данные, вкладывали данные и получали результаты. Эмоционально я подходила к этому с позиции чувств. И у меня не было потребности, что нужно показать каждый вид птиц. Всегда существует проблема сочетания искусства с наукой. Мне было очень приятно, когда вы сказали, что я работаю как историк. Но в действительности я читаю много книг, эта привычка сохранилась у меня после изучения итальянской литературы. Я занимаюсь многими вопросами, как и многие художники. Но многие американские художники они вникают в науку, например, направление межкультурных коммуникаций. Они много читают, вникают во многие теории, и это на них очень влияет. Но потом они находят иные способы показать свое творчество.

Когда я читала А. Данте у меня было желание создать проект и соединить свои фотографии с его методом комедии. Но я не завершила этот проект. Я думала какое взаимоотношение текста может быть использовано, в изучении современной жизни, которая может оказаться архивом тех наблюдений и тех мнений, которые такой мастер-поэт – каноническая фигура – оказал значение на итальянскую культуру. Как они могли быть совместимы. Я начала такое исследование.

В этом исследовании нельзя было использовать методику свободного фотографирования. Фотография должна была совмещаться с другой областью знаний. Нужно было определить соотношений нескольких сфер знаний. И это был для меня путь вперед.

А. Мещеряков: Американцы сохраняют фотографии в архивах. Архив фотографий имеет свои особенности? Или он выглядит как архив документов? Как американцы создают архив фотографий?

Фотография №1. The Nature of Imitation (2010-2014). Blue China, 2011.
 Автор фото: Йола Монахова Стоктон

Й. Монахова: Есть отдельные знаменитые архивы и частные государственные. Есть один из главных – это архив Конгресса США. Там хранятся одни из самых важных фотографий, которые фотографировали именно для государства. Самый интересные период для фотографии был в 30-е годы, когда нанимались фотографы,

которые фотографировали период депрессии для пропагандистской цели. На фотографиях отражали проблемы общества, проблемы отдельных людей, с которыми они столкнулись во время экономического кризиса. Это помогло президенту сформировать новые направления развития социальной помощи. Все эти фотографии оказались в государственном архиве Конгресса США. Все фотографии, которые имеют отношения к государству и власти, попадают исключительно в государственный архив. Что касается частных архивов в США, это частные компании, у них есть отдельные музеи. Это огромные роскошные архивы. Они выкупают частные архивы. Например, частный архив Беттмана (*Bettmann*). Кстати, этот архив был создан евреем Отто Беттманом, который иммигрировал в США, спасаясь от нацистской Германии. Он привез в США свою личную коллекцию книг, документов и фотографий. Затем его архив регулярно пополнялся новыми материалами.

А. Мещеряков: посмотрел Ваши работы. Особенно мне понравился Ваш фоторепортаж о Мурманске, где вы старались запечатлеть жизнь россиян в их обыденной повседневности. Вы будете продолжать этот проект?

Й. Монахова: Раньше я работала для прессы, для *The New York Times*. И потом у меня была возможность фотографировать для личных целей. В Мурманске моя коллега журналистка, она француженка, предложила совместный проект путешествия. Это было путешествие на собственные средства. Конечно, я бы хотела продолжать фотографировать в России, но пока что на это нет финансирования. Свою работу в путешествиях я заменила на штатную работу в университете.

А. Мещеряков: Заметили ли вы отличие между работами американских фотографов и российских фотографов? Россияне и американцы одинаково подходят к отражению моментов в истории общества?

Фотография №2. Once Out of Nature: Travels through Russia (2003-2007).
 Ekaterinburg, 2003. Автор фото: Йола Монахова Стоктон

Й. Монахова: Мне кажется, что здесь совершенно другая культура. Я познакомилась с несколькими фотографами в России. Сейчас в России скорее всего идет культура фотографировать то, что интересно, не то, что с углубленной тематикой, ну вот красивые моменты. В России принято также фотографировать за деньги, например, свадьба или другие мероприятия. Но в Америке большая развитая культура фотографии, и это связано с обучением, созданием специальных факультетов по изучению фотографии. У нас очень много институтов по фотографии при университетах и множество образовательных программ. Наши студенты могут получить степень бакалавра по фотографии. Также у нас есть культура проекта, нужно найти тематику, нужно заниматься обязательно собственным проектом, нужно заинтересоваться темой, читать по этой тематике литературу и находить правильный способ фотографировать. Не как вам это угодно, а как этого требует тематика и методология. Мы обучаем студентов выбирать, как изучать историю фотографии, это очень важно для нас. Сегодня существует большое разнообразие

литературы и с историческим оттенком, и с философским оттенком, например, как фотографы раньше работали, и поэтому студенты должны уметь выбирать, как они будут работать. Ну и история фотографии имеет коммерческий оттенок, как вы говорили, например, фотографии фронта в Америке. Фотографы фронта делали огромные фотографии большими фотоаппаратами, путешествовали, и затем эти работы продавались за большие деньги. Некоторые из них стали очень богатыми. Но, когда ты фотографируешь, будучи фотографом не за деньги, а для себя, для собственного удовольствия, то появляется такая мысль, что ты свободный человек, никто не владеет твоим мышлением.

В России нет открытого доступа для современного человека к большой литературе о фотографии. Это насущная проблема, и это очень печально.

А. Мещеряков: В истории мы часто обращаемся к живописи. И мы всегда думаем об имени автора. О том, кто создал это произведение. Какое значение имеет имя фотографа в его работах в США?

Й. Монахова: Это зависит от того, где работает фотограф. Многие работают для прессы. И когда публикуется множество одинаковых фотографий в разных СМИ, то, конечно, никому не интересно, кто делал это фото. Но есть фигуры, которые работают в сфере искусства, их работы очень ценятся, и мои кстати в том числе. Их выставляют на выставках. Когда у меня бывают успешные проекты, то фотографии продаются за хорошие деньги. Они имеют определенную ценность. Но все это капиталистическая система, в которой все четко контролируется – количество экземпляров, тираж и цена на них. Есть такой рынок фотографий, есть люди, которые работают на этом рынке.

В 2006 г. одна из фотографий была продана за 1 млн. долларов, но автор был художник. Он не являлся фотографом. А первый фотограф, который продал фотографию за 1 млн. долларов был Ричард Принс (*Richard Prince*). Это как раз относится к американскому фронтиру. В 1980-е гг. была очень популярна реклама сигарет «*Marlboro*». Я против сигарет, но они очень знамениты. В этот период были популярна реклама «*Marlboro Man*». И специально нанимали фотографов, которые фотографировали ковбоев в шляпах на лошадях с лассо (Prince, 2019). Эти очень маскулинные имиджи распространялись в рекламах. И одному художнику, работавшего в

бюро архивов журнала *Time* пришла мысль, как использовать фотографию вместо того, чтобы быть, тем, кто работает для коммерческих отделов прессы. Он увидел страницу в журнале *Time*, снова ее сфотографировал, создал направление в фотографии «пересфотографирование». Он почувствовал значение архива, почувствовал новые течения культуры, почувствовал значение человека на фронтире, т.е. образ мужественного мужчины на фронтире. Он понял, как будет распространяться имидж и создал подобные работы, и они очень дорого ценятся на американском рынке фотографии. И это была первая фотография, которая была продана за 1 млн. долларов.

А. Мещеряков: Что необходимо современному историку, который занимается фотографией? В нашей работе это очень важно. На что необходимо обращать внимание с вашей точки зрения?

Й. Монахова: Август Зандер, немецкий фотограф, который работал над таким проектом – «Что такое немец»? Он не фашист, а его сын был марксистом. Архив его работ сожгли. Ему было интересно, как личность соотносится с тенденциями культуры? Как профессия влияет на личность? Какое соотношение между вопросом, кем люди являются, и то, каким ремеслом они заняты? Где те маркеры, которые говорят, что они занимаются именно этим ремеслом? Какими географическими и этническими характеристиками человек обладает, и как все это влияет на личность? Эта тема очень интересна.

Фотографировать нужно не то, что является красивым или художественным, а возможно то, что отражает жизнь человека, общества. Прошлое необходимо наблюдать на многих уровнях. Например, как выглядит человек, многие другие аспекты этнологии, истории. Необходимо чувствовать и наблюдать моменты современности и прошлого, потому что вы родились тут, ваши народности долгое время жили здесь или как-то оказались тут, и это видно в чертах человека. И если у вас интересные современные стили одежды, которые вы купили и оделись в них, значит какие-то направления современной торговли привели вас к этому или вы сами выбрали эту одежду. Фотография способствует наблюдению за изменением истории. Еще вопрос индивидуальности, потому что нельзя сказать, что вы являетесь только продуктом исторического прошлого. Соотношение индивидуальности человека и прошлого – это очень важный аспект.

Также такие фотографии, как Бернд и Хилла Бехер, фотографировали архитектуру, точнее «повторение архитектуры». Они фотографировали водонапорные башни в одинаковом ракурсе, соединяли 12 фото в единую и тем самым им удалось заметить отличия и сходства (Stimson, 2004). Они очень влиятельны в истории фотографии. Если вы занимаетесь историей архитектуры, этот опыт будет полезен для вас.

А. Мещеряков: Был и полезен для вас опыт, полученный в России?

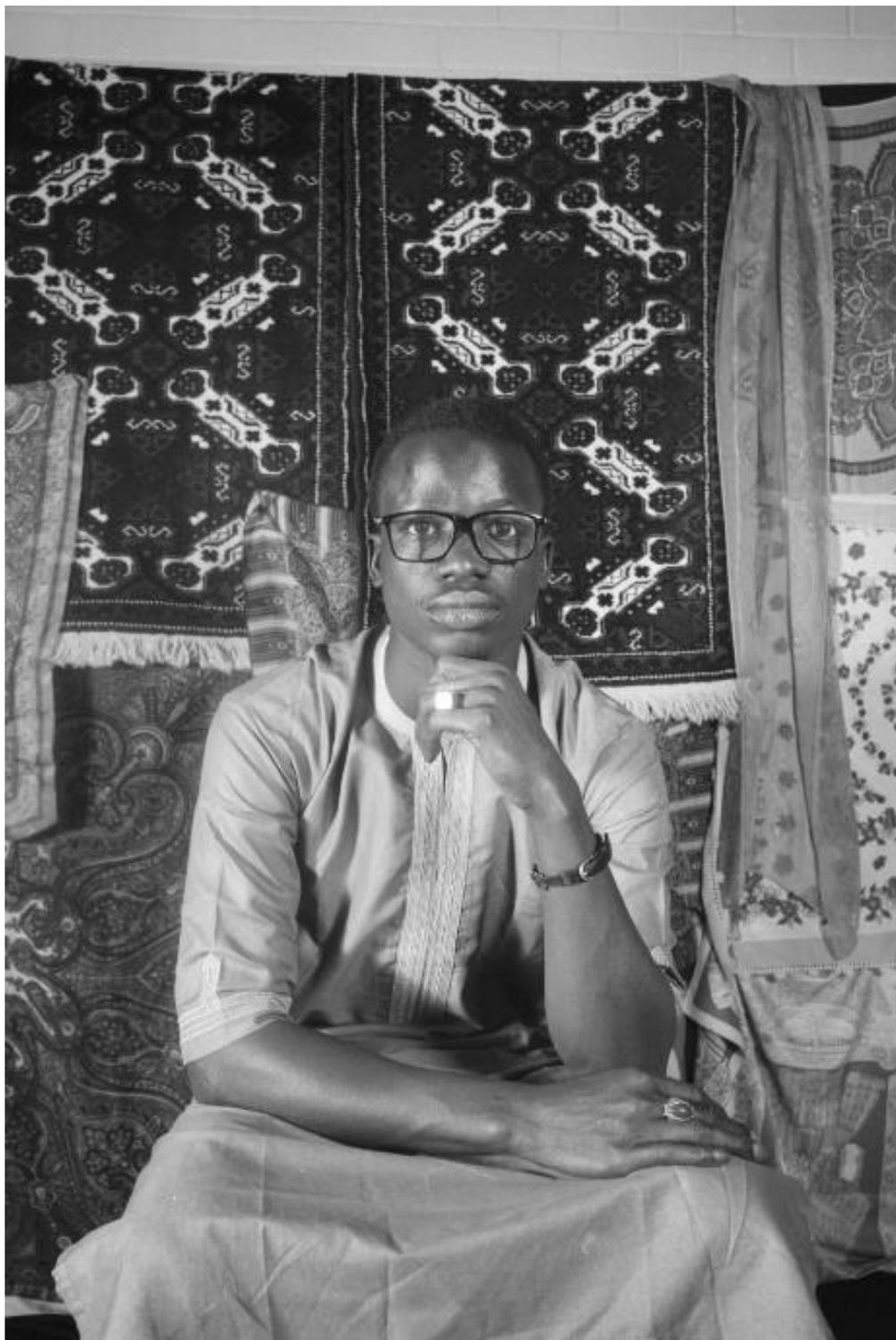
Й. Монахова: Наверное это помогло мне получить новое вдохновение. Когда ты живешь в своей среде, тебе кажется, что горизонт очень маленький. И общение с русскими студентами и преподавателями меня очень вдохновило. Мне очень понравилось гостеприимство, любезность в России. Очень важно было для меня получить возможность осветить темы на своих лекциях в России. Приезд сюда дал для меня возможность открыть новое исследование, рассмотреть новые идеи.

А. Мещеряков: Спасибо вам!

Й. Монахова: Спасибо.

Фотография №3. Студенты в национальной одежде (туркмены).
 Астраханский государственный университет, 2018.
 Автор фото: Йола Монахова Стоктон.

Фотография №4. Студент в национальной одежде.
Астраханский государственный университет, 2018.
Автор фото: Йола Монахова Стоктон.

Список литературы

Prince Richard (2011). *Photographs. Cowboys*. Retrieved from:
<http://www.richardprince.com/photographs/cowboys/>.

Stimson Blake (2004). *The Photographic Comportment of Bernd and Hilla Becher*. Retrieved from:
<https://www.tate.org.uk/research/publications/tate-papers/01/photographic-comportment-of-bernd-and-hilla-becher>.

A PHOTOGRAPHER IN-BETWEEN HISTORY AND ART

Yola Stockton Monakhova (a), Alexander Yurievich Meshcheryakov (b)

(a) SUNY Buffalo State, Upton Hall 308D, 1300 Elmwood Avenue, Buffalo, New York, USA 14222.
E-mail: yolamyola@gmail.com

(b) Astrakhan State University, 20a Tatischeva str., Astrakhan, Russia 414056.
E-mail: daomesheryakov@gmail.com

Abstract

Yola Monakhov Stockton is an artist who works in photography. She is an author of artist and documentary books. Born in Moscow and raised in New York City, she studied Comparative Literature at the University of Wisconsin - Madison, and received two Master's degrees from Columbia University, in Italian and in Visual Arts, with a concentration in Photography. Between her studies in Italian and in Art, Yola worked internationally as a photojournalist in Central Asia, the Middle East, the former Soviet Union, and in the United States. Currently, she serves as director of the photography program at SUNY Buffalo State. Her work has been shown in solo exhibitions at the Alice Austen House Museum; the LightField Festival at the Hudson Opera House; the Photography Biennale of Tianshui, China and many others.

In 2018, Yola Monakhova Stockton visited Astrakhan State University and taught there lectures and photography workshops with the theme "Opening Archives". After the lecture, we spoke with Yola Monakhov Stockton about the importance of photography in the study of history, about the training of photographers in the US and many others topics.

Keywords

Interview, photography, American photographer, American frontier, identity, cultural encounters, Astrakhan, New York, Buffalo, Hawaii.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

References

- Prince Richard (2011). *Photographs. Cowboys*. Retrieved from: <http://www.richardprince.com/photographs/cowboys/>.
- Stimson Blake (2004). *The Photographic Comportment of Bernd and Hilla Becher*. Retrieved from: <https://www.tate.org.uk/research/publications/tate-papers/01/photographic-comportment-of-bernd-and-hilla-becher>.

ISSN: 2500-0225

16+

**ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№2 (14)

2019

ISSN: 2500-0225

16+

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

№2 (14)

2019